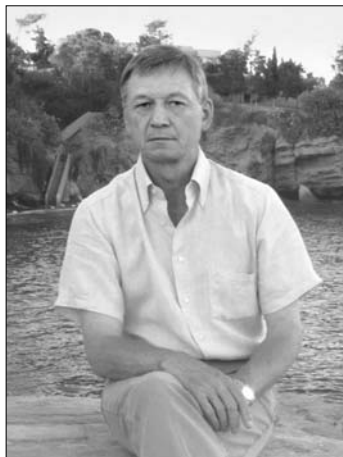

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

ПОСТИЖЕНИЕ ЛЮБВИ

РОМАН*

23

В Ньюю въезжали уже в синих сумерках, ставших с началом августа настолько густыми, что пришлось включать дальний свет фар. Да, предосенний месяц с каждым днём заявлял о себе всё сильнее, всё явственнее вернувшейся вечерней, переходящей в ночную темень, в которой всегда чувствуется если не таинственность чего-то не изведанного до конца, то тревожное ожидание, пускай пока необъяснимого, но нового в природе, в родной жизни, в горячих трудовых хлопотах — везде, где присутствие человека определено свыше. Полуденное солнце по-прежнему светило со своей небесной вершины золотоносно, мощно, но в его искрящихся, густых лучах уже не было того молодого задора, той смелости, того огня, что неумоимо прогревали воздух до звона и маревой розоватой прозрачной дымки на горизонте.

Небо, продолжавшее бодро синеть, отливая лазурью, как бы стало ниже, всё чаще и чаще цепляясь медленно, словно натужно плывущими на север плотными, белёсыми облаками за верхушки могучих лиственниц, венчающих скалистые сопки правобережья Лены. По утрам от сильного падения температуры воздуха над рекой образовывался такой густой, непроглядный, медленно клубящийся туман, что пароходы вынуждены были, чтобы не наскочить на мель или того хуже — на береговые скалы, бросать якоря и подавать всю ночь длинные, глухие, словно глубоко вязнущие в тумане предупредительные гудки на случай, если бы какой-нибудь капитан-ухарь, пренебрегая правилами судоходства, всё-таки решился на продолжение слепого плавания в темноте.

В полуночном мраке, плотно окутывающем реку, мужики из прибрежных посёлков перешли на рыбалку с лодки. Для этого на самом носу ставили ярко горящий от автомобильных батарей фонарь, чтобы светом пронизывать до берегового дна прозрачную воду со стоящими против течения линьками и тайменями. Лодка в безветренную погоду славлялась по речной глади так бесшумно, что совершенно не пугала их,

Продолжение. Начало в №1 за 2017 год.

пока в спину не вонзалась смертоносная острога, метко направленная в резком и метком броске рукой рыбака. Но густой темнотой пользовались всю ещё и, чёрт их подери, ленивые охотники. Дело в том, что подростки зайцы, ещё совсем не опытные, точней, совершенно не пуганные, от дневной жары испытывающие сильную жажду, по ночам из прибрежных тальниковых кустов безоглядно выбегали к реке попить воды. Но по дороге к ней или от неё неожиданно их ослепляли ярким сабельным автомобильным светом, и вместо того чтобы пулей нырнуть в спасительную темень, они, словно заколдованные, бросались наутёк в световых границах, становясь лёгкой добычей для меткого стрелка. Назвать по чести такое промысловое занятие иначе, как убийством, было нельзя. Люди с тонкой, жизнелюбивой душой страшно жалели бедных зайцев, а к так называемым охотникам относились с нескрываемым негодованием и презрением. Между тем, и такой подлый промысел являлся суровой правдой жизни. Можно было не понимать её, но не принимать значило считаться или человеком, как бы свалившимся с луны, или просто духовно слабым, не способным бороться со злом в любом его проявлении.

Анатолий Петрович в юности немало пострелял водоплавающей птицы, добывал величественного, могучего, с ветвистыми рогами-коронай гордого лося. Один раз даже на таёжной тропе столкнулся с медведем. От охватившего душу испуга щёлкнув курками двухстволки, резко вскинув её исключительно с целью защиты, прицелился в грудь лесного великана. И, скорей всего, не нажал бы на курок, если бы царь таёжных зверей, вместо того чтобы, как обычно летом, когда, находясь в состоянии сытости, он становится как бы мирным, свернуть с таёжной тропы, спровоцированный враждебным поведением человека, вдруг встал на задние могучие лапы и, грозно рыча, был готов в любую секунду наброситься на него. И, к сожалению, ничего не оставалось, как только, выстрелив картечью, свалить зверя наповал. О чём потом Анатолий Петрович очень долго и мучительно сожалел, ибо от природы был неисправимым романтиком, а добытчиком стал, можно сказать, поневоле, исключительно с целью пропитания в глухой тайге, находясь от дома в нескольких десятках километров на заготовке сена для совхозного скота.

Со временем, летящим большим, пусть невидимым, но острокрылым, образно говоря, вскрикивающим гортанно соколом, в таёжной глухомани напрочь отпало и желание охотиться вообще, и вскоре птицы и звери иначе, как братья меньшие, не воспринимались. И когда мать попросила юного Анатолия для супа зарубить курицу, то он, хотя сразу и стало тяжело на душе, все же нашёл в себе силы поймать её и, держа за задние ноги, не только положить головой на чурку, но даже и занести над птичьей шеей остро отточенный топор, а вот отпустить его уже ну никак не смог. Вместе с тем в посёлке во всех драках, то и дело возникающих между ребятей, он являлся самым активным, самым упорным, самым жёстким бойцом; если считал, что прав, то бился до последних сил, порой до крови. Со временем дать сдачи, конечно, стало ярко выраженной чертой его волевого характера. Но однажды в большом и шумном городе, в трамвайной жёсткой сутолоке, получив от пассажира, напролом протискивающегося к выходу, нечаянный резкий толчок в бок, по рёбрам, он еле сдержался, чтобы в ответ не ударить “обидчика” кулаком по лицу. Прослужив в армии всего лишь первую неделю, умудрился, встав на защиту на вид ну, совсем тщедушного солдата, якута, на глазах всего взвода подраться с хохлом, за что при вечернем разводе получил от капитана, дежурившего по части, три наряда вне очереди. И за ним, как среди сослуживцев, так и офицеров части, даже закрепилась кличка “Драчун”. Повзрослев, осмыслил свою горячность, сопровождавшую всю его юность, пришёл к выводу, что она была, скорей всего, вызвана природным, острым чувством желания справедливости всегда и во всём...

Ещё на дальнем подъезде к дому Анатолий Петрович заметил, что оба фасадных окна гостиницы, ставшей его семейным гнездом, хоть и были плотно зашторены, но матово светились в темноте, освещая деревья и кусты в палисаднике. “Несмотря на поздний час, Мария, моя, да-да моя! — жена, нежданно-негаданно, словно с неба, свалившаяся в мою такую непростую судьбу, ожидает меня, как и подобает верной супруге! Счастье-то какое!..” — солнечно подумалось Анатолию Петровичу. От этой мысли душу окатила волна глубокой нежности и та трогательная умиленность, от которой сладко замирает, становясь мягким, податливым, словно пластилин, крепкое мужское сердце. Отпустив водителя, он ветром влетел в дом. На шум открываемой двери из кухни вышла Мария, со следами лёгкой тревоги на лице, но тотчас приветливо улыбнулась:

— Что так поздно? Ладно, все разговоры потом! Сейчас давай быстро мойся и садись за стол — я тебя ужином кормить буду!

Анатолий Петрович скороговоркой ответил:

— Конечно, конечно! Я мигом!..

Но, продолжая находиться во власти нежности, охватившей его душу, подошёл к жене, обнял её за хрупкие девичьи плечи, и страстно, словно после годовой разлуки, поцеловал в губы. По телу огнём полетело желание близости, голова пошла кругом, но Мария, как обычно, в ответ не стала оплывать горящей свечой, а как-то неожиданно внутренне туго напряглась, и это чуткими своими пальцами тотчас ощутил Анатолий Петрович. Не выпуская жену из объятий, а лишь откинув голову и сверху пытли-во глядя в её огромные глаза, удивлённо спросил:

— Что-нибудь случилось? Дома? На работе?

— Дома, как видишь, все нормально! А вот на работе, действительно, произошла неприятность, но она, мне кажется, не настолько значительна, чтобы сейчас, когда ты сильно устал, так голоден, с дальней дороги, да на сон грядущий говорить о ней. Завтра утром придёшь в контору и сам всё узнаешь! Во всём разберёшься! Хорошо, милый?

— Хорошо! — не без сожаления согласился Анатолий Петрович и, быстро приведя себя в порядок, сел за стол. Он в самом деле, как никогда, по-настоящему сильно проголодался, поэтому ел быстро, словно боясь опоздать на какое-то очень важное дело. Запил второе горячим чаем со смородиновым вареньем и только теперь, откинувшись на спинку стула, посмотрел взглядом сытого человека на жену, за весь ужин не проронившую ни слова, но с благодарностью отмечавшую, что приготовленный ею ужин очень пришелся мужу по вкусу.

— Спасибо, милая! Ты меня в самом деле спасла от голодной смерти! — управившись с едой, шуточно поблагодарил жену Анатолий Петрович.

Потом взял её тёплую ладонь в руки, слегка сжал пальцами и, не отводя от её лица серьёзных глаз, неожиданно проникновенно заговорил:

— Несмотря на свою семейную неопытность, ты, надеюсь, знаешь, что семья без детей — как кирпичная кладка, не скреплённая цементным раствором, не может быть крепкой. Поэтому я очень прошу тебя, когда поймёшь, что беременна, тотчас сообщи мне об этом. Моя просьба естественна и вряд ли нуждается в обсуждении!

— Я согласна с тобой! — ответила Мария, тронутая тёплой мужней заботой о ребёнке. — Но по совести, откровенно, скажи мне, кого ты больше хочешь — мальчика или девочку?

— К счастью, я не принадлежу к эгоистичным мужчинам, для которых крайне важно, чтобы первенцем был мальчик! Поэтому любому ребёнку я буду очень рад, ведь его мне подарит дорогая женщина! Мужчин, думающих иначе, я не осуждаю, поскольку их самолюбием правит на протяжении многих веков сформировавшаяся в сознании необходимость иметь наследника, так сказать, продолжателя рода. И сегодня это важно в странах с монархическим строем для коронованных особ, а мне — сыну учителя и ветеринарного фельдшера — нисколько!

Довольная рассудительным ответом мужа, Мария, пленительно улыбаясь искрящимися глазами, обнажённо, солнечно воскликнула:

— Анатолий, какой ты милый!

И тотчас посмотрела на него с нежностью таким выразительным, томно-пьянящим горячим взглядом, что он тотчас утонул в нём со всей вспыхнувшей в душе, как порох, глубокой страстью...

На днях вторую комнату, единственное окно которой выходило в огороженный штакетником двор, было решено превратить в спальню. Для этой цели в неё перенесли кровать и, какой она ни казалась маленькой, ещё осталось свободное место для будущего бельевого шкафа и трюмо. Мария от природы была жаворонком: обычно ложилась спать рано и засыпала, едва положив голову на подушку, а Анатолий Петрович, наоборот, — совой и потому раньше двенадцати не отходил ко сну, и то лишь после обязательного тщательного обдумывания всего пережитого за день, а если всё не засыпал, то и завтрашнего. И в этот поздний вечер, верней, в начале ночи, он, ещё раз посмотрев с нежностью на супругу, заснувшую прямо в его расслабившихся объятиях, чьё милое лицо в лунных лучах, льющихся сквозь белую тюль, казавшееся нежно-матовым, было еще прекраснее, осторожно лёг на спину и, привычно закинув правую руку за голову, устремил взгляд в окно, словно там, в небесной выси, серебряно мерцающей ярким светом бесчисленных звёзд, хотел найти ответ, что же в самом деле случилось на работе в его отсутствие.

Но всё-таки, каким вихрем ни пронеслись в отяжелевшей голове разные тревожные мысли, в конце концов, сильная усталость взяла своё, и он заснул беспокойным сном. Поэтому ранним утром, на самой алой зорьке, когда проснулся, ему подумалось, что лишь малость дремал, и он, конечно, не смог сполна отдохнуть, тем более, что во сне перед мысленным взором проходили какие-то странные, чёрные, вихростые видения, напоминавшие пляшущих и кривляющихся чертей... Во всём теле остро чувствовалась

угрюмая, свинцовая усталость, словно и не было ночного отдыха, Тем не менее Анатолий Петрович, стараясь не разбудить, сладко спящую жену, осторожно поднялся. Но только стал не спеша одеваться, как за спиной услышал её сонный голос:

— Дорогой, ты без меня позавтракай, ладно?

— Нет проблем! Поспи ещё немного — время есть!

Зарождающийся новый день щедро обещал быть погожим: малиновое огромное солнце, поднявшись над горизонтом, светило ярко, весело, как праздничное лицо молодки на Масленицу, в сгустившейся за долгую ночь синеве, по краям с дымкой-туманом, величаво плыли в своём извечно строгом молчании легко клубящиеся, розоватые облака, с реки дул свежий, ещё прохладный ветерок, игриво шелеста начинающей темнеть листвой берёз и тополей, незлобиво покачивая верхними ветвями, на которых, рассевшись поудобней, свистели во все свои сладкозвучные дудки чижи и дрозды, и, стараясь не отстать от них в утреннем пении, заливисто, им в унисон свистели синицы и красногрудки.

Анатолий Петрович, стремительно сбегав с крыльца и войдя под лесную сень, не мог не восхититься природой, не проговорить в душе: “Красота! Только жить бы да радоваться!..” Пройдя через небольшую сосновую рощу по тропинке, сплошь застланной прошлогодней хвоей с валявшимися сухими старыми шишками и ветками, издававшими под ногами лёгкий хруст, вышел на улицу Новая, наполовину застроенную в пору его совхозного прорабства. Двухквартирные дома, возведённые из соснового бруса, стоящие под двухскатными шиферными кровлями, с застеклёнными верандами и штaketными заборами, смотрелись добротнo, как бы ненавязчиво свидетельствуя, что порученное дело было им выполнено на совесть и теперь вызывает в душе глубокое, заслуженное удовлетворение собой, говорит, что жизнь проходит не зря.

На половине пути к совхозной конторе повстречался лет пять тому назад обосновавшийся в посёлке Добрынин Константин Иванович, ветеран уже давно отгремевшей Отечественной войны. Но при воспоминаниях о ней у каждого бывшего фронтовика продолжало саднить сердце, как бы вскрываться и больно ныть полученными в жестоких боях ранами... Но хотя и вышедший по возрасту и рабочему стажу на заслуженную пенсию Добрынин, обладавший редким для посёлка даром печника, продолжал трудиться себе на радость и на благо всех нуждающихся в его трудовой помощи односельчан: одному заменил прогоревшие колосники или треснувшую плиту, другому забившиеся сажей дымоходы прочистит, а третьему и вовсе печь переложит, при этом за свою непростую работу плату брал весьма умеренную, а поскольку ещё и алкоголь употреблял лишь строго по календарным праздникам, то среди односельчан, особенно их женской половины, пользовался непререкаемым авторитетом. На быстром ходу поздоровавшись с ним, Анатолий Петрович едва прошёл мимо, как печник его вежливо, но твёрдо окликнул. Хотя времени было в обрез, тотчас остановившись, Анатолий Петрович повернулся:

— Константин Иванович, хотите со мной о чём-то поговорить? Только, пожалуйста, прошу, поконкретней, ибо времени почти нет!

— Да-да, если вы не против, то парой слов надо бы обмолвился с вами! И в первую очередь о том, что по тому, как вы железной хваткой, словно быка за рога, взяли за своё директорство, можно верно судить о вашем намерении наконец-то навести в совхозе подобающий порядок. И это делает вам честь! Только мне кажется, что ваши ближайшие помощники сделать это вам так просто не дадут!

— Почему?

— Анатолий Петрович, а разве вы в самом деле ещё не в курсе, что произошло вчера на закладке силоса в траншею?

— К сожалению, нет!

— Неприятно первому сообщать о плохих вестях, но, как говорится, коли назвался груздем, так полезай в кузов! Дело в том, что назначенный вами руководителем управленческой бригады главный агроном Хохлов после обеда прямо на рабочем месте, а именно в силосной траншее, на глазах рабочих устроил, так сказать, с коллегами, верней, собутыльниками, празднование своего дня рождения. Надрались все без исключения так, что управляющий отделения их по домам целый вечер на своём бортовом “уазике” развозил. Стыд и срам!

Услышав и правда недобрую весть, Анатолий Петрович вдруг ощутил такой жар на лице, словно по нему с отяжкой кожаной плетью ударили. Всё же нашёл в себе силы более-менее спокойно спросить:

— А что вы хотите сказать ещё?

— О происшедшей в траншее дикой, извините, что слов не подбираю, пьянке уже через несколько часов совхозные рабочие только и говорили! А сегодня, думаю, и весь

посёлок об этом на все лады судачит! Ведь у нас как: на одном конце аукнул — на другом тотчас и откликнулось...

— И что же?

— Они, как и я, прекрасно понимают, что вчерашняя организованная безответственная гулянка — это не что иное, как наглый, ничем не прикрытый вызов вам! В связи с этим, естественно, у всех возникает вопрос: “Как директор отреагирует? Примет меры или, подобно своим предшественникам, сделает вид, что ничего страшного не произошло?”

— Не переживайте — приму и вызов, и, как смогу, отреагирую на него!

— Это хорошо! Только говорить — что по ветру листву пускать, а вот сделать задуманное по совести, да так, чтобы другим nepовадно было даже подумать о плохом. Ох, сколько для этого стальной воли, кремневого терпения иметь надо! Ну, ладно, иди, милый!

— Спасибо за напутствие! Я его непременно учту!

Оставшийся путь до конторы, чтобы хоть как-то сбить охватившее, словно клещами, душу негодование, Анатолий Петрович преодолел на пределе сил. Взяв ступеньку на крыльцо, обратил внимание, что в кабинете главного ветеринара Олега Сергеевича Очирова, бурята из Улан-Удэ, сорокапятилетнего, низкорослого, полноватого, с кривыми ногами, с круглым, как полная луна, лицом, на котором синели узкие глаза-щёлочки, а в уголках рта часто пробегала то ли лёгкая улыбка, то ли горькая усмешка, собрались все главные специалисты и о чём-то с похмелья лениво, почти не жестикулируя, говорили...

Вместо того, чтобы пройти в кабинет и в рабочей обстановке трезво, в присутствии председателя профкома разобраться с происшествием, Анатолий Петрович, словно влекомый какой-то высшей волей, с сильно бьющимся сердцем, с гудящим шумом в ушах от резко прихлынувшей крови, ринулся на свою грозную судьбу в лоб. Шумно распахнув двери, он предстал перед своими заместителями так неожиданно, с таким злым огнём в глазах, что они, опешив, тотчас замолчали. На несколько секунд в кабинете повисла глубокая, давящая душу тишина, даже было отчётливо слышно жужжание мухи, бессмысленно пытавшейся сквозь оконное стекло вылететь на улицу. В это короткое время в голове Анатолия Петровича вихрем пронеслись мысли в поисках верного решения, но оно никак почему-то не приходило, и тогда он, наконец, стараясь не сорваться на крик от всё никак не проходившего негодования, в упор устремив пронизывающий, огневой взгляд на главного агронома, медленно, словно языком ворочал что-то больно тяжёлое, заговорил:

— Хохлов, я думал, ты порядочный человек, ответственный специалист, как-никак совсем недавно сам совхозом руководил, а на поверку о тебе иначе, как о мерзавце, сказать нельзя! С Бахтиным повёлся? Или сам насквозь гнилой, с душой размером с вошь? Если это так, то я ведь не его назначил руководителем силовой бригады, а именно тебя! Значит, в любом случае, — нет, не перед совестью, поскольку она у людей подлых спит непробудным, дремучим сном! — а по трудовому Закону будешь ты отвечать по всей строгости! Надеюсь, меня хорошо понял?

— Понял! Но только то, что не тебе, пока ещё товарищ директор, мне мораль читать! — и подойдя почти вплотную, пальцем нервно тыча своему начальнику в грудь, продолжил: — Сам ты — вошь! И знай, мы и тебя раздавим так, что только мокрое место останется!

Последние слова Хохлова ещё больше усилили и без того клокочущий лавой гнев в душе Анатолия Петровича. Тотчас в нём словно проснулась многие годы дремавшая молодецкая драчливость, и он, не помня себя, со всей силой так точно ударил заместителя в скулу, что тот, всплеснув руками, точно подбитый селезень крыльями, перелетел через стол и обязательно грохнулся бы на пол, если бы коллеги не подхватили его под мышки. Увидев непростительное дело кулака своего, Анатолий Петрович мгновенно проникся сознанием совершённой серьёзной ошибки, которой не может быть никакого оправдания, но вдруг почувствовал, что его словно с головой окатили ледяной водой, и накопившийся в душе гнев, словно крутая волна, стал понемногу остывать. Тяжело, прерывисто дыша, он вышел в коридор.

В горле напрочь пересохло, страшно захотелось пить, а от злости на себя за проявленную, как в мальчишестве, несдержанность, которая сделала его ещё больше уязвимым как руководителя, хотелось загнанным волком выть. Секретарша, с кем-то живо говорившая по телефону, увидев директора с пылающим лицом, одновременно со следами то ли дикой усталости, то ли острой боли — с чем именно, она никак не могла понять, — быстро положила трубку, и своего начальника, уже входившего в кабинет, с тревогой, чуть слышно спросила:

— Чай пить будете?

— Извини, не понял!.. Повтори, пожалуйста! — в ответ приглушённо, словно из-за плотной двери, прозвучал директорский голос.

— Я спросила про чай!

— Да-да, принеси!

Оставшись один, Анатолий Петрович залпом выпил горячий, свежесваренный чай, молча принесённый секретаршей на расписанном цветами жестяном подносе, и, переосмыслив свой никуда не годный поступок, задаясь вопросом: “Что же делать дальше?” В попытке ответить на него невольно стал напряжённо думать: “Если следовать моему правилу, то надо пойти и извиниться перед Хохловым. И я это без колебаний сделал бы! Но ведь он на самом деле получил лишь немного от того, что в полной мере заслужил. Подумать только: в самый разгар кормозаготовительных работ, когда если не день, то неделя точно год кормит, преследуя подлые цели, на глазах рабочих, своих подчинённых, устроил самую настоящую пьянку, после чего потерял всякое моральное право руководить ими и запятнал позором весь управленческий аппарат! Из любых правил есть исключения. Вчерашнее происшествие является вызовом не только мне, но в моём лице и всему трудовому коллективу хозяйства, и без того пользующегося недоброй репутацией. И это говорит лишь об одном: надо и дальше, конечно, без всякого распускания рук, давить на зарвавшихся заместителей, ибо в противном случае они меня сами точно, как вошь, раздавят...” От этой мысли-ответа на свой вопрос на душе стало легче, словно после долгих скитаний во тьме впереди вдруг забрезжил спасительный свет. И Анатолий Петрович дал короткое, но строгое указание секретарше срочно собрать расширенное совещание с приглашением всех руководителей среднего звена.

Вскоре кабинет полностью заполнился, явился даже Хохлов с заметно припухшей скулой, скромно сел у самой двери, опустив глаза. “Ага! — подумал Анатолий Петрович. — Всё-таки поняли товарищи главные специалисты, которые ну, совсем мне, к сожалению, пока не являются товарищами, что я играть в поддавки с ними никоим образом не намерен. И выходит, снова оказалась права мой, можно сказать, земной ангел-хранитель — Клара Исааковна Усман, как-то в разговоре в качестве наставления сказавшая, что, если люди тебя по каким-то причинам, от тебя не зависящим, не хотят уважать, то пусть боятся! Конечно, это к заместителям неприемлемо, но коли в самом начале моего директорства нельзя иначе, а верней, не получилось, то пусть будет так, а дальше — поглядим...” И вслух как можно твёрже произнёс:

— Ни для кого из вас, срочно приглашённых на, прямо скажу, чрезвычайное совещание, не секрет, что произошло вчера в силосной траншее центрального отделения, поэтому сразу строго заявляю: терпеть подобные вопиющие, впрочем, как и любые другие факты нарушения трудовой дисциплины не собираюсь. Каждый, не понявший моих слов, будет жёстко наказываться! В подтверждение этого объявляю всем участникам пьянки вчерашний день прогулом! А конкретным наказанием за него, поскольку для многих выговор всё равно, что слону дробина, будет стопроцентное лишение квартальной, а значит, согласно трудовому положению, согласованному с профкомом и утверждённому приказом директора, и годовой премии в полном объёме! Вопросы есть?

— Есть! Вполне конкретный! — тотчас сказал Бахтин. — А не слишком ли круто, словно с места в карьер, берёте?

— А это уж позвольте мне самому решать в рамках предоставленной мне директорской власти! — ответил не без вызова Анатолий Петрович. Хотел ещё проникновенно призвать к совести, но поняв, что этого сейчас делать не следует, поскольку она у многих специалистов настолько глубоко за время практического безвластия в совхозе заснула, что её сначала надо каким-то образом разбудить, закрыл совещание.

В самом конце рабочего дня ожидаемо позвонил начальник сельхозуправления Пак. Поздоровавшись, начал разговор издалека:

— Заготовка кормов, если судить по ежедневным сводкам, вот-вот должна войти график! Это хорошо! А как семейные дела?..

— Владимир Андреевич, извините, но вы же мне не с этой доброй целью решили позвонить! — вместо ответа несколько нервно сказал Анатолий Петрович. — А о моём рукоприкладстве! Так вот, опережая вас, скажу сразу, что о своём, ну, совсем неверном поступке сожалею, но в то же время ничуть в нём не раскаиваюсь!

— Как это?! Или ты не даёшь себе полный отчёт?!

— Даю! Но, повторяю, хоть режьте на куски, не раскаиваюсь — и всё!

— В таком случае, я должен тебе сообщить, что Хохлов намерен подать заявление в милицию. Свидетелей у него, сам знаешь, больше, чем надо, чтобы привлечь тебя к ответственности, вплоть до уголовной!

— Пусть подаёт, если кишка тонка! Я и этот вызов приму!

На несколько секунд Пака замолчал, потом, хорошо зная упрямый характер Анатолия Петровича, примирительно сказал:

— Что ж — оставайся при своём мнении! Но прежде, чем лететь в Якутск на обкомовское утверждение, зайди ко мне — разговор есть!

— Непременно!

— Вот и хорошо!

Между тем, контора опустела, лишь в приёмной секретарша продолжала, как дятел по дереву, нудно стучать на печатной машинке. В кабинетной тишине был ясно слышен каждый железно-бумажный звук. Он казался таким однообразным, что Анатолию Петровичу невольно подумалось: “Сколько же надо иметь терпения, чтобы день за днём, лишь с небольшими перерывами, делать одно и то же, образно говоря, попугайское дело? Значит, несколько дел, одновременно совершаемых, могут в одночасье запросто лечь непосильным бременем на уставшую душу, придавить её неподъёмной гранитной плитой так сильно, что она или от боли, или от удушья в крик закричит!.. Не произошло ли нечто подобное со мной этим утром? И я вовсе не от гнева, а от того, что надел на себя, образно говоря, тулуп явно с большего плеча и шапку ну, совсем не своего размера, как бы враз обессилел, и в слепом, нервном отчаянье, забыв о последствиях, ударил Хохлова?.. Как же будет мучительно горько сознавать верность моего предположения, эх!”

Тем не менее, Анатолий Петрович вернулся домой в сгущающихся сумерках, спустившихся с тёмных, словно недовольно насупленных небес, где одна за другой серебряно вспыхивали звёзды, как лампочки новогодней гирлянды, словно ничего сверхъестественного на работе не произошло. Как всегда, помывшись, нежно улыбнулся жене и, будто неделю не ел, набросился на ужин. Утолив голод, прошёл в гостиную, сел в кресло, откинулся на спинку, ноги вытянул, руки безвольно скрестил на животе и закрыл глаза. Таким образом он привык снимать накопившуюся за день психологическую и физическую усталость. Но едва Мария, стараясь не шуметь, на цыпочках стала проходить мимо него, он поймал её за руку, притянул к себе, усадил на колени.

— Ой, а я думала, что ты вздремнул! — воскликнула она.

— И правда хотел, да вдруг вспомнил, что не предупредил тебя о завтрашней поездке в Якутск, по словам Пака, для соблюдения чисто формальных протокольных процедур, связанных с моим назначением! Оказывается, в самом деле, должность директора совхоза относится к республиканской кадровой прерогативе. Вот так-то! Гордись!..

— Так я только это и делаю! — засмеялась Мария. — А меня с собой в столицу возьмёшь, скажем, в качестве секретаря?!

— Возьму, милая, возьму! Как же я без тебя!..

— Вот здорово! — от радости она чуть не захлопала в ладоши, словно девчонка-школьница с аккуратно заплетёнными косичками. — Я первым делом навещу своего доброго знакомого!

— Это какого же? — враз до звона напрягаясь и натянувшись душой, будто струна, ревниво спросил Анатолий Петрович.

Увидев, как чуть ли не мгновенно натянулась кожа на острых скулах мужа, Мария поспешила его успокоить:

— Да начальника кадров республиканского управления “Сельхозхимии”. Кого же ещё?! — и, чтобы окончательно успокоить мужа, добавила: — Он тебе как раз в отцы годится! А мне за всё время летней практики столько чисто по-родственному доброго сделал!.. Я, благодаря общению с ним, и более-менее сносно пережила разлуку с домом!.. Если хочешь, то я вас познакомлю, тем более, что он тебя заочно знает!

— Я не против, если, конечно, время позволит!

На минуту-другую в гостиной установилась тишина, только ясно был слышен цокающий ход настенных часов, да где-то под полом, в углу, словно наперегонки, шумно бегали мыши. Каждый из супругов задумался о чём-то своём. Анатолий Петрович вновь некстати вспомнил Хохлова, увидел его припухшую скулу, словно наяву услышал его угрозы, и на душе стало не то чтобы тоскливо, но как-то неуютно, скорей всего, от сознания невозможности исправить свою ошибку, связанную с его горючей от природы натурой, и значит, остаётся только один путь — вперед! Но он же ох, как непрост, труден, ох, как буквально выслан острыми шипами, так и норовящими проткнуть кожу до крови... Но, может быть, только этим и интересен до восторга для настоящего мужчины.

А Мария уже в мыслях пролетела по воздуху тысячу километров до якутской столицы и уютно сидела в кабинете своего ангела-хранителя, такого доброго, отзывчивого, убелённого сединой и умудрённого долгой северной, непростой, суровой жизнью,

вела с ним задушевную беседу, в которой вспоминала о днях, проведённых на летней практике, при этом она так светло, нет, лучезарно улыбалась, что со стороны могло показаться: во всём мире нет счастливее человека! Наконец, она, спустившись с мысленных небес, вдруг спросила мужа:

— Дорогой, ответь, пожалуйста, а почему ты никогда не назовёшь меня просто Машей или ещё ласковей — Машенькой, как это всегда в родительском доме делала моя мать, да и отец тоже?

— Знаешь, — ответил Анатолий Петрович, — я как-то совсем не задумывался над тем, как к тебе обращаться! Наверно, это связано с тем, что ты носишь самое любимое мной женское имя. Для меня его произношение почему-то связано с торжественным, небесным звучанием органа, которое, кажется, и в самом деле возносится до небосвода, где его слушают ангелы, рассевшись в задумчивости по золотистым облакам, подперев скулы руками, а крылья сложив на спине. Чаще всего это происходит, когда исполняется бессмертная музыка таких великих композиторов, как Бах, Шопен, Моцарт. Ну, вот послушай сама, как твоё имя действительно прекрасно звучит! — и по слогам, нараспев, с искрящимися глазами Анатолий Петрович словно душой несколько раз выдохнул: — “Ма-ри-я... Ма-ри-я... Ма-ри-я...” И восторженно спросил:

— Не правда ли, здорово?

— И правда! Зови меня, милый, и впредь так, как тебе нравится!

— Хорошо, родная! Но у меня вдруг возникла мысль, что было бы очень здорово в случае рождения у нас дочки назвать её в честь моей горячо любимой бабушки по материнской линии Верой!

Мария не поспешила согласиться с предложением мужа, ибо она давно уже выбрала имя для будущей дочки и, опустив голову, словно враз ушла глубоко в себя, замолчала. Это не осталось незамеченным Анатолием Петровичем, и он, крепко обняв жену, спросил:

— Обиделась, что я не поинтересовался твоим мнением?! Да?!

— А разве могло быть иначе! Родным детям надо давать имена по обоюдному согласию, ведь никто же нас не гонит, значит, всегда сможем в своём выборе прийти к единому мнению! Или я не права?!

— Права! И прошу за проявленную бестактность извинить! Хотя у меня вдруг созрело предложение... О нём-то я могу сказать?!

— Конечно! Я слушаю!

— Так вот, давай с тобой договоримся насчёт того, что если первенцем будет девочка, то имя ей дам я! А если мальчик, то его назовёшь по своему усмотрению ты! Ну, что ты на это скажешь?!

Мария вновь задумалась, но уже не морща недовольно лоб, не сдвигая в обиде чёрные густые брови к переносице. Её милое лицо озарялось каким-то вдумчивым светом, скорее говорившим, что ей предложение пришлось по душе. Наконец, Мария посмотрела на Анатолия Петровича своим, так нравившимся ему глубоким взглядом с лёгкой грустинкой и вместо того, чтобы ответить, спросила:

— А ты правда хочешь ребёнка?

— Милая, что за вопрос! Да я не просто хочу, а требую как можно скорей обрадовать меня первенцем! И попробуй только затянуть с его рождением!.. — выпалил скороговоркой, словно из ружья, Анатолий Петрович и, увидев, как от его слов обрадовалась Мария, закончил: — Ты даже не представляешь, насколько для меня важно иметь нашего общего с тобой ребёнка, ибо наипервейшая, самая важная задача каждого человека — это посадить и вырастить своё дерево, а лучше несколько! Это необходимо и для того, чтобы креп и расширялся родовой сад, и для того, чтобы наши дети не выросли полными эгоистами, которые, любя только себя, в конце концов, могут стать самыми несчастными людьми!

— В таком случае, я согласна, что имя девочке дашь ты! — очень доброжелательно выслушав мужа, сказала Мария.

24

Когда утром, собравшись в дальнюю дорогу, вышли на улицу, им в глаза ударили золотистые, тёплые снопы солнечных лучей. Кроме вечного светила, на небе не было ни одного, даже самого небольшого облака — от края до края, от конца до конца, которые мог охватить человеческий взгляд, простиралась глубокая, пронзительно чистая лазурь. Воздух, за ночь крепко настоящий на хвое, был терпким и свежим, бодрящим душу настолько, что супругам казалось: весь этот огромный небесный и земной мир создан исключительно для счастья. И люди, как их ни выгораживай, в общем-то неис-

правимые дураки, поскольку своими руками порой нещадно, без оглядки ломают и ломают его, словно от этого получают неземное удовлетворение... Ох-х!

Анатолий Петрович помог жене поудобней сесть на заднее сидение подъехавшего к назначенному времени — минута в минуту! — “уазика”, туда же положил почти пустую дорожную сумку и, сам привычно устроившись на переднем сидении, как бы шутя спросил водителя:

— Пётр, надеюсь, в этот раз перед самым выездом в дальнюю дорогу гайки подкрутил, и их не придётся собирать по всей трассе, а?

— В обязательном порядке! Кстати, у меня по нашей недавней поездке в Беченчу есть для вас очень важная информация!

— Не торопись! — тотчас резким голосом перебил Анатолий Петрович водителя. — Когда вернусь, вот тогда с толком, не спеша, в деталях поведаешь о ней! Ведь дело-то непростое случилось!..

— Мужчины, вы это о чём? — с любопытством вмешалась в разговор Мария.

— Понимаешь, дорогая, между нами неожиданно сформировалась одна серьёзная тайна, только мы друг другу слово дали: до поры до времени не разглашать её! Правильно я говорю, Пётр?!

— Так и было!

— Вот! Да и сегодня, в такое на удивление погожее утро грешно забивать голову лишними мыслями, заботами, тем более в дорогу!

— Анатолий Петрович, едем сразу в аэропорт? — спорил водитель.

— Нет! Прежде мне необходимо заскочить в сельскохозяйственное управление, но, думаю, не больше, чем на полчаса! Поехали! Но предупреждаю, поскольку мы не одни, то аккуратно, на скорости не больше шестидесяти километров в час веди машину!

— Так это же не езда, а скука смертная!

— Зато безопасно! — заметил Анатолий Петрович, чувствуя на себе благодарный взгляд жены, почему-то страшно боявшейся ездить, так сказать, с ветерком, да таким, чтобы дух захватывало!

В бессмертной поэме Николая Гоголя “Мёртвые души” есть замечательная фраза: “И какой же русский не любит быстрой езды...” Действительно, какой?! Такого, пожалуй, среди мужчин точно днём с огнём вовек не сыскать. И это крылатое выражение, ставшее со временем народной поговоркой, в полной мере соответствовало горячему характеру Анатолия Петровича, ибо жажда не просто вдохновенной гонки, а самого настоящего лихачества, скорей всего, и привела его в расцвете молодости на автодром, оборудованный за городом в огромном овраге, где он на соревнованиях, гоняясь с такими же, как он сам, любителями экстремальной езды, и вылетал с трассы в глубокий кювет, и переворачивался по несколько раз кряду, но, к счастью, всякий раз без серьёзных последствий для здоровья — защитные обводы, сваренные из крепких труб, надёжно защищали от травм...

Однажды о себе и своих друзьях-гонщиках он даже сподобился написать соответствующие стихи:

*Рвут колёса слежавшийся дёрн —
клочья в стороны с воем летят!
Стаи чёрных, как уголь, ворон
перепуганно в небе кричат!
В милой жизни, где счастья звезда
нам горит всё сильнее и сильнее,
гонит, что ли, нас злая беда?
Нет, мы сами несёмся за ней!
И разбиться до смерти пустяк!..
Чуть неверно я руль поверну —
тут же мигом сорвёмся в овраг
или врежемся с ходу в сосну!
Но мы молоды, нравом резки,
нам неведом растерянный страх.
Только кровь ударяет в виски,
только вёрсты мелькают в глазах!*

Перевалив тридцатилетний рубеж, когда многие начинают понемногу сбавлять жизненные обороты, Анатолий Петрович не изменил себе — при любом удобном случае отказывался от услуг персонального водителя и на песчано-галечной трассе, выбитой напрочь задними колесами автомашин, от чего казавшейся большой стиральной

доской, включив самую высокую скорость, надавив ногой педаль газа до упора, гнал и гнал бедный “уазик”, да так, что он, скрипя, дрожа и воя, казалось, только чудом на ходу не разваливался на части. Вскоре нагонял машину, от которой пыль поднималась таким песчано-густым облаком, что впереди на двести-триста метров ничего не было видно. Но это ничуть не смущало Анатолия Петровича, и он, лишь ещё крепче стиснув зубы, на всякий случай как можно сильнее упершись ногами в дно кузова, а руками — в ребристую баранку, смело шёл на обгон, на несколько секунд оказываясь в пыльном мраке, управляя машиной вслепую.

Другому человеку даже подумать было бы страшно, что в любой момент можно на бешеной скорости столкнуться со встречной машиной, в результате чего смерть неминуема, но только не Анатолию Петровичу, ибо он упрямо верил в свою спасительную звезду, о чём и написал:

*Машины высушили трассу
жарой стремительных колёс,
и ветер туч густую массу
за сопки скальные унёс.
С какой невероятной силой
всё напрягалось существо,
когда авто в вираж входило
и выходило из него.
Как ликовали дух и тело
и возносились над судьбой,
когда я обгонял умело
одну машину за другой.
Ни в коем случае, поверьте,
я не дразнил незримый рок,
я просто был от чёрной смерти,
как от любви, далёк, далёк...*

Со второй, с третьей — со всеми машинами на любом пути он поступал точно так же, как с первой. Конечно, от физического напряжения порой страшно, до дрожи в руках и в ногах, уставал, зато психологически был душой аж на седьмом небе... И парил там, как гордый, неустрашимый, словно бросающий вызов самой природе горный орёл!

А день в самом деле зарождался ясным, без единого облака на светло-синем небе. Солнце в радужном ореоле лучей только поднялось над восточными сопками, но уже вовсю пятнало тёплым, ярким светом дорогу, на которой от деревьев, почти вплотную подступающих к ней, лежали длинные, фиолетовые тени. Обильная роса, лишь начинавшая испаряться, увлажнила дорожное гравийно-песчаное полотно настолько, что въедливая пыль за машиной почти не поднималась. В салоне было прохладно и свежо. Дышалось легко, во всю грудь! Все словно дали себе обет молчания, ехали, ни о чём не спрашивая, ничего не говоря. Зато было чётко слышно мерное урчание двигателя, которое, как классическая музыка, располагало к размышлению. Но Анатолий Петровича, хорошо выпавшего и остро чувствующего упругость духа, словно привязанная, преследовала всю дорогу только одна мысль: о предстоящем разговоре с Паком, ибо нельзя было не понимать, что в сложившейся за последний день ситуации он будет непростым.

Через два с половиной часа “уазик” с довольно сильно укачанными от дальней, тряской дороги пассажирами остановился на автостоянке районной администрации. Тем не менее, Анатолий Петрович, потянувшись всем мускулистым телом до лёгкого хруста в суставах, бодро произнёс:

— Пока я буду в управлении, вы, Мария и Пётр, в своё удовольствие прогуляйтесь по скверу, ноги разомните, стряхните дорожное утомление, расслабляйтесь слушаньем птиц... Не может быть, чтобы в такой солнечный день они во все свои чудные голоса залиviste не пели! Только к ним прислушаться надо! Это я сказал для примера, а сами делайте всё, что душе угодно! И всё-таки далеко не отходите...

И, выйдя из машины, легко взбежал по довольно крутой лестнице на крыльцо под красивым ажурным железным козырьком в открытые настежь двери здания районной администрации. В просторной приёмной, вежливо улыбнувшись секретарше, женщине в возрасте, с круглым лицом, немного полноватой, с высокой грудью, которую легко обегала белая с синим горошком кофточка, приветливо спросил:

— Шеф у себя?

— Да! Вас ждёт, проходите!

Едва поздоровавшись, Анатолий Петрович сел в своё, уже ставшее привычным, глубокое мягкое кресло с подлокотниками, стоявшее напротив длинного стола совещания. Начальник управления, озабоченно посмотрев на часы, словно должен был куда-то срочно идти или ехать, тем не менее, как всегда, доверительно, спокойно заговорил:

— Ходить вокруг да около не буду. Скажу сразу, что я очень даже хорошо понимаю: после событий двух последних дней, имею в виду и пьянку в силосной траншее, и твоё ну... ну, совсем не директорское поведение, вы теперь с Хохловым точно не работаетесь!..

— Это почему же? Пусть на совесть относится к своим трудовым обязанностям, да и продолжает на добрую пользу трудиться, сколько сил хватит! Или вы действительно считаете, что я своих зарвавшихся заместителей не смогу, если не вдохновить, то заставить относиться к государственным проблемам, как к своим, глубоко личным?

— Поверь, я так не считаю!

— И в чём же тогда дело?

— В том, что у тебя, Анатолий Петрович, и без Хохлова в совхозе, по твоему же меткому выражению, лежащем на боку, как сдыхающая корова, проблем, выражаясь по-дворовому, выше крыши! А Хохлов ещё этой весной заявление написал о переводе его в управление на вакантную должность главного агронома! Вот я пораскинул мозгами, да и решил: пусть будет у меня под боком. Здесь работа не то, что в хозяйстве, так сказать, непыльная: знай в кабинетной тиши в установленные свыше сроки составляй бумажки-отчёты, да и отправляй их исправно в министерство! А то, что он иногда по службе будет наезжать в твой совхоз, надеюсь, тебя не слишком беспокоит, тем более, ты сам сказал о готовности с ним и дальше работать! Ну как, мудро я придумал?

— Хозяин — барин! Только я просил бы не забывать, что перевод Хохлова в управление — исключительно ваша инициатива!

— А разве это важно?

— Для меня очень! Поскольку, если бы она исходила от меня, то вы подумали бы, что я — слабак! Пусть я ещё не вполне сформировавшийся руководитель, но, поверьте, дважды на одни и те же грабли наступать, ну, совсем не намерен! Тем более, надеюсь, что на это у меня мозгов хватит! И вот ещё что: коль рубить сук, то одним ударом, поэтому сделайте так, чтобы к моему возвращению Хохлова в совхозе не было, ведь он всё равно только место занимать будет. А, как сами знаете, уборочная на носу, в подготовке к ней даже дня терять нельзя!

— Хорошо! Только как это без тебя сделать?

— Очень просто!

Анатолий Петрович, тотчас взяв чистый лист бумаги, в верхнем левом углу наложил визу: “Согласен” и расписался, сказав:

— Ну, а нужный текст заявления о переводе ваш будущий главный агроном, надеюсь, сам напишет, для этого ведь много ума не надо!

— Добро! А кого намерен назначить вместо Хохлова?

— Выбор у меня, честно признаюсь, невелик... Нет, совсем его нет! Пусть старший агроном Кокорышкина и идёт на повышение — не век же ей, человеку от земли, на побегушках бегать! Да и несолидно как-то, даже унижительно! Ведь она в совхозе с самого его создания работает, а до этого много лет была бригадиром полеводства в отделении, так что растениеводство, как свои пять пальцев, знает. Давно надо было вместо того, чтобы расшаркиваться перед пришлыми со стороны, совхозные кадры местными специалистами укреплять! Смодишь — и порядок был бы, а с ним — и богатый урожай, и высокие надои...

— Не возражаю против твоего выбора! — сказал с готовностью Пак. — Только в связи с этим хочу задать тебе последний вопрос: кого за себя на время поездки оставил?

— Главного экономиста! Он единственный, кто в пьянке не участвовал!

— Что же его подвигло на благородный поступок?

— Скорей всего, моя убедительно твёрдая просьба срочно произвести все необходимые расчёты, позволяющие при воплощении их в жизнь сделать совхоз если не рентабельным, то уж точно не убыточным, да он и как человек, смело говорю, очень порядочный!

— И ты на полном серьёзе веришь, что в условиях Крайнего Севера возможно в сельском хозяйстве рентабельно работать?

— Более чем!.. Только надо мне и в этот раз, как в случае с “Сельхозхимией”, помочь решить вопрос в министерстве с выделением в следующем году на первое время хоть каких-нибудь финансовых средств для значительного повышения урожайности пашен и лугов!

— Но, как ты верно заметил, финансы, тем более сверхплановые, да ещё в большом количестве, спускаются строго сверху!..

— Точно! Только кто вам, уважаемый председатель, мешает, не мешкая, самым внимательным образом ознакомившись с экономическими расчётами, основанными на подлинных показателях растениеводства и животноводства, один экземпляр которых я оставлю вам лично, сначала сегодня же позвонить министру, а потом и направить на его имя в полном соответствии с установленными правилами письменное ходатайство?!

— В принципе — никто!

— Так будьте добры выполнить мою просьбу, если, конечно, вы считаете, что она не фантазия... Я могу быть свободным?

— Да! И успехов тебе!

Но только Анатолий Петрович встал из-за стола, как Пак, посветлев лицом, заговорил каким-то добрым отеческим тоном:

— Я хочу, чтобы ты знал: если раньше у меня были какие-то сомнения в отношении твоих возможностей по наведению в совхозе порядка, то после того, как ты себя повёл, дав по морде Хохлову, они вполне отпали. Ведь я, признаюсь, сам не могу утверждать, что, будь тогда на твоём месте и в твоих молодых годах, поступил бы с человеком, которому доверился, иначе, чем это сделал ты! Понимаешь?!

Опешив от услышанного, Анатолий Петрович не сразу нашёлся, что ответить. Но внимательно посмотрев в глаза своему непосредственному начальнику и увидев в них свет глубокой искренности, произнёс:

— Не совсем!.. Но за высказанное мне доверие большое спасибо! Слово даю, я вас не подведу ни словом, ни делом!

Выйдя из кабинета, он сразу не пошёл на улицу к машине. Всё ещё находясь под впечатлением, может быть, даже невольно вырвавшегося у Пака признания, подошёл к окну, выходящему во внутренний двор, где у него в машине неожиданно произошёл разговор с Эльзой о Марии. Но в этот раз ему подумалось, как всё же непросто устроен человек: чем выше он восходит по служебной лестнице, тем больше отдаляется от себя того, молодого, который каждый день, словно впервые, открывал окрестный — да и не только! — с виду вполне лучезарный мир, на самом деле сплошь состоящий из тёмных закоулков с хитроумно расставленными в самых неожиданных местах ловушками, капканами. И вот, чтобы не попасть в них, человек должен если не изворачиваться против своей воли, то, в любом случае, придерживаться всех новых правил поведения и работы, которые до него за десять, а может, и за все сто лет устоялись в обществе, куда занесла его судьба. А это значит, что с каждым днём, по крайней мере, на людях всё удаляться и удаляться от самого себя, как бы ни старался оставаться верен своим первоначальным чертам характера! И, увы, с этим ничего не поделаешь!

По дороге в аэропорт Анатолий Петрович, как само собой разумеющееся, буднично, как бы между прочим, сказал:

— Мария, производственные да, пожалуй, и жизненные обстоятельства сложились так, что у тебя, можешь считать с завтрашнего дня, будет новый руководитель в лице Кокорышкиной!

— Да! А что с прежним, Хохловым?

— Не поверишь!.. На повышение пошёл!

— Это за какие же такие великие заслуги?! Его же, падлу, судить принародно надо! — невольно вырвалось у Петра.

При этих словах Мария своей высокой грудью аж подвинулась вперёд и неожиданно для мужа почему-то возмущённо сказала:

— Что ты такое говоришь! Подумаешь, человек в день своего рождения выпил лишнего! С кем в жизни такого хоть раз не бывает!

Анатолий Петрович, как ни был удивлён мнением жены, обернулся и, внимательно вопросительным взглядом посмотрев в её, от волнения показавшиеся ему ещё красивее глаза, вздохнул:

— Мария, ты это серьёзно? Впрочем, не отвечай! Характеру русских женщин, к сожалению, присуще защищать тех, кого, как им кажется, незаслуженно обидели или даже хотят это сделать! И с этим, увы, ничего не поделаешь... А ты, Пётр, помни евангельскую мудрость: “Не суди, да и сам не судим будешь...” И вообще, как солдат, хоть и в запасе, должен знать, что приказ начальника обсуждению не подлежит. Считаю, что карьерный рост Хохлову обеспечил я своим несдержанным поведением. А сейчас просто делай своё ответственное дело — рули!

Перенесённый ещё пятнадцать лет назад из городской черты в лесные близлежащие сопки аэропорт находился в десяти минутах езды от районной администрации.

Само новое двухэтажное здание приёма, регистрации и отправки пассажиров с залом ожидания и комнатой матери и ребёнка на втором этаже, куда вела широкая бетонная лестница с отделанными под орех деревянными поручнями железного ограждения, было построено из щелевых бетонных блоков, оштукатурено и красиво, с дизайнерским вкусом покрашено в тёмно-синий цвет. А вот необходимых денег на самое важное для непрерывной работы аэропорта, а именно: бетонирование взлётной полосы, почему-то не предусмотрели, и оно, как и на старом месте, в черте города, несмотря на заверение руководства алмазной компании не в этом, так в следующем году обязательно достроить аэродром, продолжало оставаться грунтовым. В летнее время от затяжных дождей оно раскисало, да так сильно, что по этой причине в соответствии с авиационной техникой безопасности аэропорт закрывали, и до столицы республики можно было добраться только водным путем — по Лене на парохоме. Однако в этот день, поскольку в последние время стояла солнечная погода, аэропорт работал, как хорошо отлаженный механизм: самолёты приземлялись и вылетали строго по расписанию.

Расстояние от Ленска до Якутска в одну тысячу километров Ан-24, надёжный пятидесятиместный, с рядами сдвоенных кресел по бортам, преодолевал за два с половиной часа. Времени было достаточно и вздремнуть, и привести мысли в порядок, а если попадётся разговорчивый попутчик, то и обсудить с ним интересующие обоих жизненные вопросы, поднятые вездесущей печатной и электронной прессой. В самолёте Мария села у иллюминатора с небольшими раздвижными серыми шторками, а Анатолий Петрович — рядом с ней. Зная, что жена боится летать, стараясь придать ей уверенности, он взял её от тревоги враз похолодевшие, почему-то влажные руки в свои, нежно сжал их и как можно спокойней, твёрдым и вместе с тем трогательным голосом уверенно произнёс:

— Знаешь, дорогая, мне одна врач-ясновидящая как-то предсказала, что я доживу до глубокой старости! Ну, а раз ты летишь со мной, то ничего плохого в полёте, ну, никак произойти не может!

— И ты ей в самом деле веришь?!

— Как себе! По крайней мере, многое, что я от неё услышал, со временем в точности сбылось! Так что не волнуйся! Закрой глаза, постарайся скорей внутренне расслабиться и уснуть!

— Хорошо, милый!

Сам же Анатолий Петрович в полёте, особенно не слишком продолжительном, никогда не спал. Всегда голова была забита если не производственными, то творческими мыслями, да и поразмышлять вообще о жизни никогда не мешало. В этот раз, поглядывая не без тревоги на Марию, с закрытыми глазами замершую в кресле, он, ясно ощущая, как её руки потеплели, вдруг в глубине своей вечно мятущейся души почувствовал к ней такую глубокую нежность, такое умиление её девичьей красотой, а вместе с тем и какое-то необыкновенное, сводящее с ума желание близости, чего прежде с ним в самолёте никогда не бывало, что, часто задышав, даже глухо простонал. И, как мыслящий человек, не мог не задаться вопросом: “Что это происходит со мной?..”

А разум выдавал на-гора всё новые вопросы: “Естественный страстный порыв молодого организма к красивой женщине или всё-таки, наконец, я снова полюбил? А разве страсть и любовь — это не одно и то же?” Пытаясь хоть как-то ответить на них, он подумал: “Лет десять назад я бы тотчас сказал, что так и есть! Но сегодня, когда столько пережито, столько передумано, так намучился я, так настрадался, говорю: совершенно разные чувства! Но нет выше счастья, когда они, в конце концов, соединяются воедино! Я могу ещё сколько угодно гадать, полюбил ли я, как никогда, солнечно, возвышенно, но несомненно то, что моя Мария — именно та женщина, которую я искал всю свою мужскую жизнь!..” От этого, можно было смело сказать, судьбоносного заключения на душе у Анатолия Петровича стало так светло и легко, будто ему только что, наконец, удалось ответить на один из самых древних и сложных на свете вопросов — бессмертный шекспировский: “Быть или не быть?”

В столицу республики он любил наезжать по многим причинам. Но самой главной из них, пожалуй, было то, что здесь с мужем Виктором вот уже больше десяти лет проживала его старшая сестра Наталья. Ещё в детстве между ними сложились настолько доверительные отношения, что они смело открывали друг другу свои даже самые глубоко личные секреты, всё — и плохое, и хорошее — делили пополам. Разницы в возрасте в три года для них как бы не существовало. Можно было сказать, что прежде они были самыми настоящими друзьями, а уже потом — близкими родственниками. Анатолий Петрович знал о том, что первая девичья любовь сестры к однокласснику Николаю, сахолярю — в его венах текла кровь пополам русская и якутская — оказалась несчастливой, но настолько глубоко вошла в сестрину душу, что однажды Наталья

в разговоре пророчески заявила: “Увы, увы! Но, к сожалению, я больше никогда никакого другого мужчину не смогу по-настоящему полюбить!”

Замуж за Виктора Иванова сестра вышла исключительно назло подло предавшему её однокласснику, хотя он, поняв свою ошибку, страстно умолял простить его и начать строить отношения заново. “Зачем, к чему? — спросила она ещё совсем недавно такого дорогого ей человека и сама же ответила: — Моя любовь к тебе, не скрываю, — судьба, но по ней прошли такие глубокие кровотокающие трещины обиды и разочарования, что той солнечной, незамутнённой, как горный родник, жизни у нас не сложится. Когда ты будешь ласкать меня, то я не смогу не думать, что твои руки и губы дарили тепло и нежность чужой женщине! Нет, это для меня невыносимо! А живя с другим, я научусь греть душу надеждой на создание семьи, основанной на глубоком уважении мужа, с которым я обязательно воспитаю благородных детей. Прощай!”

Виктор был ростом под два метра, широкоплеч, с крепкими, мускулистыми руками. Он обладал той строгой, несколько даже суровой мужской красотой, которая так покорила женские сердца, вселяет в них уверенность, что за спиной этого человека можно чувствовать себя, как за каменной стеной! Выросший на селе, он с ранних лет полюбил труд, цену ему знал по пролитому неизмеримому поту и тяжкой, изматывающей усталости. Окончив десятилетку, отслужил в армии, а после неё получил техническое образование в Якутском речном училище, из стен которого вышел механиком-мотористом. Несколько навигаций проплавал на нефтеналивном танкере по матушке Лене от Усть-Кут до морского порта Тикси.

Женившись на Наталье, которую без памяти любил, он с ней, подальше от своих родителей и родителей жены, которые никак не могли поделить между собой их первенца — дочку Анжелику, — переехал из посёлка в республиканскую столицу, где устроился на работу в городское дорожное строительное управление простым бульдозеристом, но с обещанной начальством скорой перспективой стать механиком. А Наталья, родив первую дочку Анжелику, заочно закончила финансовый техникум и стала трудиться бухгалтером в одной из рабочих столовых. Денег, зарабатываемых обоими супругами, вполне хватало для достойной жизни. Даже образовались излишки, на которые был куплен мотоцикл с коляской “Иж-Юпитер”. В семье, в основном, над суетой преобладали лад и покой. Если бы не некоторая слабость Виктора к алкоголю, который, кстати, он употреблял лишь в праздники и выходные дни, то о Наталье можно было со всем основанием смело сказать, что она в материальном плане как сыр в масле каталась! Вскоре совсем неожиданно семья Ивановых обзавелась и очень даже престижной по тем советским временам легковой автомашиной — вездеходом “Нива” а помог им в этой случай, происшедший с любимым старшим братом Натальи...

Анатолий Петрович, работа мастером по строительству в леспромхозе, в неполных двадцать пять лет был избран профсоюзным вожаком на общественных началах на Нюйском лесозаготовительном участке. К новой сфере деятельности приступил с такой серьёзностью, так активно организовывал и проводил праздничные мероприятия, с такой совестливостью относился к решению того или другого жизненно важного для рабочих вопроса, да и чего греха таить, безотказно и добротнo писал для секретаря первичной партийной организации праздничные доклады и выступления, что по итогам двухгодичного соревнования он был неоспоримо признан лучшим председателем профсоюзной организации среди лесозаготовительных участков и в награду за это получил вне очереди вездеход “Нива”. Кстати, первый в посёлке.

В то время он заочно заканчивал Хабаровский лесотехнический техникум. И вот, вызванный на зимнюю сессию, рано утром выехал в районный аэропорт. Дорога, прохажившая по сопкам в глухой тайге, изобиловала круглыми поворотами, закрытыми лиственными кустами, тянувшимися к солнечному свету ветвями-лапами. После бурно проведённой ночи по молодому делу Анатолий Петрович на одном из них даже не понял, как прямо за рулем заснул, в итоге неуправляемая машина врезалась во встречный леспромхозовский бензовоз с горючим. Хотя удар вроде был и не такой большой силы, но его хватило, чтобы искорежить переднюю облицовку и повредить радиатор, а водителю, поскольку он не успел сгруппироваться, травмировать левое плечо.

О дальнейшей поездке не могло быть и речи. Анатолию Петровичу, вернувшемуся домой, потребовалось потратить на лечение целых десять дней. Но это не помешало ему после выздоровления, слетав в Хабаровск, успешно сдать все необходимые зачёты и экзамены, причём за две недели до окончания сессии. Дома работа вновь в своей бешеной круговерти закутила его так, что всё никак не мог выкроить время для ремонта машины, и она, накрытая светло-зелёным брезентом в самом дальнем, глухом углу ограды — подальше от глаз хозяина, чтобы лишний раз не напоминать ему о дорожной неудаче, —

так и простояла до самого начала лета. В это время из Якутска прилетел проведать своих стареньких родителей Виктор. В один из отпускных дней зашёл в гости и к Анатолию Петровичу. Увидев закрытую машину, поинтересовался:

— А что это у тебя за агрегат стоит под брезентом?

— Вездеход “Нива”! Почти с иголочки!.. Только я на нём этой зимой на глухом повороте по неосторожности, верней, из-за потери внимания столкнулся — лоб в лоб! — с леспромхозовским бензовозом!..

— Понятно! А можно посмотреть, какой ремонт требуется?

— Какой вопрос! Смотри, сколько душе угодно! Только мне самому что-то после аварии ездить на ней ну совсем не хочется!

Виктор решительно сбросил брезент, несколько раз обошёл “Ниву”, внимательно оглядел, кое-где даже ощупал повреждения, о чём-то подумал, что-то прикинул и удивлённо, с вдохновением произнёс:

— Слушай, родственничек, да тут работы — всего ничего! Будь под рукой необходимые запчасти, я бы машину за три дня отремонтировал!

Анатолий Петрович, видя, с каким огнём в глазах зять смотрел на “Ниву”, понял, что такой вездеход — предел его водительских мечтаний! И неожиданно для себя от чистого сердца взял да и сказал:

— Так забирай машину с собой в Якутск! Там с запасными частями, думаю, у тебя, классного механика, проблем не будет, время для ремонта тоже найдёшь! Ну, а когда поставишь, так сказать, машину на колёса, катайся себе на здоровье! В конце концов, сколько можно мою любимую сестру по пыльной, ухабистой просёлочной дороге на дачу возить в мотоциклетной люльке! Очень уж неудобно, да и несолидно как-то!

— Если я, Анатолий, правильно тебя понял, то ты сейчас предлагаешь мне купить эту аварийную “Ниву”? И по какой же цене?

— А вот не угадал, зятек! Я дарю её твоей семье!

— Так это же царский подарок!

— Может быть, и так! Но с самого что ни на есть рабочего плеча! Вот и думай теперь своей умной головешкой, что дороже?!

И прежде Ивановы были Анатолию Петровичу душевно рады, а после этого случая ими вообще каждый его приезд иначе, как большой праздник, не воспринимался! Устраивался хлебосольный ужин с замечательной закуской, как правило, рыбной, на второе подавался вкусный, из нельмы или омуля, пирог с коричнево-золотистой корочкой. Для дорогого гостя ставилась бутылка его любимого сухого красного вина, а улыбающийся, довольный Виктор, как всегда, ублажал себя водочкой местного разлива, холодной, только что вынутой из холодильника. Наталья была исключительной трезвенницей, поэтому составляла компанию мужчинам тем, что наливала в стакан брусничного сока и после каждого тоста выпивала глоток-другой. А едва муж хмелел, заранее зная, что он в разговоре, оставаясь верен себе, начнёт обсуждать производственные проблемы, возникшие в его организации, вовсе уходила в спальню заниматься любимым вязанием, к которому пристрастилась ещё в юности, и совсем не зря, поскольку во всём городе прослыла искусной мастерицей!..

После принятия очередной стопки Виктор неизменно произносил услышанную от кого-то на работе и так пришедшуюся ему по душе чисто русскую поговорку: “Ах-ма, — денег бы тьма! Купил бы деревеньку, да и жил бы помаленьку!..” В разговоре, пока ходил в бульдозеристах, из раза в раз ругал своё начальство, ну, а когда, наконец, сам выбился самоотверженным трудом в механики, то переключился на рабочих, которые, по его словам, только и думают, как бы лишнюю деньгу зашибить. Анатолию Петровичу хватало ума не поддакивать зятю, а просто внимательно слушать его язвённые полупьяные речи, тем более, что тому, кроме как излить сполна душу, ничего другого и не надо было. В конце концов, Виктор, допив бутылку, говорил, что более душевного человека, чем брат любимой жены, во всей своей жизни не встречал, долго целовался и, наконец, уходил в спальню, чтобы проспать. А Анатолий Петрович с сестрой, уединившись в гостиной, до самой глубокой ночи говорили о жизни и не могли наговориться!..

25

Примерно в половине пятого вечера самолёт, сделав положенный круг над якутской столицей, слегка качнув крыльями, плавно совершил посадку, чиркнув колесами по бетонной взлётной полосе в аэропорту, находящемся в пяти километрах от города. Солнце, скатываясь с голубого небосклона с редкими перистыми облаками, ещё продолжало всю озарять северную землю оранжево-золотистыми, тёплыми лучами.

Синеватые, лёгкие тени, падающие от ангаров и здания вокзала, значительно удлинись. Воздух был так густо был пропитан острым запахом сгоревшего керосина, что когда Анатолий Петрович с Марией спустились по дюралевому, вручную передвижаемому шаткому трапу на нагретый за день шершавый бетон стоянки, то невольно вскинули головы, словно им поднесли, как после сильного угара, нашатырный спирт... Тем не менее, быстро выйдя на привокзальную площадь с разбитым в самом центре тальниковым сквериком, они подошли к припаркованным к бетонному бордюру тротуара такси, с разрешения водителя, мужчины лет сорока, черноволосого, с тёмными жгучими глазами, с орлиным носом, очень похожего на кавказца, сели в переднюю машину. Анатолий Петрович внимательно посмотрел на часы, о чём-то, словно сомневаясь, секунду-другую подумал и ровным голосом сказал жене:

— Слушай, я планировал к министру зайти завтра утром, но поскольку до конца рабочего дня остаётся времени ещё почти час, то не вижу никаких причин, чтобы не сделать этого сегодня! Как ты считаешь?

— Считаю, что ты прав!

— В таком случае, уважаемый водитель, — вежливо сказал Анатолий Петрович таксисту, — будьте так добры, подвезите нас к министерству сельского хозяйства, Адрес его, надеюсь, знаете?!

— Знаю и адрес, и как быстрее доехать!

— Вот и отлично!

Вырулив на полупустое шоссе с бетонным покрытием, машина понеслась в сторону города. Анатолий Петрович, наконец, снова ехал по земле, где родился, пошёл в школу, познал первые, к сожалению, не всегда радужные уроки жизни. От любви к родным местам сердце сладко защемило, как будто в ожидании светлого счастья... Тотчас захотелось восторженно рассказывать Марии о земле, которая вспоила его ледяной водой, закалила характер яростными июльскими зноями и жестокими январскими морозами. Но вдруг он увидел справа, вдалеке, рядом с сопками, очертание военной части, в которой проходил курс молодого бойца, и почему-то сразу память выхватила из армейского прошлого не суровые солдатские будни, наполненные до отказа строевой подготовкой, практическими занятиями с оружием, не благодарность, объявленную на стрельбище перед строем командиром части за меткую стрельбу — все три пули послал в “яблочко”! — не обидный первый наряд вне очереди, полученный за то, что, являясь ротным запевалой, маршируя в столовую, только пел куплеты, что было замечено взводным и расценено как грубое нарушение Устава, а тоненькую книжку Алексея Суркова, которую он взял в библиотеке, и, как ни сильно уставал от ежедневной шестичасовой маршировки на плацу, почитывал урывками, уходя в текст настолько глубоко, что даже не слышал происходящих рядом с ним в казарме разговоров и не замечал действий сослуживцев — ровным счётом ничего! Особенно ему понравились пронзительные стихи о любви, нежно посвящённые возлюбленной Софье Кревс, — “Бьётся в тесной печурке огонь”, — и куплет со строками: “Ты сейчас далеко-далеко, // Между нами снега и снега. // До тебя мне дойти нелегко, // А до смерти — четыре шага...”

Он был поражён, что среди ужасов войны, с болью, с кровью, со страданиями и лишениями, душа поэта каким-то чудом оставалась светлой и чистой, продолжающей любить и, значит, побеждать! От сознания этого на душе легало, армейские тяготы стали восприниматься не иначе как работой, которую, словно в поле или на покосе, надо только на совесть делать. Но тотчас встал вопрос: “Почему именно из огромного количества событий прошлого вспомнились именно эти замечательные стихи? Уж не оттого ли, что я в душе всё-таки на самом деле от матушки-природы поэт?.. А может, потому, что рядом со мной сидит женщина, чью хрупкую ладошку, как озябшего воробушка, я нежно держу в своей руке, которую, несмотря на разделявшие нас три тысячи километров, я всё-таки по воле свыше встретил. Хотя немного жаль, что моя сегодняшняя жизнь очень сильно напоминает самую настоящую боевую обстановку, только вокруг пока ещё, слава Богу, снаряды не рвутся, да пули над головой не свистят?..”

Нахлынувшие, как морская волна, совсем непростые, даже в конце тягостные, тревожные размышления прервал бодрый голос водителя:

— Ну, вот и приехали!

— Да? И точно! — немного удивлённо сказал Анатолий Петрович, ясно увидев справа от своей дверцы знакомое трехэтажное здание, главным фасадом выходившее на площадь имени Орджоникидзе. К положенной по счётчику сумме добавил чаевых и, быстро рассчитавшись с водителем за поездку, отпустил такси.

Главная сельскохозяйственная контора республики делила это многоэтажное строение с комитетом государственной безопасности, построенным ещё до войны на железобетонных сваях, вбитых не менее чем на десять метров в вечную мерзлоту

и возвышающихся над землёй на три метра. Таким образом, получалось, что оно было как бы подвешено в воздухе, и это позволяло теплу, идущему зимой и летом от здания, не влиять на оттаивание грунта больше допустимой нормы и, значит, не “гулять” сваям, вызывая опасные разрушения бетонного пояса фундамента и кирпичных, оштукатуренных стен.

Приёмная была небольшой, продолговатой, вмещающей лишь несколько стульев, ровно выстроившихся вдоль стены справа от входа. Напротив них чинно стоял рабочий стол и два массивных шкафа со стеклянными дверцами, плотно заставленных пухлыми пронумерованными папками с деловыми бумагами. Единственное большое окно с тремя рамами, всё ещё по-зимнему утепленное, выходило в сильно затенённый небольшой внутренний квадратный двор, поэтому, если бы не горящая ярко люстра, свисающая с побелённого потолка, то в помещении даже в самый разгар солнечного дня было бы сумрачно. Паркет, постеленный в “елочку”, со временем не только сильно истёрся, но и разошёлся так, что по-старчески ворчливо скрипел под ногами...

Миловидная секретарша, якутка средних лет, с чёрными, блестящими, как антрацитный уголь, завитыми волосами, с раскосыми, тем не менее, из-за длинных ресниц казавшимися распахнутыми, словно оконные створки, тёмными и глубокими, как омут, глазами, в которых солнечно искрился свет, при появлении незнакомых посетителей, дождавшись, когда они поздороваются, сама, доброжелательно улыбнувшись, поприветствовала их и вежливо спросила:

— Вы, уважаемые, к министру?

— Да! Но только я один! И разрешите представиться: я Анатолий Петрович Иванов! А пришедшая со мной молодая женщина — Мария Васильевна! — и секунду-другую помолчав, несколько смущённо добавил: — Моя дорогая половинка! Она, кстати, как и я, тоже работает в совхозе “Нюйский”, только в качестве агронома!

— Очень приятно! Но, к сожалению, министр в данное время очень занят! А интересно, вы к нему по какому вопросу?

— Понимаете, я только что прилетел в столицу из района, чтобы меня на заседании бюро обкома утвердили на должность нового директора совхоза “Нюйский”. Но подумал, что будет правильным сначала нанести визит своему непосредственному будущему начальнику!

— Хорошо! Как только у Михаила Ефимовича закончится экстренное совещание, я доложу ему о вас! Подождите!..

Долго ждать не пришлось. Минут через двадцать в приёмную один за другим гуськом вышли несколько чиновников. Кое-кого Анатолий Петрович знал по прежнему месту работы, но с другими он не был знаком. У всех без исключения лица то ли от волнения, то ли от полученной за какие-то огрехи в работе взбучки от министра пунцово пылали, как сваренные раки. Печать внутреннего сосредоточения лежала на них. “Интересно, за что же им так досталось?” — не без тревоги за себя подумал Анатолий Петрович, но тотчас услышал, словно издали, мелодичный голос секретарши, обращённый к нему:

— Пожалуйста, заходите!

Министр сельского хозяйства республики был мужчиной пятидесяти лет, ниже среднего роста, с открытым сухощавым лицом, на котором светились большие, круглые, словно озарённые небесным светом голубые глаза. Это говорило о том, что у него, по национальности якута, в венах ещё и в значительной мере текла славянская кровь. Словно в компенсацию за небольшой рост, природа одарила его негромким, но таким внутренне сильным, харизматическим голосом, что слушать его равнодушно было невозможно: каждое произнесённое им слово ложилось глубоко в сознание, как бетон в фундаментную траншею, — раз и навсегда!

Двадцать лет назад, ветеринар по образованию, он возглавлял пригородный совхоз “Якутский”, одним из отделений которого руководил отец Анатолия Петровича. Директор, высоко ценя управляющего, не раз, посещая отделение, заезжал на обед к нему, поэтому членов его семьи знал достаточно хорошо. Однако, скорей всего, ещё не отойдя от совещания, министр встретил молодого директора натянуто, сухо. Коротко поздоровавшись и предложив сесть, даже не поинтересовался здоровьем своего бывшего управляющего, совсем недавно ушедшего на пенсию. Это неприятно резануло по душе Анатолия Петровича, но ему ничего не оставалось, как в ответ сделать вид, что с министром он не знаком, вообще видит его в первый раз, тем более что разговор с ним тот начал с вопроса о событии аж полуторагодовой давности:

— Анатолий Петрович, а не скажете, с каким результатом закончилось расследование письма какого-то совхозного то ли водителя, то ли рабочего, точно сейчас что-то

даже и не вспомню, поступившего к нам в министерство из редакции такого уважаемого центрального журнала, как “Человек и закон”?

Дело в том, что в период работы в совхозе заместителем директора по строительству Анатолий Петрович новый самосвал ЗИЛ-130, выделенный находящемуся у него в подчинении стройотделу, не зная, что на него нагло претендовал Сергей Мордосов, отдал другому водителю, безотказному, сумевшему выдержать бешеный темп работ, заданный новым начальником. Уязвленное самолюбие как бы оставшегося с носом Сергея ничего другого, кроме как написать клеветническое письмо на Анатолия Петровича, ему не подсказало. Приехавший из министерства ревизор, проведя тщательную проверку жалобы, пришёл к выводу, что все изложенные в ней факты якобы имевших место злоупотреблений служебным положением не подтвердились. В том числе и то, что Анатолий Петрович десять кубометром обрезного совхозного теса прямо с леспромхозовской Солдыкельской пилорамы без всякой оплаты вывез в райцентр своему брату для строительства собственного дома. Но этот поклёп, по сравнению с другим, а именно с тем, что водители, выполнявшие по зимнику рейсы за строительным материалом в Якутск, по фиктивным путёвкам якобы получали оплату в оба конца, хотя груз везли в один, был совершенно высосанным из пальца и свидетельствовал о нравственном падении завравшегося Сергея, поскольку этим он, окончательно впад в несправедливое негодование, без всякого зазрения совести клеветал уже и на своих друзей-коллег.

Не чувствуя за собой никакой вины, Анатолий Петрович, смело глядя министру в строгие глаза, твёрдо ответил:

— В результате тщательного расследования назначенная вашим приказом ревизионная комиссия установила, что все изложенные в письме примеры злоупотребления мной служебным положением вымышлены исключительно с одной целью: хоть как-то досадить мне за верно принятое по отношению к нему решение — только и всего!

— А чем вы можете подтвердить свои слова? — не унимался министр.

Этот вопрос в душе у Анатолия Петровича вызвал недоумение: “Как это так — руководитель, своим приказом назначивший расследование, даже не удосужился узнать, чем же оно закончилось?! Да быть такого не может!.. Скорей всего, он просто, обжегшись вместе с райкомом партии на моих четырёх предшественниках, испытывает меня как нового, теперь уже пятого будущего директора на твёрдость характера! Ладно, пусть будет так!” И, весьма вовремя взяв себя в руки, ещё спокойней, чем прежде, уверенно, чеканя каждое слово, произнёс:

— Если вы не против, то я постараюсь как можно быстрее сходить к главному ревизору, проводившему проверку сведений, изложенных, как я считаю, в клеветническом письме, которого, идя к вам на приём, встретил в коридоре, и попрошу у него для вас весь отчёт!

— Хорошо, я подожду! — тотчас согласился министр, словно хотел распорядиться сам о вызове к себе председателя комиссии.

Уже через пять минут довольно толстая папка документов ревизии лежала перед министром. Он открыл последнюю страницу, на которой были напечатаны выводы проверки, прочитал их и удовлетворённо, словно и не сомневался в порядочности бывшего заместителя директора неблагополучного совхоза, произнёс:

— Я рад, что письмо жалобщика оказалось обыкновенной клеветой! Тем не менее, — тут министр смягчил голос, — советовал бы вам, Анатолий Петрович, сделать из него все необходимые выводы!

— Не против! Но какие именно, не скажете?

— Скажу! Тем более что теперь перед вами стоят производственные проблемы куда сложнее, чем когда-либо были. Крупный руководитель не имеет права смотреть на жизнь однобоко. Чтоб не быть голословным, отмечу, что если бы вы у заведующего гаража узнали, кто по очереди должен был получить машину, и с этим водителем переговорили бы по-человечески, то, уверен, он не стал бы никуда жаловаться, тем более так подло! Вы меня поняли?

— Понял, Михаил Ефимович! А вопрос можно?

— Пожалуйста!

— Вам, случайно, сегодня начальник нашего сельскохозяйственного управления Владимир Андреевич Пак не звонил?

— Звонил! Но поскольку я почти весь день провёл в пригородном совхозе, то переговорить с ним не смог! А в чём вопрос?

Анатолий Петрович положил на министерский стол папку с экономическими расчётами и сказал:

— Здесь документы, подтверждающие, что и в наших северных суровых природных условиях даже самый отстающий совхоз, специализирующейся в основном на

растениеводстве, можно сделать передовым! Поручите вашим заместителям по экономике и финансам по совести, не жалея времени, изучить их и предоставить вам соответствующие заключения. А как ими лучше распорядиться, вы уж решите сами!

Министр посмотрел на Анатолия Петровича изучающе глубоко, словно хотел проникнуть в его мысли, явно заряженные на что-то новое, явно полезное, но лишь сухо, как в самом начале встречи, сказал:

— Договорились!

Анатолий Петрович, считая визит законченным, хотел было уже раскланяться, как вдруг Михаил Ефимович, с мягкими, светлыми нотками в голосе, враз перейдя на “ты”, поинтересовался:

— Анатолий, а отца, Петра Ивановича, давно видел?

— В прошлом году, когда в отпуск летал на Кавказ!

— И как его здоровье? Чем на пенсии занимается?

— Знаете, на первый вопрос даже не знаю, что и ответить, поскольку отец, как бы себя плохо ни чувствовал, никогда об этом не скажет. Просто уединится на день-другой в своей комнате, скажем так, словно собака, забившаяся в конуру, залижет свои глубокие физические, а порой и душевные раны, да и вновь трудится, не покладая рук! Конкретно — выращивает в теплице овощи, а в огороде — цветы. На вырученные от продажи деньги и живёт — пенсия-то, сами знаете какая — кот наплакал! В общем, перед тяготами жизни не склоняет в бессилии голову. Боец!

— Это точно! У меня в совхозе “Якутский”, пока я им руководил, более инициативного управляющего, чем твой отец, не было! В связи с этим единственное, что я тебе, Анатолий, пожелаю на директорском поприще, так это быть таким же волевым, как он! А ума, находчивости, вижу, тебе не занимать! В твои годы самое время, образно говоря, звёзды, причём самые яркие, с неба неустанно хватать! А вот теперь, с этим моим добрым пожеланием, иди! После заседания бюро обкома приказ о твоём назначении директором я немедленно подпишу!

Когда Анатолий Петрович с Марией вышли из министерства, на улице уже стало смеркаться. В медленно остывающем воздухе, за день раскалившемся до тридцати градусов, словно в таёжном лесу, тучами, противно зудя и всё норовя укусить, носились крупные, с жёлтыми крыльями кровожадные комары. Асфальт на тротуаре от полуденной жары настолько размягчился, что женские тонкие каблочки оставляли на нём заметные вмятины-точки. Во многих окнах пятиэтажных панельных домов ярко горел свет, который, падая на тротуары, выхватывал из густеющего на глазах сумрака редких прохожих, тальниковые кусты, растущие вдоль улицы в палисадниках с низким, решётчатым ограждением из полосового железа. Мимо по асфальтированному дорожному полотну довольно широкой улицы имени Петра Ойунского проезжали с включёнными на ближний свет фарами многочисленные легковые автомобили, в том числе и неутомимые такси. Но поскольку до дома, в котором проживала сестра Наталья со своей семьёй, было рукой подать, Анатолий Петрович, несмотря на комаров, предложил жене прогуляться по вечернему, залитому золотым светом фонарей столичному городу пешком. Она с лёгкостью согласилась, ибо самой хотелось теперь, когда полётные треволения окончательно улеглись, пройтись по северному городу, сыгравшему в её девичьей жизни свою судьбоносную роль.

— А ты что так долго был у министра? — взяв мужа под руку, не без тревоги как-то больно уж живо поинтересовалась Мария.

— Знаешь, — не задумываясь ответил Анатолий Петрович, — просто как-то с самого начала разговор пошёл по неожиданному для меня руслу!..

— И всё же?

— Да, уважаемый министр то ли в качестве напутствия, то ли просто для более верного выражения своих мыслей посчитал необходимым строго напомнить мне, что сегодняшний день уже завтра будет прошлым, а оно имеет свойство, особенно плохими делами, очень часто печально напоминать о себе. И выходит, что без хорошего, стоящего настоящего можно запросто лишиться светлого будущего!

— Только и всего?

— А разве этого мало?! — спросил Анатолий Петрович и, не дожидаясь ответа, сказал: — Но вообще, думаю, нам, хоть и атакуемым комарами, будет более приятным в этот вечер поговорить о чём-нибудь другом! А лучше давай я в качестве исключения прочитаю сейчас тебе свои стихи о городе, по одной из улиц которого мы с тобой идём?

— Читай! Я с удовольствием послушаю! — искреннее обрадовалась Мария, не смотря на то, что лихо прихлопнула на шею ещё одного комара.

Анатолий Петрович, в полной мере можно сказать, состоявшийся большой ответственный руководитель, хотя и уже давно пишущий неплохие стихи, но всё ещё оста-

вавшийся безызвестным поэтом, от природы хорошо поставленным голосом чтеца продекламировал:

*Треща зловеще, будто лёд,
всё ходит вверх и вниз:
и столб, где радио орёт,
и цоколь, и карниз.
А крепкий железобетон,
сдавивший грудь земле,
и вовсе в небо вознесён,
как ведьма на метле.
Моя измученная жизнь
летит, как птица стерх,
в палящий зной то вверх, то вниз,
но чаще всё же вверх.
Когда же вьюги налетят
и стужа зазвонит,
недвижно всё, что видит взгляд,
и даже сердце спит...*

— Ну, и что, дорогая, скажешь?

— Суровые, но очень верные стихи! — ответила Мария и с живым интересом спросила: — А когда ты их успел написать?

— Это совсем неважно! Главное заключается в том, что моё отношение к родному городу передано в стихах действительно образно и верно! Так бы ещё суметь в полной мере и жить на этом свете!

— И что же мешает?

Вместо того, чтобы ответить, Анатолий Петрович задал вопрос жены себе: “А действительно — что?!” И сам же на него мысленно попробовал ответить: “Да ровным счётом ничего! Дело в другом! На высокую жизнь, исполненную света и добра, кроме мужества, упорства и силы, нужна в обязательном порядке любовь. Та единственная, которая все перечисленные качества во сто крат увеличивает, от которой душа, как весенняя птица, вдохновенно и залиvisto поёт и, в конце концов, жаждет подвигов во имя её величества любви!..” От этих неожиданных мыслей на Анатолия Петровича, словно откуда-то свыше, сошло озарение, наконец, позволившее ему, как никогда прежде, понять, что он в полной мере исполнился яркой любви к этой молодой красивой женщине, можно сказать, нечаянно повстречавшейся ему. Но любовь его была не полыхающим в душе ветровым костром, а наполняла его величаво и восхитительно, словно равнинная, полноводная река, где с одного берега не видно другого — настолько она широка, и до её дна, сколько упрямо ни ныряй, не достанешь, и как бы долго ни плыл, как Вселенной, ей не будет ни конца, ни края!

Он резко, словно вкопанный, встал, порывисто повернулся к Марии, взял её за хрупкие плечи, притянул к себе так резко, что она невольно запрокинула голову. Глаза её, словно в ожидании самого заветного, в лунном свете таинственно сверкали, выражая покорность и нежность; и он, не отводя от них горящего взгляда, почти прокричал: “Я тебя люблю! Понимаешь, нет ли, но люблю!..” И, не дожидаясь ответа, которого в эту минуту и не надо было, настолько он был поглощён вдруг охватившим его душу огромным чувством любви, тотчас, как пушинку, взял на свои крепкие руки Марию и закружил, закружил, словно нежданно налетевший солнечный вихрь, при этом ещё и готовый нести и нести свой небесный дар, как ему тогда казалось, бесконечно!.. Но запыхавшись, словно от бега в гору, наконец, не без сожаления опустил своё сокровище на землю, вновь заглянул в такие милые, такие дорогие глаза и от сильного волнения почему-то вдруг севшим голосом снова произнёс, как самое дорогое заклинание: “Нет, родная, ты понимаешь, как же я тебя люблю! И только тебя!”

И теперь ему действительно страшно захотелось спросить её, а разделяет ли она его самое великое чувство на свете? Но вдруг совсем без огорчения здраво подумал: “А зачем? Ведь если бы она была готова к признанию, то сама, прямо сейчас вдохновенно сказала бы мне об этом. А раз молчит, значит, её душа ещё не созрела для самых заветных слов... Что ж — подожду! Буду верить, что, как капля за каплей камень точит, так и моя любовь своим ярким горением однажды запалит и душу жены, чтобы она, как костёр на внешнем ветру, неумоимо горела!..”

Дверь открыла Наталья в лёгком домашнем халатике, перехваченном в талии тонким пояском, с каштановыми волосами, волнами спадавшими на округлые, слегка полноватые плечи. Увидев брата, она радостно, как белая лебедь крыльями, всплеснула гибкими руками:

— Наконец-то!.. Самолёт уже два часа назад приземлился, а тебя, извините, вас, — посмотрев на незнакомую ей молодую женщину, поправилась она, — всё нет и нет! Мы уже хотели в милицию звонить!

— А я уже, ожидая, и вздремнул! — с добродушной улыбкой произнёс басом Виктор, заслонивший своей огромной фигурой весь дверной проём гостиной. — Анатолий, а кто эта красавица, пришедшая с тобой?

— Красавица — это точно! Но кроме этого — знакомьтесь! — она моя жена! Звать её Мария! Ну, что вы, зять и сестра, рты от удивления раскрыли? Повторяю, для большей убедительности: да, моя законная супруга! Прошу её любить и жаловать больше, чем меня!

Первой опомнилась Наталья:

— Дорогие гости, а что, вы так у порога и будете стоять? Давайте поскорей снимайте обувь, надевайте домашние, между прочим, мной лично вязанные шерстяные тапочки и, помыв руки в ванной, проходите на кухню! А я пока ещё раз в микроволновке разогрею ужин!

Приведя себя в порядок, молодожёны сели за стол, полный всевозможных закусок, над которыми, поблёскивая в электрическом свете потолочной лампы стеклянными боками, возвышались две открытые бутылки: одна — с водкой, другая — с красным сухим грузинским вином. Виктор, предвкушая близкую выпивку, заразительно потёр ладони и, налив себе в стопку любимого напитка, сказал:

— А ты, Анатолий, поухаживай за дорогими женщинами! Хоть моя дражайшая супруга ни вино, ни водку не любит, но, надеюсь, за приезд брата с женой хоть глоток вина выпьет с удовольствием!

— А что? Выпью! Только не вина!..

И, встав из-за стола, достала из холодильника пузатую бутылку “Советского шампанского”, передала брату, чтобы он осторожно открыл её, а сама поставила на стол два хрустальных, в ламповом свете весело переливавшихся узорчатыми тонкими гранями фужера:

— Что вы, Наталья, никакого другого алкоголя я и не пью!

— Вот и отлично!

— А я, как всегда, — сказал Анатолий Петрович, — останусь верен сухому вину! Так за что, мои дорогие родственники, выпьем?!

— “И снова нальём!” — не без радости произнёс Виктор.

— Может быть! Но всё-таки?..

— Тут и думать нечего! — тотчас произнесла Наталья. — Конечно, за тебя, мой дорогой брат, и за твою красавицу-жену!

— Согласен, ох, и как же я согласен, с тобой, моя любимая сестра! Но пьем, как всегда: мужчины — стоя, женщины — до дна! Шучу, конечно! Но, как говорится, в каждой шутке доля правды есть!..

— Подождите, подождите! — скороговоркой сказал Виктор. — Я вот на полном серьёзе кричу: “Горько! Горько! Горько!..”

— Мой супруг совершенно прав! — поддержала мужа Наталья, — я тоже прошу, нет, требую: “Горько! Горько! Горько!”

Анатолию Петровичу с засмущавшейся Марией ничего не оставалось, как, сделав несколько глотков из бокалов, встать и под дружное хлопанье ладоней родных, как у друга юности Иннокентия в вечер, посвящённый бракосочетанию молодых, соединиться в длительное, сладко-нежным поцелуе, от которого головы невольно слегка, как от хорошего сухого вина, закружились. Вернувшись к закуске, они, изрядно проголодавшиеся, быстро доели её, а когда Наталья на второе подала плов, то и его принялись поесть с таким удовольствием, что Виктор, снова налив в рюмку водки, напористо, как на рабочем собрании, запротестовал:

— Подождите! Подождите! Плов, тем более что, гарантирую — вкусно приготовленный, — никуда не денется, а вот желание выпить может запросто пропасть! А у меня, кроме произнесенного тоста, ещё и вопрос к дорогим гостям имеется, который почему-то не был задан ещё до ужина!

— Дорогой муженек, это у тебя-то пропадёт интерес к алкоголю?! Ну, и сказал — курам на смех! — не дала договорить мужу Наталья.

— Сестра, подожди, не перебивай мужа! Пусть Виктор удовлетворит свой живой интерес! — быстро сказал Анатолий Петрович и весело, с душой, по которой волнами расхлынуло тепло, продолжил: — Спрашивай, зять! Мы с Марией — одно сплошное внимание!

— Во! Я всегда считал, что мужская солидарность незыблема!.. А вопрос у меня, друзья, самый простой: в нашу разлюбленную столицу с какой такой важной целью вы приехали?

— Мария, — за себя и за жену ответил Анатолий Петрович, — проведать своих друзей в республиканском объединении “Сельхозхимия”, где она, учась в сельскохозяйственном институте, каждое лето проходила предсессионную практику, можно сказать, в каких-то нескольких шагах от вашей дачи — на опытных участках в Кильдямцах, то есть, Наталья, на родине нашего с тобой отца Петра Борисовича! А я прилетел на утверждение в обкоме партии на должность директора совхоза “Ньюский”. Вот так — не больше не меньше, мои дорогие!

— Я как в воду глядел, словно предчувствовал, что для второго госта очень уж серьёзная причина объявится! — воскликнул Виктор и, вдруг на несколько секунд замолчав, посмотрел пытливым, как-то сразу посерьёзневшим взглядом на Анатолия Петровича и произнёс:

— Если я не ошибаюсь, то за последние три года ты уже в третий раз получаешь всё более ответственные должности! Ничего не скажешь, молодец! Поэтому, дорогие женщины, второй тост — за моего дорогого зятя!

И тотчас, вскинув голову, приняв на грудь очередные пятьдесят граммов водки, вкусно закусил квашеной капустой, выдохнув:

— Ух! Как же хорошо пошла и в этот раз, проклятая!..

— Брат! — произнесла Наталья. — Отец всегда самые большие надежды из всех своих детей возлагал на тебя! Представляю, как же он обрадуется твоим успехам! Я тоже от всей души поздравляю тебя с новой, более высокой должностью. Но извини, этот тост поддержку смородиновым соком!

Тот же соком поддержала её и Мария, трогательно улыбнувшись своей белоснежной милой улыбкой, излучая глазами жизнерадостный свет.

— Спасибо, родные, за искреннее поздравление, за душевные, тёплые слова, — то ли с грустью, то ли с каким-то непонятым сожалением сказал Анатолий Петрович. — Но я должен признаться, что никакой особой радости не испытываю, а вот громадную ответственность, навалившуюся на меня тяжелой гранитной плитой, ощущаю в полной мере! Это, скорей всего, потому, что я ещё всё-таки до конца не уверен в своих силах! Нет, их у меня — хоть отбавляй! А вот практического опыта, что ни говори, всё же маловато! Приходится буквально на ходу, руководя огромным коллективом, постигать высокую математику управления... При таких обстоятельствах единственное, что позволило мне всё же согласиться стать директором, честно говоря, так это благодарность нашему с тобой, Наталья, отцу, при котором центральное отделение совхоза, которое он целых пятнадцать лет успешно возглавлял, процветало, а теперь всё хозяйство, словно загнанная бешеной скачкой лошадь, никак отдышаться не может... Я просто обязан сделать всё для его победного возрождения! Ну и, конечно, ещё раз на излом проверить свою волю, свой мозг, как бы они до сих пор мне верно ни служили! Хотя, признаюсь, что мне порой всё больше и больше кажется, что в этот суетный, пёстрый и скандальный, но всё равно прекрасный мир я пришёл для чего-то ну, совершенно другого, пусть не столь карьерного, но намного богаче, намного возвышенней и духовней! Ну, хотя бы затем, чтобы сгорать дотла в бессмертном огне любви ко всему доброму на этом свете,

— И я, брат, с тобой полностью согласна! — сказала Наталья. — Ты по знаку зодиака Рыба, значит, твоя стихия — творчество! Не зря же тебе было дано свыше сначала ваять, а потом и писать стихи! Мы всей семьёй радовались каждому твоему творческому успеху! Тем не менее, ты окончательно забросил первое, разлучился аж на целых десять лет и с поэзией, правда, в пользу публицистики, но, по моему мнению, это шаг в сторону, а не вперёд! А жизнь, к великому сожалению, на месте не стоит — и хорошо, что это так! — оглянуться не успеем, как она пролетит стремительной птицей, но ты, кому от природы дано больше, чем кому-то другому, как бы, в конце концов, не остался у разбитого корыта! Вот обидно-то будет, да так, что и высказать тяжело, насколько!

— Наталья, что ты такое говоришь! — резко перебил жену Виктор. — Мой дорогой зять уже столько в этой жизни сделал, несмотря на молодость, что мне и не снилось, хотя я его старше на целых десять лет! Ну, не стал он по своей воле скульптором и поэтом, значит, тому были серьёзные причины — это во-первых! А во-вторых, если человек талантлив, то во всём! И на новом посту директора, уверен, он оставит заметный след в жизни района. Не удивлюсь, если местная власть Нью построенную им

лицу когда-нибудь назовёт его именем. И народ возрождённые поля будет называть не иначе, как Ивановскими!

— Виктор, ты, когда я говорила, — перебила мужа Наталья, — где был? В каких облачных небесах витал, словно беззаботная птица?

— Ты это о чём?

— О том, что я в своих суждениях касалась творчества, а не совхозного или какого другого производства! И вообще, вы с моим любимым братом дальше вдвоём поговорите, а мы с Марией уединимся для своих, сугубо женских разговоров!

Едва мужчины остались одни, Анатолий Петрович как бы в поддержку Виктора, выпившего третью стопку, не закусывая, освежил бокал вином и для продолжения разговора спросил:

— Слушай, твоё мнение по отношению к рабочим не поменялось?

— Пожалуй, нет! Разве что стало менее категоричным!

— Интересно, почему?

— Посуди трезво сам: когда мои подчинённые — механизаторы, это экскаваторщики, бульдозеристы, асфальтоукладчики и водители самосвалов — работают в поле, то есть непосредственно на строительстве и ремонте городских дорог, в песчаном и галечном карьерах, то я на них не нарадуюсь: план ежемесячно перевыполняют на сто двадцать, сто тридцать процентов! Но стоит технике из-за серьёзной поломки надолго выйти из строя, так они в гаражной курилке часами то в домино козла забивают, то в карты играют, а то и вовсе на троих соображают!.. В общем, хоть увольный за грубое нарушение производственной дисциплины! Да жалко — ведь почти у всех семьи!.. Да немалые!

— А тут, Виктор, судить нечего! — сказал Анатолий Петрович, — ибо причина их, как тебе кажется, наплевательского отношения к ремонту заключается в том, что ваш заведующий мастерскими просто занимает не своё место, поскольку не может обеспечить твоих подчинённых исполнением в срок токарных, сварочных, кузнечных и других работ! Не случайно же ты, работая бульдозеристом, за этим столом разносил в пух и прах своё начальство — механиков, главного инженера! А теперь, став одним из них, вместо того чтобы с пеной у рта отстаивать интересы своих бывших коллег-работяг, ты поёшь с чужого голоса! И если бы на ремонте платили больше, чем, как ты выразился, в поле, то я с тобой согласился бы, а поскольку всё наоборот, то, извини, ну, никак не могу! Что тобой движет? Животный страх из механиков снова в одночасье по воле начальства оказаться в простых бульдозеристах?

— Даже точно и не знаю! — несколько удручённо ответил Виктор. — Но, во всяком случае, не боязнь чёрной работы до десятого пота и сжигающей гортань жажды, тем более, что сейчас я получаю с учётом всех премиальных — ежемесячных, квартальных и годовых — намного меньше, чем прежде, когда в карьере рычагами двигал!..

— Вот мы и пришли с тобой в разговоре к главному вопросу сегодняшних дней, к сожалению, пока только на кухнях обсуждаемой проблемы, образовавшейся в государственном устройстве и развитии. Но рано или поздно, как бы её, словно джинна в бутылке ни удерживала, скажу так, властная пробка, она непременно перенесётся в трудовые коллективы, а оттуда — и на улицы!

— А в чем по-твоему, Анатолий, заключается сегодня этот тяжёлый период?.. — выпив ещё одну стопку водки, спросил с заметно посоловевшими глазами, но все ещё твёрдым голосом Виктор.

— В первую очередь, в том, что в нашем обществе так и не построенного социализма, — заметь, о коммунизме я вообще даже не смею говорить, — в сфере оплаты труда всё поставлено с ног на голову. Ну, разве можно считать нормальным, что, к примеру, учёный, от вклада которого сначала в современную науку, а потом и в производство его новейших конструктивных решений и передовых технологий может значительно увеличиться жизненный уровень миллионов человек, получает в два раза меньше, чем городской таксист, к тому же потративший на получение своей профессии значительно меньше времени и усилий? Нет! Вот они, эти научные светила, при удобном случае, каким в основном у нас является заграничная туристическая поездка, и просят якобы политического убежища в капиталистической стране, а на самом деле они просто хотят, во-первых, иметь необходимые условия для претворения в жизнь своих передовых идей, изобретений, во-вторых — получать по праву, в соответствии с вкладом умственного труда заработную плату, чтобы — заметь! — лишь содержать в достатке семью и дать своим детям прекрасное образование, а вместе с ним и гарантированное обеспечение светлого будущего! Хотя до упаду всей страной, к примеру, греби и греби до полного изнеможения совковой лопатой, но без высоких технологий немислимо успешное развитие таких отраслей, как медицина, машиностроение, электроника, та же

культура, пусть в меньшей степени, но — тоже. Вот мы и топчемся на месте, словно в ступе воду толчём.

— Да, Анатолий, слушаю тебя и радуюсь, что на дворе не тридцать седьмой год, что, надеюсь, нас никто из работников КГБ не подслушивает, а иначе тебе бы не только директорства, как своих ушей, не видать, но ещё и из партии в три шеи в один миг выгнали бы!

— Не сомневаюсь! Причём ничуть! Но поверь мне, что и там, наверху, власть пре-держажие уже не могут не понимать, что экономика нашей страны находится в самом что ни на есть тупике, что необходимо её в срочном порядке перестраивать! И уже давно начали бы это делать, да всё никак не могут избавиться от коммунистических, ничего общего с природой человека не имеющих, страх как губительных догм! Один дурацкий лозунг: “От каждого по способности — каждому по потребности!” чего, твою мать, стоит, ибо призывает ленивых от природы людей стать самыми настоящими захребетниками трудолюбивых!

— Анатолий, ты говоришь о перестройке! И получается, что, к примеру, я, честно работающий, отдающий родному предприятию все силы практические знания, здоровье, наконец, топчусь на месте! Или как?

— А так, что твой труд, как, впрочем, и мой, обезличен и не имеет верных ориентиров! А главное, мы наёмные работники, которые лишены чувства хозяина. А без него невозможно раскрыть в полной мере своих природных способностей! Хотя, уверен, на генном уровне оно ещё живёт, как бы его все советские годы в нас ни пыгались умертвить, чтобы можно было нами легко управлять, бросать, как мечтал полусумасшедший людоед Троцкий, с одной великой стройки на другую, в общем-то платя грошовую зарплату, позволяющую лишь с голоду концы не отдать да мало-мало одеваться. Поэтому, в первую очередь, не нам с тобой, работающим на совесть, надо перестраиваться, а руководству государства родного исполнить обещание первых, главных революционных вожаков, к примеру, того же Ленина лозунги-призывы “Вся власть Советам!”, “Заводы и фабрики — рабочим!”, “Земля — крестьянам!” как можно скорей претворить в жизнь! Ведь если не сделать этого, то из тупика, в который мы вместе со всей страной попали, не сможем выбраться. А это значит, что никаких перспектив даже в самом отдалённом будущем у нашего многострадального народа нет и — вот что разрывает сердце! — не будет...

— Ты говоришь такие заумно смелые вещи, что, не выпив, я понять их своим вроде неслабым умом ну никак не могу! — заметил Виктор.

И ещё одну стопку водки махом опрокинул в рот, немного скривил лицо, но почему-то ничем закусывать не стал, а лишь глубоко вдохнул запах чёрного хлеба, нарезанного аккуратными ломтями, и вновь устремил на шурина вопросительный, заметно посоловеший взгляд. Как Анатолию Петровичу ни хотелось скорей закончить слишком затянувшийся разговор, он не мог сделать этого, не высказав затаившейся где-то в самой глубине его разума, выношенной давным-давно мысли:

— Вот ты, Виктор, про КГБ говорил!.. А я тебе расскажу, какими же крамольными мечтами мы с моим отцом, между прочим, сыном самого настоящего по-сталински кулака, а по-человечески — рачительного хозяйственника-крестьянина жили, когда я, окончив школу, пошёл работать подменным скотником на совхозную ферму. Так вот, бывало лежим мы с ним вдвоём, закинув руки за головы, на раскладном диване, слушаем транслирующийся по радио эстрадный концерт с участием наших любимых артистов: моего — Муслима Магомаева, отцовского — Иосифа Кобзона, и потихонечку говорим, что как было бы хорошо вернуть времена стольпинских реформ, когда каждому крестьянину, пожелавшему осваивать дикие сибирские земли, выделяли земельной надел, выдавали для закупки семян и техники льготный кредит — и будь здоров! — с душой да с песней от зари до зари возделывай суровую землицу, выращивай, что рынку угодно, и будь счастлив! Причём многократно!.. Ведь над тобой в виде строгого надсмотрщика никого, кроме твоей совести, нет! Не то, что сейчас! Всяк вышестоящий чиновник, хоть инструктор райкома, хоть представитель народного контроля, хоть следователь прокуратуры — всех не перечесть! — только и смотрят, как бы совхозные директора по команде, спущенной из министерства или обкома партии, точно в срок и неуклонно шли, как лошади на весенней вспашке, строго одной бороздой, по которой ещё хаживали наши деды, нет, прадеды!

— Обидно?! — спросил Виктор, замолчавшего шурина.

— Противно! Но главное — бесперспективно!

— В таком случае, как же ты совхозом руководить будешь?

— Есть такая поговорка: “Капля камень точит!..” Вот я и возьмусь за самое пер-востепенное, без чего не может быть поднята сполна производительность труда, —

за пробуждение у своих рабочих, к счастью, всё ещё окончательно не убитого, а только заснувшего в подкормке сознания чувства хозяйина той земли, на которой он работает!

— А разве такое в наше время возможно?

— Возможно! Конечно, не с таким большим размахом, как страстно хочется, но повторяю — возможно! И совсем, как некоторые наши соотечественники, из-за своей экономической, да и политической близорукости разуверившиеся в крестьянском светлом будущем думают, не на пустом месте, а через те же небольшие сельскохозяйственные кооперативы, которые наконец-то, пусть через пень-колоду, но стали появляться и у нас в районе! Вот только, чувствую, много чего придётся пересилить, а может, просто, стиснув зубы, переждать. Не может быть, чтобы наверху, в Кремле, в конце концов, окончательно не поняли всю необходимость не только жить по-человечески, но хозяйствовать на земле!

Тут в кухню вошла Наталья:

— Мужчины! Время позднее, пора на отдых! Анатолий, я вам с Марией постелила на диване в гостиной! Спокойной ночи!

— Приятных снов! — ответно тепло пожелал любимой сестре Анатолий Петрович и Виктора, заметно охмелевшего, спросил:

— Ты завтра после обеда не сможешь меня с женой свозить в Кильдямцы — что-то больно тянет побывать в родовых местах?

— О чём речь! Хоть с самого утра!

— Вот и хорошо! А сейчас, действительно, пора укладываться!

— И что же мы с тобой, дорогой родственничек, на сон грядущий, да после такого душевного разговора и не выпьем? — уже почти пьяно, с трудом ворочая заплетавшимся языком, спросил Виктор.

— Хозяин — барин! А я — пас!.. Пока!

Двухстворчатые двери были плотно закрыты. Анатолий Петрович осторожно открыл их и, войдя в гостиную, затворил за собой. С минуту постоял, позволяя глазам привыкнуть к темноте. И, когда это случилось, то увидел, что она, показавшаяся ему сначала густой, на самом деле была как бы светоносной из-за небесных, лунных лучей, широкими волнами лившихся сквозь оконную прозрачную тюль. Стараясь сильно не шуметь, он лёг под одеяло, сразу ощутив всем телом нежное тепло, исходившего от пахнувшего резедой и мятой упругого тела жены. По её неровному дыханию понял, что она ещё не заснула, и тихо спросил:

— А ты почему ещё не спишь?

— Да что-то от стольких треволнений прошедшего дня всё никак не могу душой до конца отойти! В глазах постоянно мелькают то незнакомые лица, то мчащиеся машины, то уличные фонари!

— А если честно, как на духу?!

— Как на духу, говоришь? Ну, конечно, жду тебя!..

Анатолий Петрович, опершись на локоть, приподнялся так, что сверху вниз посмотрел на казавшееся в лунном свете матовым красивое лицо Марии. Глаза её жарко блестели, сочные губы были чувственно приоткрыты, на чистом лбу лежала нежная прядь духмяных волос. Он лёгким движением ладони отвёл её в сторону, коснулся горячей щеки, и по его телу вихрем пронёсся сладостный огонь глубокой нежности, быстро переходящий в сладостное желание близости. Сердце, словно объётое пламенем, часто-часто забило, в висках заухала наполненная страстью молодая кровь, перехваченное дыхание стало порывистым, жарким... И он, лишь горячо прошептал: “Как же я тебя люблю!..” — в каком-то полубоморочном состоянии осознал, что оба огромных мира — земли и неба — сузились до таких пленительных, таких удивительно милых губ жены, и ему нестерпимо захотелось с головой зарыться в жаркий сугроб её натянувшегося до стонущего звона ядрёного, молодого тела.

Вселенная постепенно стала расширяться до своих привычных границ... Анатолий Петрович, немного досадуя, что Мария продолжала сохранять молчание, за исключением того момента, когда в страсти на его вопрос: “Тебе хорошо, милая?” — она ответила с придыханием: “Очень!..” Откинувшись на спину, взял жену за руку, слегка сжал её и, усмиряя частое дыхание, взволнованно, с глубокой проникновенностью проговорил:

— Знаешь, чем я больше думаю о нашей встрече, тем сильнее верю, что она послана нам свыше. Но каждый из нас к ней шёл своим путём, на котором было всё: и радость, и горечь, и смех, и слёзы, и, конечно, глубокие разочарования, — и вынес из всего этого своё отношение к жизни. Лично я понял, что без любви — неважно, ответной или безответной — человек постепенно превращается в бесчувственное животное... Поэтому до встречи с тобой, сколько бы раз я ни ошибался в выборе своей половинки

сердца, как бы в кровь ни терзал душу обидой на самого себя, что в очередной раз чувственный розовый мираж принял за единственную любовь, я упрямо искал свою женщину. Вспоминать об этом нестерпимо тяжело, да и стыдно. Но вот появилась ты, которая в моё сердце ворвалась не весенним ветром, не морской волной, как бывало прежде, а вплыла солнечным облаком, затопив все уголки моей души, проникнув в самые сокровенные её места, и я понял: ты — моя судьба! И поскольку понимание этого пришло не в чувственной горячке, не в пылкой одноразовой, как спичечный огонь, страсти, а с чётким осознанием всего своего земного предназначения, то я уже, как мне всё больше и больше кажется, никакую другую женщину не смогу полюбить. Несмотря на это, ты в своём окончательном выборе женщины свободна, словно птица, летающая высоко в небе. Поверь, брачный штамп в паспорте для меня, в общем-то, ничего не значит. Одни считают, что браки свершаются на небесах, другие — что в храмах, третьи — в загсах — и все по-своему правы! Но прежде всего, необходимость брака должна, как получилось у меня, созреть в душе! А о твоей свободе я сказал потому, что считаю: если что-то и спасёт мир, то это будет не красота, не любовь, а именно возможность каждого человека чувствовать себя до конца своих жизненных дней вольным в своих чувствах и поступках. Но без чёткого понимания, что брак — это великий праздник, мужественно сотворённый руками двоих любящих друг друга человека, в семье никогда не будет царить солнечный лад и покой. Никогда!

Мария слушала мужа, не перебивая. Она, младше его на целых десять лет, конечно, многое из того, что он говорил, до конца не понимала, но по уверенной речи, когда каждое слово ложится в строку, как кирпич в кладку стены, не могла не проникнуться чувством уверенности в завтрашнем дне. Её чуткая душа наполнилась таким глубоким умиротворением, что она прижалась к мужу так жарко, что их сердца, может быть, в первый раз забились, как одно...

27

Когда Анатолий Петрович, проснувшись, встал, то Виктор уже уехал на работу. Наталья, собрав дочку Анжелику, повела её в детский садик, оставив на кухонном столе записку, в которой просила брата дожидаться её. Мария тоже успела не только принять душ, но и позавтракать. Но и она, поцеловав мужа и пообещав к обеду вернуться, отправилась в управление республиканской «Сельхозхимии» проведать своего старого друга — пожилого начальника отдела кадров, к которому совсем не случайно питала дочерние благодарные чувства. У Анатолия Петровича до заседания бюро обкома была ещё уйма времени, поэтому он не спеша подкрепился вторым, разогрев его в микроволновке, и только стал пить чай, как вернулась Наталья. Не переодеваясь, прошла на кухню, бодро поздоровалась с братом и, сев напротив него, заговорила:

— Анатолий, я специально решила задержаться, чтобы поговорить с тобой, как прежде, по душам, — ведь другого времени у нас для этого не будет: после обеда ты уедешь в Кильдямцы, а завтра утром улетишь домой, в свой совхоз, где за суматошной работой всё позабудешь!..

— Хорошо! Давай, как прежде, по душам поговорим о самом сокровенном! Я очень рад, что в наших отношениях сохраняется глубокая доверительность и тёплое участие... Только спрошу сразу: ты удивлена моей женитьбой?

— Представь себе, нет!

— Это почему же?

— Потому что слишком хорошо тебя знаю! Ты, как почти все мужчины, чем самостоятельней на людях, в работе, тем больше нуждаешься в домашнем уюте, женском тепле. Но скажи мне, что тебя так неожиданно подвигло взять в жены именно Марию?

— Месяц назад сказал бы, ничуть не кривя душой, что только производственная необходимость! Да-да! Именно она самая! И не смотри на меня такими недоуменными глазами, ведь сама же, извини, вышла замуж не по любви! А мне Мария хотя бы нравилась!

— Да, вышла не за того, кому безвозвратно отдала сердце, и живу! А у тебя это ведь второй брак! Впрочем, я тебя не дослушала!

— Вот-вот! В настоящее время, когда, наконец, я сам разобрался в своей поспешной женитьбе и характере Марии, могу твёрдо заявить: она именно та женщина, которую я столько лет искал!

— Допустим, я за тебя очень рада! Но как ты собираешься противостоять природе, верней, небесным, звёздным силам?

— Ты это о чём, дорогая сестра?!

— О том, что вы с Марией по знакам зодиака совершенно не подходите друг другу!

Если ты — камень, то она — железо! А что бывает, когда одно находит на другое, сам знаешь!

— Знаю: треск с искрами, а верней, самая настоящая ссора!

— Так на что же ты надеешься? На чудо? Но если это именно так, то мне, поверь, совсем не смешно, а обидно за тебя!

— Ну, во-первых, чудес не бывает, значит, верить в них — быть дураком! А этого обо мне, надеюсь, ты не скажешь! Во-вторых, рано или поздно звёзды, какими бы они ни были разными по величине и по энергии тепла и света, сходятся... перекрывают одна другую. Но я в надежде на семейное счастье уповаю на разум и свою любовь к Марии!

— А она-то тебя любит?

— Не знаю! И, может, не узнаю никогда! Но будь я ей безразличен, она не приняла бы мою руку и сердце! Или я ошибаюсь?

— Скорей всего, нет! Но мой дорогой, горячо любимый брат, выражение: “Блажен, кто верует!..” — точно, как ни к кому другому, относится к тебе! Но помни: ты вновь пошёл по пути наибольшего сопротивления, то есть усталому совсем не розами, а ветками шиповника. И будут ли розы — только время покажет!

— Вот на этом, дорогая сестра, давай, по крайней мере, сегодня и закончим наш разговор! — сказал Анатолий Петрович и, посмотрев на часы, продолжил: — Да и пора уже выезжать на заседание бюро!

Наталья словно не услышала брата. Она надеялась если не вернуть его с тех солнечно сияющих высот любви, куда он со всей силой своей страстной души вознёсся и теперь там блаженно парит, как молодой орёл, впервые поднявшийся на прежде недостижимую высоту, то хотя бы открыть ему, что совместная жизнь с избранной женщиной — это, прежде всего, уверенность в том, что в горький час испытаний ему есть на кого опереться, кому излить до конца душу... И она взволнованно сказала:

— Извини, но давай поговорим ещё, ведь другой случай у нас с тобой вряд ли скоро представится!.. — и, не услышав возражений, уже спокойней продолжила: — Так вот, когда ты ушёл от Зинаиды, я, честно говоря, сильно расстроилась, конечно, в первую очередь, за тебя, но и за неё мне тоже было обидно! Ведь вы с ней вместе прожили больше десяти лет, она родила тебе прекрасного сына, которого ты, как сам не раз говорил, очень любишь! Понимаешь, твоя первая жена, как и я, относится к той категории женщин, которым небесами дано любить только раз — жертвенно, преданно и до конца!.. А вот, извини, Мария совсем другого душевного склада. Может быть, она тебя никогда и ни в чём не предаст, но, поверь мне, и в полной мере не разделит ни твоих радостей, ни твоих горестей, какими бы сильными они ни были, а если всё же будет это делать, то наедине с собой... Но своими бесконечными проблемами по полной нагрузит тебя так, что мало не покажется! Скажу больше: твои успехи, в лучшем случае, ею будут как бы игнорироваться, а в худшем — восприниматься чуть ли не враждебно! Да-да! Именно так! Ибо, видя их, она невольно, в силу своего эгоизма, проникнется сожалением, что, попадись ей другой мужчина, духом слабее, чем ты, и, глядишь, она бы в полную силу проявила свои лучшие душевные качества. Не была бы твоей слабой, едва заметной тенью, а сама лучезарно сверкала в глазах людей!.. Таким образом, сделав выбор жениться на ней, ты сам, по своей воле, обрекаешь себя на непонимание и вечное одиночество. Может быть, для творческой натуры это бесспорно является одним из условий высоких достижений, неважно — в поэзии или в прозе. Но находиться постоянно в психологическом напряжении, что тебя с трудом слушают, но совершенно не слышат, а вернее, слышать не хотят, — поверь мне, на это никакой воли, никаких сил не хватит!

Тут Наталья внезапно замолчала, с раздирающей её сердце острой болью глубоко, словно в бездну, посмотрела брату в голубые глаза и, с горячностью взяв его руку, с силой сжала её, как бы стараясь помочь родному человеку, и только потом вновь заговорила:

— И тогда жизнь для тебя обернётся самым настоящим земным адом, выдержать, с честью пережить который на этом свете дано не многим! Брат, я очень переживаю за тебя, очень! И прости, если вдруг не то говорю!

И последнее: ты за многие годы никак не мог или просто из-за обиды, которая, наверно, до сих пор сидит и саднит в твоём сердце, не захотел простить Зинаиду якобы из-за обмана в отношении её беременности, и в какой-то мере ты был прав. Но пойми, она пошла на эту исключительно вынужденную меру во имя защиты, нет, спасения своей огромной любви к тебе. Будь я на её месте, то, возможно, поступила бы если не точно так, то всё равно совершила бы какой-нибудь отчаянный шаг! Единственное, что действительно можно было бы всерьёз поставить ей в некоторую вину, так это то, что она, скорей всего, из-за неумения или нежелания хоть как-то предвидеть

своё будущее, одновременно с тобой не стала упрямо расти духовно да и профессионально тоже, и в итоге между вами окончательно образовалась глубокая пропасть, которую, увы, не перепрыгнуть, не перелететь... Но ведь то же самое, если не хуже, может запросто случиться и с Марией, хотя бы потому, что она со своим природным самолюбием и невыносимой самовлюбленностью вряд ли будет, преодолевая себя, вместе с тобой хватать звёзды с высоких жизненных небес. А вот пользоваться теми благами, которые ты заработаешь своим талантом, заплатишь за них потом, а может, и кровью, она никоим образом не сочтёт для себя зазорным! Ты ведь в работе и в творчестве так целеустремлён, что порой совсем забываешь о себе. Помню, ходил в одном и том же пальто аж десять зим подряд и делал бы это ещё неизвестно сколько, если бы мы с матерью тебя всерьёз не пристыдили бы и не заставили купить новое.

Анатолий Петрович беспокожно посмотрел на часы и, посчитав, что сестра если не всё, то самое главное для себя сказала, с вежливой улыбкой, как бы глубоко извиняясь, перебил её:

— Ты так уверенно, настолько рельефно, такими, как сказал бы художник, пастозными, сильными мазками охарактеризовала Марию, словно самая настоящая ясновидящая, увидела её душу насквозь! И я не буду с тобой спорить, переубеждать тебя. Поздно... Да и надежда, сама знаешь, умирает последней! А поскольку я свой выбор сознательно сделал, то мне теперь остаётся только уповать на лучшее... И прости, сестра, но, кажется, что ты всё-таки глубоко заблуждаешься!..

— Считай, как хочешь, — не маленький! Только ведь любому известно, что женское сердце редко когда ошибается... И не забывай о моём природном даре — уметь читать будущее по звёздам!

Поняв, что сестра обиделась, Анатолий Петрович, чтобы хоть как-то снять возникшее между ними напряжение, спросил:

— Неужели я настолько не слезу за собой, что мне, здоровенному мужику, и правда в некотором роде нянька нужна?

— Нужна! И, знай, не в некотором, а в полном смысле этого слова, как, впрочем, всем настоящим мужчинам. Только, к сожалению, далеко не каждая женщина, даже горячо любящая, в полной мере понимает это.

— Вот оно как оказывается... Может, ты и права... Но извини, дорогая сестра, мне все же надо бежать, иначе, слушая тебя, я не только без новой жены останусь, но ещё и без директорской должности! Шучу, шучу... Но за твою тёплую заботу обо мне без шуток спасибо!

И Анатолий Петрович прочувствованно обнял на прощание дорогого и, может, самого близкого ему человека. Но одевшись и уже взявшись за дверную ручку, обернулся и, посмотрев в глаза сестре, стоявшей в коридоре со сведенными крест-накрест руками, многозначительно спросил:

— Наталья, а ты можешь по знакам зодиака как можно вернее просчитать, когда наши с Марией звёзды сойдутся?

— Могут! А зачем тебе это надо?

— Затем, чтобы знать, на сколько же лет мне надо запастись стойким терпением, помноженным на сильную волю, — только и всего!

— Хорошо, я выполню твою просьбу! Но ты также должен чётко понимать, что поскольку звёзды находятся в постоянном движении, то им свойственно не только сходиться, но и расходиться!

— Пусть будет так! Но знаешь, даже скоротечное счастье, в котором два любящих сердца бьются, как одно, стоит многих лет страданий! В этой жизни, что ни говори, лучше трепетно прогореть душой, как костёр на внешнем ветру, чем тлеть и тлеть, словно головешка!

И Анатолий Петрович вышел из квартиры. Улица встретила его дворовым шумом: звонкими голосами играющих в песочнице детей, металлическим урчанием чёрной “Волги”, подбехавшей к соседнему подъезду, сварливым карканьем ворон, возившихся в мусорном железном ящике, наполненном доверху бытовыми отходами. Он обратил пылливый взгляд в небо и вынужденно сощурил глаза — настолько мощно, так ярко польхало в пронзительно синей вышине восторженно вкатывавшееся вверх по небесному склону оранжево-золотое, в малиновом ореоле неисчислимых лучей, победоносное солнце. Тотчас удовлетворённо, с чистой радостью подумалось: “А денёк-то выдался, словно по заказу — красота!..” И на душе стало так легко и свободно, что даже воздух, довольно ощутимо пахнувший бензиновой гарью, вдыхался полной, словно распахнутой навстречу быстротекущей жизни грудью.

Обком партии находился в монументальном, отделанном коричневым мрамором, с объёмными колоннами, подпиравшими массивный карниз, четырёхэтажном здании,

стоящем на площади Ленина с огромным гранитным памятником вождю всемирного пролетариата в самом центре. Поднявшись по широкой лестнице с частыми ступенями, со сплошными перилами, облицованными дорогой плиткой, на высокое крыльцо, Анатолий Петрович прошёл через двойные двери и был вежливо остановлен молодым милиционером в новенькой форме с лейтенантскими погонами, аккуратно коротко подстриженным ровным ежиком, с твёрдым взглядом узких якутских глаз, который вежливо попросил предъявить паспорт. Не спеша, внимательно сверив его данные с данными, занесёнными в дежурный журнал, отдал молодежато честь:

— Проходите, пожалуйста!

— А не скажете, в каком зале проходят заседания бюро? — не совсем уверенно спросил дежурного офицера Анатолий Петрович.

И тотчас от него услышал:

— В десятом! На четвёртом этаже!

— Спасибо!

Утверждение действительно прошло чисто формально. Один из членов бюро лишь кратко представил Анатолия Петровича и спросил своих посевших, умудрённых большим опытом партийной работы коллег, есть ли у них к нему вопросы. Но поскольку они почему-то промолчали, то председательствующий на заседании бюро первый секретарь обкома партии тотчас предложил утвердить молодого руководителя в должности директора совхоза, что и было сделано почти одновременным поднятием не менее двадцати рук. Анатолий Петрович понимал, что надо обязательно сказать ответное слово, но то ли от волнения, то ли от неожиданно быстрого решения своей производственной судьбы, чувствуя, что щёки его буквально пылают, лишь твёрдо произнёс: “Высокое доверие партии, уважаемые члены бюро, оправдаю!”

Выйдя на улицу, посмотрел на часы. Процедура утверждения директором совхоза “Нюйский” длилась десять минут. Так как времени до обеда был ещё почти час, Анатолий Петрович решил, чтобы быстрее успокоиться, пройтись по городу пешком. Любуясь современными высотными, из камня, стекла и бетона жилыми и производственными зданиями, которыми был застроен проспект Ленина, с мчащимися лавиной по ровному бетонному полотну автомашинами, он неожиданно ясно, как наяву, вспомнил, что всего каких-то двадцать с небольшим лет назад отец из Капитоновки, где они тогда жили, привозил его девятилетним парнишкой на санях, запряжённый чёрной, резвой лошадей, на эту площадь в магазин “Детский мир”, расположенный в угловом двухэтажном деревянном здании, за многие десятки лет чуть ли не по самые лдыстые окна ушедшем в топкий грунт.

В торговом зале сновало столько народа, что он, страшно боясь потеряться, не выпускал полу отцовского полубубка. Но едва под стеклом прилавка увидел коробки с разноцветным пластилином, как напрочь забыл о всего лишь минуту назад направившейся машинке — игрушечном самосвале. Глаза вспыхнули, как спички, от жажды получить в своё распоряжение хотя бы коробочку этого волшебного, этого сказочного материала! И как же он был счастлив, когда щедрый отец, вняв его чуть ли молитвенной просьбе, купил ему не одну, а целую упаковку пластилина! И, вернувшись домой, он всё свободное от уроков время с упоением лепил и лепил разные человеческие фигуры, средневековые замки и даже метровые военные корабли, вплоть до линкоров!

Ах, какое же у него было прекрасное детство! Да и юность тоже! Но почему жажда ваять с прежней силой не перетекла в молодость, не расцвела в ней пышным цветком успеха и признания?.. Почему?! Пропала?! Сгинула?! Бог дал — Он и забрал назад сказочный дар?! Сказать: “Так и есть!” — значит, солгать, поскольку упоительная жажда ваять трансформировалась в желание строить, творчески руководить! Ничего просто так не делается даже там, высоко, на этом синем-синем, с ослепительно ярким якутским солнцем, словно насквозь прозрачном небе! И, конечно, ничего без следа не проходит! Когда-нибудь ему будет дано узнать в полной мере, для чего он пришёл в этот удивительно разнообразный мир! А пока надо не ждать, словно манны с небес, заветного часа, а самому ломиться к нему, как по таёжной чаще, с той твёрдостью духа, с такой неуемной силой, будто каждый день и в самом деле может отказать для тебя последним!..

И Анатолий Петрович, довольный, что пришёл к такому жизнеутверждающему выводу, ещё с час погулял по знакомым, нет, навсегда родным городским улицам. Ему упрямо казалось, что он не идёт по ним, вспоминая юность, а словно листает и листает огромную книгу своего прошлого. Наконец, он вернулся к Ивановым, где Мария с Виктором, одетые по-дорожному, уже ждали его во дворе, сидя в салоне когда-то от всего щедрого на добро сердца с радостью подаренного им сестре везехода “Нива”.

На выезде из города остановились у цветочного магазина, где Анатолий Петрович купил три букета с чётным числом чайных роз. Садясь обратно в машину, кстати,

работающую, как хорошо отлаженные швейцарские часы, отливающую на изгибах кузова в полуденных лучах кофейными, матовыми переливами, он на вопросительный взгляд Виктора глубокой, идущей из самых глубин души грусти ответил:

— Надо будет непременно заехать на старое кладбище! Деда с бабой и тётей Викою проведать! Когда ещё приеду!

— Понятно!

Езды до родового села отца Анатолия Петровича было не больше тридцати минут: сначала по асфальтированной трассе, как бы рассекающей долину Туймада пополам ровно посередине, потом, повернув налево, как раз напротив конца взлётной полосы аэропорта, по гравийной дороге через якутское поселение Тулугино. Не доезжая до родового села Кильдямцы метров двести, у самого деревянного, довольно крепкого и вместе с тем лёгкого моста, перекинутого строителями через проточное длинное озеро с топкими берегами, сплошь поросшими густой, зелёной осокой, Анатолий Петрович с Марией вышли из машины. Но прежде чем пойти дальше пешком, он показал жене на стоящую впереди, под самой песчаной сопкой на крутом взлобке довольно большую пятистенную избу с четырёхскатной высокой крышей из обрезного теса в два ряда, с небольшими окнами с резными ставнями, с палисадником, в котором росли кусты рябины и черёмухи, с вкопанной в землю лавочкой рядом с глухой калиткой в высоком заплоте.

— Представляешь, в этом старом, почерневшем от времени доме родился и вырос мой отец! — восторженно сказал Анатолий Петрович. — Кто в нём живет в настоящее время, я, увы, не знаю! А жаль!.. Но из родни, кому он принадлежал, последней была тётя Маруся. Я тогда ещё даже в школу не ходил. Но всякий раз, когда отец щедрой на морозы да метели зимой на санях-розвальнях, с подбитыми полосовым железом полозьями, а жарким, скорей, даже знойным летом — на двуколке с пружинистыми рессорами отправлялся в Кильдямцы проведать свою старшую сестру, то непременно брал меня с собой. Тётя Маруся ставила старый, ещё царских времён, пузатый медный самовар с рельефно вылитыми медалями и при помощи обыкновенного кирзового сапога распалила заранее приготовленные угли. Вскоре вода вскипала, и мы с превеликим удовольствием пили свежесваренный, с коровьим молоком такой вкусный чай, что поныне, как вспомню о нём, так слюнки текут...

— Что ты говоришь! — воскликнула Мария, вскинув свою точёную руку в сторону пятистенка. — Получается, что мы, студенты, на летней практике каждый день ходили на опытные участки мимо дома твоих отца и деда! Знаешь, даже сразу как-то в такое и не верится!..

— Вот как! Но мне же это вдохновенно говорит о том, что наша с тобой встреча словно заранее была предопределена свыше! — сказал восхищённо Анатолий Петрович, чувствуя тепло ладони жены. — Ещё несколько лет назад, когда мы жили за несколько тысяч километров друг от друга, судьбе было угодно, можно сказать, заочно познакомиться нас. А потом,неважно, где и когда, но счастливо свести для совместной жизни, лишний раз доказав мою правоту, что мы сейчас совершенно не случайно находимся здесь. И мне сейчас, как никогда, хочется с тобой рядом — плечом к плечу! — не спеша пройти по этому старинному селу, чтобы, дыша воздухом, насквозь пропитанным прошлым, в котором на протяжении целого века жили и умирали мои предки, укреститься их несгибаемой волей и жизнелюбивой силой! Понимаешь меня?!

— Понимаю, милый!

И они, не отпуская рук, пошли мимо изб, выстроившихся вдоль узкого, но длинного озера в одну улицу, переживающих второе столетие, рубленных в лапу из сосновых брёвен, звенящих от удара обухом топора или тяжелой палки, как медный колокол, гулко, протяжно, словно говоря: “Пройдёт ещё не одна сотня лет, а мы всё так же будем стоять на этой суровой якутской земле, приютившей и обогрешей в страшном холоде, на снежных, колючих ветрах наших исконно русских ликом и характером хозяев, не побоявшихся в поисках лучшей жизни за несколько тысяч вёрст от родных мест забраться в таёжную глухомань и жить в ней так, что она со временем стала их второй родиной!”

В этот день то ли потому, что он был рабочий, то ли по причине переезда многих селян в город улица казалась пустынной. Лишь одинокие бабушки, несмотря на августовское тепло, укутавшись в тёплые, ими же связанные шерстяные платки, одиноко сидели возле своих изб на скамейках и, проводя двоих незнакомых молодых людей пытливым взглядом, мысленно вопрошали: “Кто такие? Что они забыли здесь, в селе, начавшем, увы, увы, понемногу забывать самого себя?..”

Мария интуитивно понимала, что вторится на душе мужа, после многих лет, наконец, по случаю оказавшегося у истоков, можно сказать, и своей жизни, потому шла молча, лишь плотней прижавшись к родному плечу. А Анатолию Петровичу в это время

почему-то вдруг из всех своих четырёх дядей по отцовской линии вспомнился самый старший — Андрей, который, как он знал пусть по несчастью, но ярким рассказам отца, был краснощёк, статен, высок, широкоплеч, при этом очень подвижен, с чёрными, как смоль, волнистыми густыми волосами, зачёсанными назад, с цыганскими, горящими, словно костровый уголь на солнечном, свежем ветру, большими, синими-синими, как весенние бездонные небеса, глазами, с грудным басистым голосом. Не мужик, а огонь! Даже в самые лютые крещенские морозы он прогуливался по единственной улице села в полушубке нараспашку, без шапки и рукавиц.

От него исходила такая молодецкая сила и удаль, что не каждый из местных задир осмеливался даже повысить на него голос. В Масленицу, настоящий, уходящий в глубину многотысячных лет, самый русский зимний праздник, дядя Андрей в обязательном порядке из отцовской конюшни выбирал самых нахрапистых, быстрых на ноги трёх лошадей разной масти, впрягал в сани-розвальни с задней стойкой, украшал их разноцветными лентами, оловым тёмно-зелёным лапником, на днище под ноги бросал охапку душистого сена, рассаживал поудобней молодых — кровь с молоком! — краснощёких девочек и под неугомонный, залиvistый лай уличных собак, словно серебром переливающийся перезвон медных колокольчиков, подвешенных к самой цветасто раскрашенной лентами дуге, с силой упершись ногами в настил и слегка отпустив вожжи, давал такую волю лошадям, что они, хрипя и выдыхая с шумом из лёгких воздух, который на сорокаградусном морозе мгновенно превращался в клубящийся пар, неслись во весь дух, на крутых поворотах раскатывая и ударяя сани о сугробы с такой силой, что молодухи от страха вывалиться в снег визжали, как оглашенные, но счастливые были безмерно!

Густой, белёсый пар от казавшихся дымящимися спин разгорячённых лошадей, несущихся галопом, стлался белёсым шлейфом далеко за санями и, подхваченный ветерком, восходил в поднебесье, где медленно, словно нехотя, таял... От залихватской скорости длинные, густые волосы дяди Андрея, как и конские гривы, развевались на ветру, глаза полыхали солнечным, ядрёным, как крепкий мороз, задором, только что огонь и пламя с силой не вылетали из вздувающихся ноздрей!

Но его жизнелюбивое, большое сердце двадцатилетнего парня пленила не молодуха-красавица, а сорокалетняя вдова, причём с ребёнком. И как его родные ни увещевали отступить от неё, он взял да и женился на своей зазнобе. И так уж любил да миловал, так желал её, что односельчане только диву давались: бывало суровой зимой в домово́й ограде огромные берёзовые чурки час-другой удар за ударом колуна раскалывает на поленья, да вдруг бросит хозяйское дело, как ошпаренный, ворвётся с мороза в избу, подхватит своими здоровенными ручищами, точно птичью пушинку, жену-любовницу да и снесёт на кровать...

Насколько удаётся, пригасит разбушевавшуюся страсть, как огонь обложной дождь, да по новой на улице, с чурками играючи расправляться. Так и работал с перерывами на любовь до позднего вечера! Ох, и завидного же здоровья был человек!

Только недолго пришлось ему пожить счастливо. Вскоре в жизнь каждого советского человека, как ураганный вихрь, сметая всё на своём кровавом пути, ворвалась проклятая война. Одним из первых в селе, уже осенью сорок первого года дядя Андрей был призван в действующую армию и в составе сибирского полка брошен на защиту родной столицы. Но в первом же жестоком бою вражеский снаряд попал ему прямо в грудь и разорвал всё тело на такие мелкие кусочки и разбросал их по всему полю, что собрать их воедино не представлялось никакой возможности. Весной, после зимнего наступления Красной армии, в котором немецкие захватчики были отброшены на сотни километров от Москвы, колхозники при весенней вспашке завалили останки дяди Андрея землёй. Таким образом, его могилой, можно сказать, стало всё большое, усыпанное неисчислимыми осколками снарядов и мин колхозное поле. Не потому ли однажды Анатолий Петрович, словно слыша с небес голос души родного дяди, в одночасье написал, как сам считал, одно из своих лучших стихотворений:

*В небе чёрном гроза прогремит,
тело дрогнет, душа отлетит,
но пойдут и пойдут ковыли
светлой вестью до края земли.
Ты могилы моей не найдёшь,
я повсюду, где поле и рожь,
я под снегом, родная, я здесь,
словно светлая-светлая весть...*

Кладбище, на котором были похоронены дед с бабой и младшая тётя Анюта, возникло почти одновременно со строительством села на опушке разлапистого, густого, вечно зелёного ельника, поднимающегося по пологому склону сопки на самую вершину. Приняв в себя многие десятки переселенцев, оно после войны было закрыто. Когда-то крепкая изгородь со временем пришла в ветхость, во многих местах и вовсе завалилась. Печать запустения и разрушения легла и на скорбные могилы. Невысокие бревенчатые срубы, которыми были обнесены земляные холмики, почернели, покрылись густой зеленоватой замшелостью, а кое-где и вовсе, превратившись в труху, развалились. Православные кресты, хотя и продолжали стоять, но уж как-то неестественно, косо, словно готовые рухнуть. А вот двухскатные навесы, построенные из теса для защиты могил от дождей и снегопадов, хоть и обросли сплошной, вверху мягкой, волнистой, как лесной мох, зелёной плесенью, каким-то чудом продолжали ровно стоять на листовничных столбиках-стойках. Давно уже почти все родственники умерших разъехались по всей стране, поэтому редко на каких могилах, заросших лебедой, пыреем и польнью, терпко пахнущей горечью, лежали свежие цветы. Но, словно всегда для прощания родственников упокоившихся, сердобольная природа летом каждый могильный холмик украшала якутскими розами — саранками со светло-красными, бархатными лепестками, — и не было на тысячи вёрст вокруг красивей этих цветов!..

Родные Анатолия Петровича были похоронены рядом, друг за другом, в самом центре погоста. В глубокой скорби, в кладбищенской тишине, нарушаемой лишь нудным зудом редких жёлтых комаров да хриплым поскрипыванием на ветерке железных, покрывшихся коричневой ржавчиной самодельных венков, он со слезами на глазах возложил на дорогие его сердцу могилы по букету чайных роз и погрузился в тяжёлое, словно гранитная плита, молчание. Ему было в этот день, как никогда, до слёз досадно, что никого: ни деда, ни бабу, ни тётю Анюту он не застал в живых, — не слышал их добрых голосов, не видел их светлых, светящихся к нему нежной любовью лиц.

А повезло бы ему застать их в юном возрасте, когда полным ходом формируется человеческий характер, утверждаются на всю жизнь многие привычки, приоритеты, пристрастия, то сколько же глубоко поучительного, полезного они смогли бы внуку передать, и, глядишь, в этой до предела сложной, порой навзрыд суматошной жизни ему удалось бы избежать многих ошибок, ибо уж кто-кто, а его дед с бабой в свою очередь сформировались как личности ещё во времена степенной, словно разложенной по годам жизни с таким расчётом, чтобы исполнить ещё, ради чего они и появились на свет. Анатолию Петровичу невольно обидно подумалось: “Мы, современные люди, ищем счастье по всему свету, когда оно — бесконечно щедрое, дарующее жажду жить и творить добро во имя добра, — образно говоря, среди дедовских могил... Ох!”

На обратной дороге к ожидавшему в “Ниве” своих молодых родственников Виктору Мария, долго, словно погружившись глубоко в сложные женские мысли, молчаливая, вдруг тихо произнесла:

— Анатолий, ты так вдохновенно, так образно и сильно рассказывал о дяде Андрее, о том, как он необычно погиб, героически защищая нашу столицу от фашистских захватчиков, а о своём отце, которого сильно любишь, с которого стараешься во многих жизненных, особенно тяжёлых ситуациях откровенно брать пример, почему-то даже словом не обмолвился, словно он и не родился в этом селе!

— Точно, не рассказывал! Но не специально, а просто так получилось! Жизнь у него действительно сложилась так необычайно, что не может не захватить человеческое воображение, не восхитить глубоко душу! Ну, хоть самый настоящий роман по ней пиши! За один раз даже малую часть её вряд ли удастся раскрыть! Но если тебя в данный момент больше всего интересует вопрос: “Воевал ли отец?” — то ответу: “Ещё как!..”

— Вот и расскажи, ведь это должно быть так интересно!

— Не интересно, — сказал Анатолий Петрович, — а поучительно! Так слушай!.. Перед самой войной отец выучился на тракториста, но потом, видимо, из-за того, что в его душе вверх над другими чувствами взяла любовь к литературе, закончил якутское педагогическое училище и в качестве преподавателя начальных классов работал в школе... На фронт, как старшего брата, его сразу не взяли... Когда отец пришёл в военкомат с заявлением о призыве в Красную армию, военком сказал: “Сегодня каждый боевой штык на счету, но, как бы тяжело, как бы трагично ни складывалось начало войны, надо думать — я твёрдо уверен в этом! — о ее победном конце. Повоевать ещё успеешь, а пока иди уму-разуму детей учи, да так, чтобы они, словно с молоком матери, глубоко впитывали знания с праведной верой в своё светлое будущее, которого их никакой враг, как бы он коварен и силен ни был, не лишит!” Однако в самом начале сорок третьего года отец был мобилизован и отправлен на фронт рядовым механиком-водителем самоходной артиллерийской установки. На этот счёт он иной раз даже шутил: “Я с детства простого

тележного скрипа боялся, а тут мне доверили управлять железной тридцатитонной машиной, словно гром, грохочущей и, как драконова пасть, извергающей огонь!..” Однако вскоре в бою отец получил тяжёлое ранение и после выписки из госпиталя, скорей всего, потому, что имел профессиональное среднее образование, был направлен в офицерское училище с ускоренной программой обучения. Через три месяца в звании младшего лейтенанта он принял под своё командование миномётный взвод, с которым и дошёл до самого вражеского логова — Берлина! В семейном альбоме до сегодняшних дней сохранилась заметно потемневшая от времени фотография, на которой запечатлён эпизод, где отец углом трофейного портсигара расписывается на стене Рейхстага. За боевые заслуги он был награждён тремя орденами и двумя медалями, в том числе и за взятие Берлина, но более всего он гордился грамотой с факсимильной подписью Сталина. Бережно, словно дорогую сердцу реликвию, он хранил её отдельно от других наград в светло-коричневом большом портмоне, которое держал в запираемом на ключ выдвижном ящике посудного шкафа. Почему он отдавал такое явное предпочтение именно ей? До сих пор понять не могу! Пока жили вместе одной семьёй, всё никак не удосужился его об этом спросить, а теперь лишь строю догадки, что, видать, как отца родного, он уважал Верховного главнокомандующего! Хотя, мне кажется, отец должен был на него, по крайней мере, таить глубокую обиду, словно душевная рана, больно саднящую и саднящую!

— Почему ты так считаешь?! — перебила мужа Мария.

Анатолий Петрович ответил не сразу, сначала довольно долго молчал, словно решал для себя очень сложную задачу со многими неизвестными, морща высокий лоб, сдвигая к самой переносице широкие брови, сжимая и разжимая тонкие волевые губы, наконец, вздохнув всей грудью, вновь медленно, взвешивая каждое слово, заговорил:

— После войны отец ещё год прослужил в войсках, находившихся в Германии, может быть, и вообще до полной выслуги не уволился бы в запас, ибо от природы имел сильную волю, обладал командирскими способностями — качествами, крайне необходимыми для успешной воинской службы! Но судьба распорядилась иначе... По натуре будучи человеком романтичным, отец решился на связь с одной симпатичной немкой, что в то суровое время было непозволительно для советского офицера. Не знаю, на каком языке они друг другу объяснялись в любви, только отец потерял бдительность, и о его связи стало известно начальству, которое, от греха подальше, в срочном порядке издало приказ об отцовской демобилизации. Вернувшись в родные Кильдямыцы, он почему-то не продолжил свою профессиональную преподавательскую деятельность, а устроился продавцом в магазин смешанных товаров. Вскоре по всей стране власти провели денежную реформу. И надо же было так случиться, что на следующий день после её окончания, когда уже старые деньги не действовали, а новые ещё не были в нужном объёме запущены в оборот, к отцу в магазин пришёл его старый боевой товарищ и слезно попросил за старые рубли продать хотя бы немного спирта. Отец пошёл другу навстречу, всерьёз не обдумав всех возможных последствий! А они словно только и ждали, когда он, выражаясь его языком, даст маху! И он дал, да такого, который и в страшном сне в доброе время вряд ли приснится... Представляешь, всего за бутылку спирта, неверно проданную, его судили в мирное время, несмотря на все ранения и многочисленные награды, словно по самому что ни на есть закону военных лет, в результате чего он получил четыре года колонии строгого режима, которые отсидел “от звонка до звонка”. Почему-то именно зимой, когда мороз с каждым днём только крепчал и крепчал, заключённых ежедневно гоняли за пятнадцать километров на якутские городские стройки выполнять самую тяжёлую работу: копать вручную при помощи лома и лопаты ямы глубиной не менее восьми метров под сваи в вечной мерзлоте. Копать — мягко сказано, а на самом деле долбить грунт, по крепости ничуть не уступающий граниту! Однако за выполнение нормы в один кубометр выдавали хлебную пайку всего четыреста граммов, а в случае невыполнения — лишь двести! Отец, хотя от природы был очень жилистый, в первый день, как ни старался до темноты в глазах орудовать и орудовать тяжёлым ломом, едва выполнил норму, при этом так сильно устал, что лишь благодаря стальной воле преодолел обратный путь в колонию. На нарах кое-как придя в себя, горестно подумал: “Если враги на фронте не смогли добить, то свои это сделают запросто непомерно тяжёлым трудом, который из-за хронического недоедания с каждым днём будет становиться самым что ни на есть каторжным!.. Обидно!” Надо было срочно что-то предпринимать. На отцовское счастье, вскоре его прямо на стройке навесил старший брат Алексей, занимавший ответственную должность в городском военкомате. Посмотрел участливо, как уродуются заключённые, и на завтра принёс отцу хорошо оттянутое, крепко насаженное на удобную ручку кайло. Оно оказалось таким подходящим для разработки мерзлого грунта, что моему родителю удалось к концу смены выполнить аж две нормы! Удвоенная пайка

позволила к весне вконец не ослабнуть организму, и отец назвал судьбу не лёг костыми вместе со многими братьями по несчастью в суровую тюремную могилу. Казалось бы, любой человек, переживший сполна жестокую несправедливость, должен озлобиться на всех и вся, но отец, наоборот, стал ещё теплее и человечнее относиться к людям, за это они воздавали ему заслуженным уважением. Когда я, оставшись наедине с собой, напряжённо думаю о нём, то постоянно задаюсь одним и тем же вопросом: откуда же мой дорогой отец, трижды тяжело раненный, дважды контуженный, заболевший на фронте от сырости, холода и окопных лишений неизлечимым недугом — полиартритом, можно сказать, инвалид, черпал и продолжает черпать силы для вдохновенной, до самых краёв наполненной жизни?! И всегда прихожу к одному и тому же неизменному ответу: в любви ко всему живому!..

— А не кажется тебе, — вдруг снова прервала мужа Мария, — что если бы отца за связь с немкой по всей строгости наказали, то он впредь в серьёзных жизненных ситуациях вёл бы себя осторожней!

— Наказали, говоришь! — вспыхнул Анатолий Петрович, — Но как? Разжаловали бы в рядовые или, того хуже, судили военным трибуналом? Но тут возникает вопрос: за что?! Уж не за любовь ли? Выходит, именно за неё, ибо она целиком завладела отцовским сердцем. Об этом говорит хотя бы тот факт, что он на свидание со своей избранницей он ездил на простом велосипеде за сорок с лишним километров в другой город, да так часто, что когда в берлинском гарнизоне среди офицерского состава проводилось соревнование, то отец настолько оказался натренирован, что с большим преимуществом, как профессиональный велосипедист, на зависть любителям музыки выиграл главный приз — великолепный трофейный, самый настоящий аккордеон! И не надо отбрасывать и второй серьёзный факт, что отец не мог не дорожить своей офицерской честью, не бояться ответственности за нарушение установленного военной командатурой порядка, чётко дающего понять, как именно, пусть и в послевоенное, но всё же режимное время вести себя военнослужащим по отношению к населению территории бывшего врага! И всё же он не поступился своим чувством и продолжал горячо любить!..

Нет, моя дорогая, что ни говори, но тогдашнее военное начальство в полной мере знало цену боевым наградам, уважительно относилось к их обладателям! А в северной глубинке прокурорский работник, который утверждал обвинительное, извини, “бутылочное” представление в суд, видать, не то что капли крови не пролил за своё Отечество, но даже и пороха-то не нюхал! Вот он в печальных традициях проклятого тридцать седьмого года, навсегда оставшегося в истории нашей страны одним из самых трагичных периодов, и руководствовался, а, говоря точнее, нагло “шил” дело... Не исключаю, что он ещё подло и мерзко действовал из-за самой банальной зависти, которую вызывали отцовские боевые ордена! Я хорошо знаю людей этой юридической породы! Они на всё пойдут, в том числе и на самое гнусное преступление, чтобы оправдать свою полную никчёмность и бездарность!

Анатолий Петрович, выговорившись, замолчал... Но глаза его продолжали полыхать гневным огнём, словно он сам только что вышел из атаки, в которой потерял лучшего друга. Мария почувствовала себя не то, чтобы виноватой перед ним за свой поспешный вывод, но точно и сполна понимающей, насколько ему сильно у мужа развито чувство справедливости. Она обрадовалась этому, но ни словом не выразила своего восхищения, а лишь плотней прижалась к его крепкому плечу.

Между тем время стремительно несло, надвигались сумерки. Дневное светило, почти полностью закатившееся за поросшие густым сосняком низкорослые сопки, напоследок лишь торопилось облизывать своими огневыми пламенными языками небесный окоём, из чисто синего неумолимо обращавшийся в тёмно-фиолетовый... Как ни хотелось Анатолию Петровичу хотя бы на день продлить командировку, жизнь сурово требовала от него скорейшего возвращения к директорским обязанностям. Конечно, её можно было и послушаться, но это могло запросто означать, что ради быстрой памяти прошлого, каким бы дорогим оно ни было, он по своей воле отказался бы не только от вдохновенного настоящего, но и, скорей всего, и от солнечного будущего, поскольку они между собой, словно ребёнок пуповиной с матерью, накрепко связаны, и одно неоспоримо вытекает из другого!

Ленская земля встретила пассажиров, прилетевших из Якутска, полуденным, ярко горящим в высоком светло-синем небе, словно вдавленным глубоко вовнутрь вселенной золотисто-оранжевым солнцем и, как бы в противоположность ему, порывистым,

сильно дующим с севера, посвистывающим в кронах деревьев ветром. Он поднимал на свои невидимые, но сильные, упругие крылья сухой песок со взлётно-посадочной полосы и, словно штопор, неудержимо вкручивал его в солнечную высь, а на открытых головах пассажиров, как огромной пятернёй, ерошил волосы, трепал и путал их. У женщин — вот проказник! — так задирали подола цветастых платьев, что высоко оголялись ноги, и они, невольно согнувшись, стыдливо поглядывая на мужчин, пытались прижать к коленкам вырывавшиеся из рук непослушные юбки.

Едва замолкли авиационные турбины, как в установившейся тишине стал явственно слышен шелест густой листвы раскидистых молодых берёз, тополей и лип, растущих в палисаднике здания аэровокзала. В беспокойном воздухе, насквозь пропахшем керосином и выхлопными газами, кружились редкие, до срока пожелтевшие листья деревьев, слегка напоминающие бабочек, слетающихся на яркий свет таёжного костра. У выхода на привокзальную площадь сгрудилась разношерстная толпа встречающих, причём последние бесцеремонно подпирали первых, нетерпеливо толкая их локтями, но они были так охвачены радостью встречи с родными или знакомыми, что не обращали на это серьёзного внимания.

Анатолий Петрович с Марией, не без труда протиснувшись через многолюдье, увидели на автомобильной стоянке совхозный “уазик” и стоящего рядом с ним водителя Петра с поднятой вверх рукой, которой он словно бы говорил: “Я здесь!” Подойдя к машине, Анатолий Петрович крепко пожал ему жилистую руку, а Мария приветливо кивнула головой. Без суеты, но быстро они заняли в салоне свои места.

— Ну что — домой? Или будем заезжать в сельскохозяйственное управление? — привычно вежливо спросил директора Пётр.

— Домой! — услышал в ответ.

И, заведя двигатель и включив первую скорость, вырулил на трассу. Тотчас яркий солнечный свет ослепительно ударил в глаза Анатолию Петровичу, и он, недовольно поморщившись, опустил до конца защитный козырёк. Город проехали по объездной дороге, проходившей по водозащитной от весеннего паводка дамбе и, миновав пункт ГАИ, стали преодолевать крутой километровый подъём, не зря носивший якутское название “Шаман”. Двигатель натужно, монотонно, словно жалуясь на машинную долю, загудел, скорость упала. Однако едва въехали на вершину, как дорога пошла ровно, и за стёклами снова замелькали, словно кадры длинной киноленты, могучие, ветвистые сосны с медными, золотящимися в солнечных лучах стволами, от которых поперёк дорожного полотна ложились длинные, языкастые фиолетовые тени.

— Пётр, теперь, когда встречных машин почти не попадается, можно и поговорить! — наконец нарушил молчание Анатолий Петрович.

— Вот и хорошо! А то я было уже начал думать, что у вас в Якутске что-то недоброе случилось — всё молчите да молчите...

— Специально это делал, чтобы не отвлекать тебя на участке интенсивного движения. Или за всего-то три дня ты умудрился забыть о настоящей просьбе Марии вести машину как можно осторожней?

— Как же забыл? Помню!

— Молодец! И можешь меня поздравить с назначением директором совхоза по всем статьям и с соблюдением всех дежурных формальностей!

— Поздравляю! А в районном управлении, да и в нашей совхозной конторе тоже никто и не сомневался в этом! Поэтому кое-кому из главных специалистов сейчас, думаю, ох, как нехорошо!

— Ты мне об одном расскажи — о новом главном агрономе!

— Кокорышкиной, что ли?

— О ней самой!

— Думаю, вы будете ею довольны! Старается! На главного инженера, можно сказать, как хорошая наездница на сноровистую лошадь, верхом села и погоняет, и погоняет!.. Всё ей кажется, что ремонтные работы по подготовке техники к уборочной идут слишком уж медленно! А вообще то, что ваш выбор пал на неё, вызвало у старожилов недоумение!

— Это почему же?

— Так ведь ещё до образования совхоза, когда ваш отец работал управляющим, она считалась одним из самых активных его противников, если не сказать жёстче — врагов! Да вы и сами об этом должны знать!

— Знаю, только по слухам! Значит, не имею никакого морального права ставить ей прошлое в вину, а тем более — мстить, хотя бы потому, что, во-первых, верно не ведаю о всех причинах их серьёзных, неважно, общественных или производственных разногласий; во-вторых, не зря же в народе говорят: “Кто старое вспомнит, тому глаз вон!..”

— Но, Анатолий Петрович, у этой известной поговорки есть и более суровое продолжение: “...А тому, кто забудет, — два!”

— Да я помню, помню о нём! Но не буду придавать этому никакого значения до тех пор, пока на её отношении к порученному делу сам лично не смогу убедиться в халатности или даже в подлости! Руководить, Пётр, это тебе не дрова рубить!.. В таком архисложном деле для успеха нужна не физическая сила, а, прежде всего, умственная, да ещё и нравственная! Объявить выговор или даже уволить работника — много ума не надо, а вот зажечь, в первую очередь, сердца своих ближайших помощников необходимостью решения общего дела — даже и не знаю, сколько! Но твёрдо уверен, много, очень много!

Так за неспешным разговором и одолели за два часа с небольшим весь таёжный, проложенный по лесистым сопкам да мшистым марям и через сбегающие с верховий речки нелёгкий путь. В посёлок въехали в постепенно сгущающихся, всё ещё светлосиних сумерках, но уже вполне достаточных для того, чтобы рано включённый свет в окнах домов был виден отчётливо, как на ладони. Всю дорогу Анатолий Петрович поглядывал на Марию, которая, утомлённая перелётом, даже от сравнительно ровной езды быстро укачалась и, положив голову на сумку, сладко то ли дремала, то ли в полной мере спала. Её красивое лицо было расслаблено, губы слегка приоткрыты, длинные ресницы чёрной тенью лежали на бархатной коже гладких, лишь слегка тронутых румянцем щек. От неожиданно раздавшегося свистящего скрипа тормозных колодок она открыла глаза, протёрла их и слегка заторможенно спросила:

— Уже приехали?

— Приехали, дорогая, приехали! — живо ответил Анатолий Петрович и вежливо предложил: — Мария, ты пока одна заходи в дом, а я приду через минуточку-другую, нам с Петром ещё немного наедине, так сказать, с глазу на глаз, поговорить кое о чём очень важно надо! Хорошо?

— Ну, конечно! Только сумку не забудь!..

И, пожелав водителю всего хорошего, она вышла из салона.

— Так что ты так порывался мне сказать, когда из Нью Йёрк вез в аэропорт? — тотчас спросил водителя Анатолий Петрович.

— А то самое, — словно шибко ждал этого вопроса, быстро заговорил водитель. — Что, как шила в мешке не утаишь, так и в нашем небольшом водительском коллективе рано или поздно, но любая тайна вскрывается! Ваш давнишний недоброжелатель Сергей Мордосов совсем недавно по пьянке проболтался, что это он по просьбе бывшего главного агронома совхоза Хохлова гайки на переднем колесе ослабил! Представляете, какой колючий мерзавец! Я, как узнал о его преступном поступке, так сразу же и хотел ему по морде хорошенько съездить, да ведь слово вам дал — никаких действий до вашей команды самостоятельно не предпринимать!

— И совершенно верно поступил! Молодец! И впредь продолжай делать вид, что тебе ничего не известно!.. Знаешь, как говорится: сколько верёвочке ни виться, а конец ей непременно будет!

— Слово даёте?!

— Даю! Даже два!

Несмотря на то, что Анатолий Петрович, как обычно, лёг в постель поздно, долго не мог заснуть... Сообщение водителя не застало его врасплох, но он был, скорей всего, склонен грешить на Бахтина, ведь пойти на крайние меры мог только человек, вконец отчаявшийся в достижении очень важной жизненной цели. Этим для главного зоотехника могло стать назначение директором уже в который раз не его, а другого, тем более, что он первыми шагами в своей деятельности заявил о своем желании работать в совхозе столько, сколько посчитает для себя нужным. Но надо же! На проверку оказалось, что именно Хохлов решился встать на очень скользкий и опасный путь. Оправдать это тем, что он, семьянин, отец пятилетней дочки, получив по морде, затаил в душе страшную злобу, было бы делом неверным. Тем не менее, он, а не кто другой из директорских завистников переступил разумную, по крайней мере, поддающуюся объяснению черту... Значит, у него появилось какое-то более серьёзное основание, возникла более важная причина... А вот какая именно? На этот, в первую очередь, сложный психологически вопрос Анатолий Петрович, сколько ни думал, ни гадал, ответа не находил... И чтобы, наконец, уснуть, прибегнул к испытанному средству: в душе усилием воли положился на время, которое, как известно, все расставляет по местам, всему даёт и верный ответ, и верное обоснование к нему.

Утром, встав с первыми лучами рассвета, Анатолий Петрович отправился на работу с таким расчётом, чтобы до планёрки проведать капустное поле — уж очень ему хотелось собственными глазами поскорей убедиться, насколько продвинулась в своём

росте капусты. За ночь небо затянули волглые, тёмные тучи, подсвеченные снизу красно-золотистыми лучами солнца. Едва Анатолий Петрович ступил на тропинку, ведущую через лес к полю, как тотчас вокруг него залетали, занудили комары, так и норвя впитыва в открытые участки тела. Отломив от куста можжевельника ветку, Анатолий Петрович стал ею отбиваться от гнуса, всё ускоряя и ускоряя шаг.

Капустное поле открылось его взгляду враз и полностью. Несколько гусеничных тракторов с подвесными дождевальными установками, только что закончив ночной полив, мирно урча, как сонные коты, выезжали с него в сторону темнеющего вдали гаража. В свежем воздухе, не успев осесть, висела влажная взвесь. Проходя через неё, солнечные лучи переламывались, и от одного края до другого над полем перекинулась яркая радуга, восхищая своей красотой взгляд, весело радуя душу. Но сполна счастливым человеком Анатолий Петрович почувствовал себя, видя, что листовой аппарат капусты, буйно разросшись, сомкнулся, — и теперь все поле представляло собой одно сплошное светло-зелёное море, которое от серебряного сияния капель утренней росы и ночного полива казалось жемчужным. Ну, совсем не верилось, что всего какой-то месяц назад от взгляда на заросшую сорняками капусту сердце болезненно сжималось, и, конечно же, умирала всякая надежда на хоть какой-нибудь урожай!

И всё-таки директорскую душу тревожило опасение: хватит ли оставшегося до уборки времени, чтобы начавшиеся формироваться кочаны налились в полную силу. Что ни говори, но минимум на две недели рост капусты из-за сорняков был приостановлен, а время первых сильных морозов и снегопадов не отодвинуть. “Единственный выход, — думал Анатолий Петрович, — в сложившейся ситуации — это максимально сжать сроки рубки, чтобы начать уборку как можно позже и тем самым сполна выдержать вегетационный период созревания кочанов. В общем, снова идти пусть на оправданный, но риск. А что — и пойду! Надо только умудриться свою первую уборочную провести на необычайно высоком организационном уровне. Но как это сделать? Вопрос, ответа на который пока нет, ведь я, образно говоря, стою перед широкой рекой, которую необходимо успешно форсировать, но мне, к великому сожалению, пока неизвестны места нахождения мостов и бродов!..”

В рабочий кабинет Анатолий Петрович вошёл за целых полчаса до планёрки. Этого времени ему с лихвой хватило, чтобы понять по ежедневным сводкам, отмечаемым секретарём на ватмане, лежавшем прямо на директорском столе, что заготовка грубых и сочных кормов не только вошла в плановый график, но даже перекрывала его. Как только специалисты заняли свои места, он, тепло ответив на их приветствия, поблагодарил нового главного агронома за достойное начало деятельности, в результате которой силы и финансовые средства, затраченные на прополку капусты, не пропали даром, а сенозаготовка вошла в ту фазу, при которой возможно лишь дальнейшее увеличение темпов, и значит, в настоящее время необходимо всем специалистам, ответственным за растениеводство, сосредоточиться на подготовке к проведению уборочной кампании. После этого он, к удивлению многих из присутствующих на планёрке своих заместителей, сделал откровенное заявление:

— Уважаемые коллеги! Я, понимая всю сложность столь важного производственного мероприятия, должен сказать, что предстоящая уборочная для меня является первой, значит, в отличие от вас, я, честно говоря, необходимого опыта организации и проведения её не имею! Поэтому прошу всех, в чьи обязанности входит определённая мера ответственности решения уборочных вопросов, в течение двух дней подготовить подробный — вплоть до почасовой деятельности! — письменный план их решения! На следующей планёрке-совещании мы, основываясь на них, составим единый общесовхозный план с таким расчётом, чтобы во время уборки никаких неожиданных срывов не допустить! Тем не менее, я осмелюсь указать на необходимость, в первую очередь, внимание уделить подготовке помещений к приёму и размещению рабочей силы из городских организаций и учебных заведений, а также ремонту всей уборочной техники, от копалок до сортировочных пунктов! Какие-нибудь вопросы, предложения в связи со сказанным мной у присутствующих товарищей есть?

— А как же, Анатолий Петрович! — тотчас негромко, но весьма уверенно отозвался главный инженер Слущкий.

— Слушаю вас, Валерий Николаевич!

— Поскольку моё сугубо деловое предложение займёт немало времени и требует только вашего решения, то, чтобы не задерживать всех специалистов, я бы хотел высказать его вам в рабочем режиме!

— Хорошо! На этом короткое, — время не терпит! — совещание объявляю законченным! Желаю всем успешной работы над уборочными планами! И не забудьте, что установленного мной срока на её успешное выполнение больше, чем достаточно!

Главный инженер Слуцкий был родом из степного города Сальска. В нём и высшее техническое образование получил, и семьёй обзавёлся. И, может быть, до сих пор, как говорится, жил-поживал бы да добра наживал, но когда единственная дочь Вера пошла в пятый класс, завязался у него служебный роман с молодой особой. Вскоре жена прознала об этом и поставила вопрос ребром: или развод, или переезд подальше от ненавистной искустельницы. Поскольку Валерий Николаевич очень любил дочку, то ради сохранения семьи согласился на второе. Сначала они обосновались в одном подсобном сельском хозяйстве где-то под Иркутском, но то ли у него, то ли у жены, имевшей экономическое образование, на новом месте с работой не заладилось, только Слуцкие перебрались вниз по течению величественной Лены аж на целую тысячу километров на север, в недавно образованный совхоз.

Это по времени совпало с переводом Анатолия Петровича в город на должность председателя районного объединения “Сельхозхимия”, но Валерий Николаевич, мужчина сорока с небольшим лет, ниже среднего роста, сухощавый, с тёмными волосами, со спокойным, исполненным мудрости глубоким взглядом карих глаз, хорошо ему запомнился, тем более, что из других главных специалистов Слуцкий с самого начала работы выделялся взвешенностью и глубокой трезвостью суждений, самостоятельностью решений, готовностью отвечать за неудачи — в общем и в частности, вполне обоснованно знал себе цену и в полной мере соответствовал занимаемой им технической должности.

Когда Анатолий Петрович остался с ним в кабинете один, то более внимательно, чем прежде, посмотрел в его умные глаза:

— Я слушаю вас, Валерий Николаевич!

— Спасибо! Предложение моё заключается в создании на постоянной основе механизированной бригады, состоящей из токаря, сварщика и слесаря высокого разряда, с целью механизации целого ряда трудоёмких процессов, к примеру, связанных с уборкой и обработкой капусты!

— Интересно! А за счёт чего?

— Изготовления за многие годы добровольного изобретательства сконструированных лично мной разнообразных машин, приспособлений, аппаратов, конвейеров и агрегатов!

— Даже так! Здорово! Только где же вы раньше-то были? Почему до сих пор ни в одной отрасли не внедрили свои изобретения?

— Потому что вашему предшественнику они оказались неинтересны!

— Понятно! Но осуждать его не будем! А лучше вы, Валерий Николаевич, объясните-ка мне подробно суть механизации уборки капусты, поскольку, должен сказать, что сегодня утром я сам задавался вопросом: каким же образом максимально ускорить рубку этой очень важной для совхоза в финансовом плане культуры? — говоря это, Анатолий Петрович имел в виду, что взятый в банке кредит под будущей урожай капусты надо будет уже этой осенью, чтобы избежать лишней выплаты, набежавшей за штрафные проценты, безотлагательно гасить!

— Охотно! — сказал главный инженер. — Из имеющихся у нас ленточных транспортеров и приёмного бункера с помощью сварки построим разделочный конвейер. Посадим по обе его стороны два десятка женщин с топориками, чтобы они двигаясь по ленте кочаны капусты, очистив от листового аппарата, перекладывали на параллельную, с которой они и будут сыпаться в подвешенные на кронштейны мешки, который, в свою очередь, по мере их наполнения мужчины будут заменять на новые. А уже затаренные при помощи железной иглы и зашитые шпагатом мешки складировать под навесом. А капустный лист можно, опять же при помощи транспортера, загружать на телегу, а лучше установить конвейер напротив силосной траншеи — и пусть он сразу закладывается на зиму в качестве высококаратинного корма для коров.

Непосредственно в поле капусту надо будет только срубить и загружать на самосвальный транспорт, безостановочно двигающийся по полю, тем самым как бы заставляющий ещё активней, с большей отдачей работать полеводов! А для того, чтобы уборку можно было продолжать и в самую дождливую погоду, необходимо построить из обыкновенного необрезного теса, а можно даже и из горбыля ещё один сарай-навес непосредственно над нашим рукотворным конвейером! Это, конечно, тоже финансовые затраты, но такие небольшие, что вряд ли сильно скажутся на повышении себестоимости выращивания капусты. По скромным подсчётам, с внедрением моего изобретения производительность уборки капусты увеличится минимум в три раза! Но это только первый шаг, так сказать, на скорую руку. На следующий год, если получится, произвести планировку всех занятых под капустой пашен, то можно будет совершить и второй — запустить вот уже несколько лет подряд стоящие без дела, такие дорогостоящие уборочные комбайны!

— Ладно, мечтать не вредно! Но слово даю, что в случае успеха первого шага, второй обязательно сделаем! Только честно ответь: до уборочной успеешь претворить в жизнь своё изобретение?

— При условии срочного создания бригады и гарантированного финансирования всего объёма технических работ — в полной мере!

— Тогда готовь соответствующий приказ, но прежде чем принесёшь мне его на подпись, согласуй его с главным экономистом!

— Спасибо за понимание, Анатолий Петрович! Можно идти?

— Подожди! Я хочу с тобой обсудить ещё один важный вопрос! И, возможно, тут же принять по нему конкретное решение!

— Слушаю вас! — сказал Слуцкий и, было уже вставший, чтобы идти, снова сел, устремив на директора пытливый взгляд.

— Успех уборки до заморозков картофеля на девяносто процентов зависит от ритмичной работы комбайнов. На этой неделе мы должны в “Сельхозтехнике” получить по министерской разрядке несколько новых. Я недавно их смотрел и убедился, что за последние десять с лишним лет они не претерпели хоть какого-нибудь усовершенствования, между тем некоторые агрегаты и узлы требуют усиления, которое, к счастью, возможно произвести даже в наших, не Бог весть каких мастерских.

— Анатолий Петрович! — вежливо, с живым интересом перебил директора главный инженер. — А спросить вас можно?

— Можно! Но в следующий раз прошу тебя набраться необходимого терпения и, прежде чем говорить самому, сначала выслушать до конца своего непосредственно-го начальника! Договорились?

— Конечно! И, пожалуйста, извините! Я поторопил события от искреннего удивления, что вы, по образованию строитель, а в сельскохозяйственной технике разбираетесь детально! Откуда это у вас?

— Вы что, с управляющим Беченчинского отделения сговорились? Сначала он был немало удивлён моими агрохимическими знаниями, теперь вот ты — техническими! Но можешь не отвечать! Дело в том, что я свою трудовую деятельность на постоянной основе начал сразу после окончания школы-десятилетки. В тот же год осенью семнадцатилетним парнем на период уборки картофеля был назначен машинистом комбайна, понятно — устаревшей модели, довольно изношенного. Опыта работы на нём я совершенно не имел! Набираться его пришлось через ремонт агрегатов, который на наших полях, отвоеванных у вековой тайги, и значит, изобиловавших палками, сучьями и корягами, случался каждый день да через день! Но поскольку я по характеру — максималист, то мне страшно хотелось за каждую смену не только выполнить установленную плановым отделом норму попки, но и значительно перевыполнить её! Скажем, убрать картофеля с площади не полтора гектаров, а хотя бы с двух! Если поломка комбайна происходила в конце рабочего дня и была мне под силу, то я просил тракториста оставить его на ночь у моего дома. Не переодевшись, на скорую руку ужинал и в уже стусившихся до непроглядности густых вечерних сумерках приступал к ремонту того или другого вышедшего из строя агрегата. За неимением электрической переноски для освещения использовал обыкновенную восковую свечку, вялое пламя которой от моего неосторожного движения или порыва ветра часто гасло, но я упрямо вновь и вновь чиркал спичками, зажигал её. Исправив поломку, с целью предотвращения выхода из строя другой детали я производил перетяжку всех гаек и болтов, при помощи которых к основной раме крепились механизмы, приводящие в движение агрегаты комбайна, смазывал солидолом цепи, в общем — работал, не считаясь с временем, до осознания, что по максимуму сделал всё, что знал, до чего смог дойти своими мозгами. Да, я сильно уставал, часто недосыпал, зато к концу уборочной досконально изучил комбайн, знал, как свои пять пальцев, все его слабые и сильные стороны! Это позволило на следующий год, проведя заранее в мастерских весь комплекс работ по усилению и регулировке наиболее часто выходявших из строя агрегатов, убирать в смену по три и даже четыре нормы! Короче, стал ходить в передовиках!.. На пороге уборочной этого года я и подумал, что было бы неплохо на базе наших мастерских организовать и провести недельные курсы по изучению эксплуатации и ремонту комбайнов не только для механиков отделений, но и для машинистов. Это настолько важно, что я готов был сам прочитать несколько лекций и даже провести два-три практических занятия. Что вы так снова удивлённо на меня смотрите? Думаете, где я возьму время или будет ли мне, директору, удобно принять на себя ещё и функции обыкновенного технического преподавателя? Пусть это вас совсем не волнует, ибо авторитет руководителя как раз формируется большей частью личным доверительным общением с рабочим людом!

— Коли так считаете, то я сегодня же подготовлю обстоятельный приказ и о создании ускоренных курсов механизации!

— Вот и добро!

И Анатолий Петрович уже хотел отпустить главного инженера, но почему-то вдруг задумался, словно что-то важное в разговоре упустил, но всё никак не мог вспомнить, что именно, и потому молчал. Наконец, глаза его вспыхнули, и он, как о деле давно решённом, твёрдо произнёс:

— Ты вот ещё хорошенько поломай голову над тем, как нам сразу же после окончания уборочной и постановки скота на зимнее содержание организовать при нашем управлении курсы трактористов. Чего мы будем и дальше молодых ребят весьма длительное время отрывать от семьи для учёбы в городской школе механизации, организованной на базе “Сельхозтехники”, платя при этом немалые деньги! В число опытных преподавателей по устройству и работе дизеля, как в случае с картофелеуборочными комбайнами, можешь смело включить и своего директора! Не улыбайся так скептически, словно я без дела шучу!.. А между тем, я говорю на самом полном серьёзе! И надеюсь, что в моих технических знаниях ты, уважаемый Валерий Николаевич, и в этот раз ни на йоту не разочаруешься. Одним словом, не подведу! Чтобы не быть голословным, расскажу тебе одну поучительную историю... Слушай... Лет двенадцать назад, совсем безусым парнем я после окончания школы механизации, тогда она действовала при совхозе “Ленский”, к своему неописуемому восторгу, получил колёсный трактор “Беларусь-80”. Был он старый, но его прежний хозяин, кстати, родной брат моей первой жены Владимир Никитин, невысокий, но коренастый, с крепкими руками, с рыжей чёлкой на светлом лбу, любитель задорных разговоров, но главное — прирождённый технар, содержал его настолько ответственно, я бы даже сказал, с любовью, что стальной конь хоть порой и хромал то на одну, то на другую ногу, но борозды не портил... Жизнь моя так сложилась, что я женился рано и к тому времени уже был отцом сынишки-голопуза! Не без профсоюзной помощи, о чём говорю прямо, получил более просторную квартиру аж в целых двадцать пять квадратных метров! По сравнению с предыдущей однокомнатной, где с трудом вмещались обеденный стол и раскладной диван, она казалась царскими палатами! Конечно, от свалившегося на мою молодую семью счастья я был на седьмом небе! Но так называемая квартира оказалась в прямом смысле без окон и дверей, внутри совершенно не отделана. Ждать, когда совхоз удосужится ликвидировать недоделки, можно было и месяц, и год, а переехать в новое жильё очень уж хотелось! В результате всего этого я по собственной воле оказался в сильной финансовой нужде, из которой надо было как можно скорее выбираться, чтобы начать жить на радость семье и в своё полное отцовское удовольствие! Вот я и решил с целью заработать как можно больше рублей делать в день на вывозке дров с лесной деляны, согласно разрядке, не два рейса, а четыре, а если удастся, то и пять! Себе в грузчики взял молодого, как и я сам, парня Семёна Красноштанова, эвенка, высокого, широкоплечего, с длинными руками, напоминавшими крабовые клешни, не то чтобы жадного до работы, но очень исполнительного! А командовать я уже в то время был горазд, и, может быть, мог бы и всем гаражом заведовать, да, как говорится, бодливой корове Бог рогов не дал... Ну, да ладно, пошли дальше... Поначалу всё шло хорошо: трактор исправно работал, установленный мной самому себе план успешно выполнялся. Но однажды, уже ближе к позднему вечеру, возвращаясь из леса с прицепной телегой, доверху груженной дровами, на затяжном подъёме температура в двигателе резко пошла вверх! Потом из горловины радиатора вместе с пробкой и паром вылетела разогретая до кипятка вода охлаждения! Я со всей силы нажал на тормоза, ибо смог мгновенно оценить печально сложившуюся обстановку, которая требовала немедленно заглушить двигатель. Что я и сделал и тяжело вздохнул, но переживай, не переживай, а факт перегрева двигателя был очевиден... “Ладно, — подумал я, — при помощи паяльной лампы, которую зимой на всякий пожарный случай возил с собой, растоплю снега, полученную таким способом в нужном объёме воду в радиатор залью, но вот вопрос: не заклинило ли напрочь дизель!” Чтобы ответить на него, я нехотя вылез из тёплой кабины на мороз. Он с наступлением поздних сумерек только усилился, то и дело в таёжной, вязкой, как трясина, от сильной стужи тишине раздавался хлесткий треск, очень похожий на винтовочные выстрелы, — это лопались у деревьев волокна... Перемороженный, отчего ставший мелким, словно пыль, снег, хотя и укатанный, под ногами глухо хрустел, как разросшийся капустный лист. Натянув поглубже на голову шапку-ушанку, я с опаской откинул пошитый из плотной парусины и утеплённый технической ватой замасленный капот и рукой осторожно за маховик “пускатча” решил проверить поршни в цилиндрах. К моей неописуемой радости, они тяжело, но сдвинулись!..

— Семён! — крикнул я, — Давай скорей набирай в вёдра из-под солярки побольше снега, а я тем временем лампу разожгу!

— Разве сможем ехать?! — радостно спросил он.

— Думаю, да! Только пошевеливайся!

Где-то через час я после разгрузки дров загнал трактор в свой бокс, но перед тем, как пойти домой отдохнуть, да и есть страшно хотелось, ведь уже больше шести часов маковой росинки во рту не было, решил, чтобышний раз не тревожиться, проверить верность предположения, всю дорогу не дававшего мне покоя. Я думал, что во время перегрева двигателя уплотнительные резиновые кольца могли потерять свою эластичность, тугость, и вода, просачиваясь между ними и гильзами, пошла в картер! Затаив дыхание, вынул мерочный щуп — и ахнул!.. Ибо он показывал аж два уровня!.. Я тотчас отвернул спускную заглушку, и вода, поскольку она тяжелее масла, упругой струёй хлынула на цементный пол! Всё это, к ужасу моему, означало, что запланированная на завтра недельная командировка в Жербу для закладки речного льда в подвалы, в котрых на летнике доярки с помощью скотников обычно охлаждали перед отправкой по реке в город на переработку в сметану парное молоко, на грани срыва! А значит, мне предстояло и самому опозориться перед старшими коллегами, и страшно подвести отца, тогда возглавлявшего отделение совхоза! Этого допустить я, ну хоть убей, не мог! Но одно дело — сохранение чести, какой-никакой, но репутации, а совсем другое, образно говоря, выйти из воды и не замочить ног! Выход был один: за ночь успеть к утренней разрядке перебрать весь двигатель, заменить уплотнительные кольца, которые ещё надо было где-то достать! Я вспомнил: мой природный технарь, дорогой родственник Владимир столько всяких запасных частей по случаю натаскал домой, что их вполне хватило бы на сборку целого трактора! Тотчас побежал к нему, он ещё вовсю бодрствовал, поэтому, поняв меня с полуслова, не только одолжил мне нужный позарез комплект уплотнительных колец, но ещё и вызвался помочь с ремонтом! Семёна, ничего не смыслившего в технике, я отпустил домой, а мы с Владимиром, всего за десять часов напряжённого труда, словно каким-то чудом, справились с таким большим объёмом работ, на который обычно по всем нормам выделялось от пяти до десяти дней, и не в гаражных условиях, а в цеховых, оборудованных всеми необходимыми приспособлениями, агрегатами, намного облегчающими и ускоряющими капитальный ремонт... Таким образом, каждая гайка, каждый болт, каждая деталь, от поддона до головки блока дизеля прошла через мои руки. Мною вкрученные, отрегулированные, они для меня стали той практической школой, которая только и даёт истинные технические навыки, глубокие знания, без которых в наших северных, страх каких суровых условиях, случись что неладное с трактором во время дальнего рейса на сильном морозе, запросто от тоски лютой и горькой безысходности, как миленький, волком завоешь! Конечно, своё слово сказали и те знания устройства трактора в целом, которые я получил в школе механизации. Но в некотором роде, повторяю, только о том деле, которое от начала до конца, пусть и с доброй помощью, ты совершил сам, имеешь все основания сказать, что знаешь его, как свои пять пальцев!

— Да вы, Анатолий Петрович, как говорится, успели в самом деле и огонь, и воду пройти! — сказал главный инженер, едва директор умолк. — С этим можно только поздравить! И больше не удивляться, откуда же у вас столько заразительной энергии, целеустремлённости в достижении всё новых и новых целей, которые, кстати, вы сами перед собой ставите!

— Хорошо, что ты это правильно понимаешь, а не уподобляешься небезызвестным тебе, занимающим ответственные должности, коллегам, которым, увы, в самом деле — тамбовский волк товарищ! — и, немного помолчав, Анатолий Петрович заключил: — И всё же Господь им судья! Ну, а мы с тобой сегодня хорошо поговорили и главное — не без толку! Можем и дальше с чистой совестью стремиться к полному достижению всего намеченного, значимость которого ясно видим и чётко понимаем!

Однако вечером, за ужином Анатолий Петрович спросил Марию:

— Ну, как тебе новый главный агроном?

— Это Виктория Николаевна?

— Ага!

— Да она с самого начала, как я только приступила в отделе к исполнению своих обязанностей, ко мне отнеслась доброжелательно! Очень хорошо отзывалась о твоём отце, мол, он пользовался большим уважением у рабочих, можно сказать, они за него всегда стояли горой!

— Интересно! Интересно! Ну, а что же она говорит обо мне?

— Сегодня, когда вернулась с планёрки, сказала, что ты представляешь собой спрессованный сгусток огромной волевой энергии, которая буквально волнами исходит

от твоей быстрой речи, твоих резких движений рук с такой силой, что невольно душой заражаешься действием на выполнение строго поставленных перед подчинёнными производственных задач...

— И ты с ней согласна?

— Более чем!.. И солнечно горжусь тобой! Мне прежде казалось, что я от природы очень энергичная, в состоянии увлекать за собой других, не зря же в институте была комсоргом. Но встреча с тобой меня словно с головой накрыла огромными волнами целеустремлённости в достижении своей сокровенной мечты, жадной братья за порученное дело со всей душой с обязательным доведением его до полного конца, и я поняла, что в трудные минуты жизни надо пример стойкости брать с тебя!

— Спасибо, дорогая, за тёплые слова! И за ужин спасибо, я очень вкусно поел! Перед сном немного погуляю по улице. Хочу в глубоком одиночестве, как не раз бывало, попытаться найти ответы на все вопросы, что поставила передо мной уборочная кампания!

Но с жадностью вдохнув свежего, прохладного, немного влажного воздуха, едва колышимаго свежим речным ветерком, Анатолий Петрович, в первую очередь, не без тихой грусти подумал: “Интересно, сколько же пройдёт времени от гордости жены за мужа до самой настоящей, заветно жертвенной любви ко мне? Месяц, полгода, год? А может быть, она так никогда и не сможет полюбить меня по-настоящему, хотя бы уже потому, что слишком любит себя?.. Впрочем, разве это так важно сейчас мне, считающему, что главное — любить самому, это важнее, чем быть любимым!.. Скорей бы родила ребёнка, ведь без него семья, увы, как не до конца убранное урожайное поле — уже почти без прошлого, но ещё и, как ни смотри, и без будущего, в любом случае — неполная...”

А на тёмно-синем августовском небосводе бесчисленные, ярко горевшие звёзды, словно краснобокие яблоки в саду, за лето созрели настолько, что казались прозрачно золотыми. Но от этого они не стали менее загадочными! Как прежде, словно магнит огромной силы, манили и манили к себе взгляд, притягивали душу, как будто в самом деле могли каким-то чудесным образом в полном объёме предсказать не только завтрашний день, но и всю жизнь наперёд, до конца! А надо ли? Скорей всего — нет! Ведь если бы ты заранее знал всё о себе и людях, окружающих тебя, жизнь потеряла бы тот любопытный интерес, который и заставляет людей, надеясь на лучшее, жить каждый день если не как последний, то на полном пределе своих физических и духовных сил!

29

Райкомом партии было принято решение о начале уборки картофеля в совхозах с первого сентября. Однако первая же пробная копка показала, что клубни в полной мере налиются на неделю, а то и полторы раньше. Анатолий Петрович понимал, что, поскольку кредит взят под капусту, необходимо как можно дольше тянуть с рубкой этой культуры. А чтобы она всё же не ушла под снег, как в некоторых хозяйствах района в прошлом уже не раз бывало, хорошо бы иметь возможность всеми силами совхоза враз навалиться на её трудоёмкую уборку. Это значило, что прежде во что бы то ни стало необходимо выкопать картофель на всей четырёхсотгектарной площади... Поэтому на расширенной планёрке-совещании с приглашёнными не только управляющих отделений, но и руководителей всех полеводческих бригад, по директорскому указанию план уборочной кампании был тесно увязан с таким расчётом, чтобы уже к двадцать пятому августа все подразделения совхоза были готовы без какой-либо раскочки приступить к копке картофеля в ударном темпе!

Когда Анатолий Петрович после заключительного выступления, в котором призвал руководителей подразделений отнестись в высшей мере ответственно к подготовке уборочной, не упустить ни одной мелочи, ибо она в условиях Крайнего Севера, способного преподносить печальные сюрпризы в виде затяжных, обложных дождей или, того хуже, неожиданных заморозков, может вырасти в неразрешимую проблему, вдруг прорезался нагловатый голос хитрого, пронизательного Бахтина:

— Я спросить хочу! Можно?

Анатолий Петрович, заранее зная, что ничего доброго главный зоотехник специально не скажет, а вот внести смятение в души руководителей среднего звена может запросто, тем не менее, даже не взглянув в его сторону, спокойно, даже буднично произнёс:

— Конечно! Только по существу рассматриваемого вопроса!

— Спасибо! Будьте добры, ответьте прямо, уж не собираетесь ли вы в нарушение распоряжения райкома и в самом деле начать копку картофеля раньше строго установленного срока? И если это так, то не скажете, какими рабочими силами думаете начать уборочную кампанию, ведь согласно постановления райисполкома выделить в помощь

совхозным рабочим учащимся городских профессиональных технических училищ и организаций вступит в силу не раньше первого сентября?

— Хотя к рассматриваемым сегодня вопросам, — хладнокровно ответил Анатолий Петрович, — ни вы лично, ни возглавляемая вами зоотехническая служба никакого отношения не имеет и иметь не может, я всё-таки отвечу на них так, как считаю необходимым. Во-первых, хороший руководитель не тот, кто сломя голову бросается выполнять спущенное сверху распоряжение, а тот, кто исключительно в интересах дела не боится брать на себя ответственность! Да и, в конце концов, не зря же в народе укрепилась выражение, что победителей не судят! Во-вторых, никакие учащиеся со стороны не потребовались бы, если своевременно были бы пущены в работу, а не стояли под открытым небом, ржавея и разворовываясь по частям, дорогостоящие капустные комбайны!

— И всё-таки! — никак не унимался самодовольный Бахтин. — Я понял, что уборку картофеля придётся начать своими силами! Так?

— На ваш вопрос, уважаемый Семён Викторович, — чувствуя, что душа начинает нервно закипать, сказал Анатолий Петрович, — я отвечу самым что ни на есть простым, но верным вопросом: а что в этом плохого?

— Ну, понимаете, каждый работник совхоза должен делать своё дело! К примеру, слесарь — ремонтировать технику, а не таскать мешки...

— В таком случае, пожалуйста, потрудитесь объяснить, почему учащиеся из города должны не постигать азы полюбившейся им профессии, а работать на уборке картофеля или рубке капусты?

— На свой вопрос вам, Анатолий Петрович, лучше попытаться получить ответ у первого секретаря райкома партии! — резко, с нескрываемым чувством неприязни произнёс Бахтин.

— Ошибаетесь! Ох, как вы ошибаетесь! Поскольку заработную плату за производство сельскохозяйственной продукции исправно получаем мы все, здесь сидящие, — и только! Послушал я вас — и тотчас вспомнил так называемых руководителей, которые дешёвым разглагольствованием пытаются заработать хоть какой-нибудь авторитет среди своих коллег. Недавно о таких товарищах, извините, которые мне совсем не товарищи, я, вспомнив юность, написал стихотворение “Болтуны”. Думаю, для всех присутствующих будет весьма полезно его внимательно послушать.

И Анатолий Петрович, повернувшись к окну, за которым хорошо виднелся большой частный огород с разросшейся буйно картофельной ботвой, правда, уже тёмно-зелёной, даже начавшей желтеть, что свидетельствовало о начале увядания, чеканя каждое слово, словно с клубной сцены, начал повышенным голосом читать:

*Вновь правду о дельцах не скрою...
Приняв сегодня на словах,
на самом деле меж собою
они его разносят в прах.
И, видимо, понять не в силах:
как это можно позволять
судьбу их прямо в коллективах,
открыто, миром всем решать.
Но мы-то знаем: всё им ясно,
и даже больше, чем другим,
но эта гласность, эта гласность —
она как суд извечный им!
Они не сеют и не пашут,
дома не строят, хлеб не жнут,
они с трибун руками машут
да речи-лозунги плетут.
Одно и скажешь: прохиндеи,
а если проще — болтуны,
взобравшиеся к нам на шею,
увы, без пользы для страны!*

Едва он закончил читать стихи, как Бахтин тотчас обиженно в суматошном крике чуть ли не до небес вихрем взвился:

— Вы сейчас нанесли мне жестокое оскорбление! Я буду жаловаться!

— Сколько угодно — это ваше право! — совершенно спокойным, твёрдым голосом победителя сказал Анатолий Петрович. — Тем более, надо ещё разобратсья, на что у главного зоотехника уходит больше рабочего времени: на работу или на писание

всяких доносов! И не смотрите на меня так удивлённо! Повторяю: доносов! И подписание более чем сомнительных договоров, о которых мне прекрасно известно! И я обязательно во всём разберусь! Ну, а пока не забудьте с завтрашнего дня немедленно приступить к выполнению приказа о комиссионной приёмке во всех отделениях заскирдованного сена! А то заготовители кормов из-за вашей, пока скажу так, нерасторопности не успеют вовремя прийти к полеводам на помощь!.. — И, быстро пробежав пытливым взглядом по напрягшимся лицам участвующих в совещании специалистов и управляющих, деловито спросил: — Ещё у кого-нибудь конкретные вопросы есть?

— Да какие могут быть вопросы! — сказал председатель профкома Авдеев. — Чай, не первый год будем убирать выращенный урожай!

— В таком случае, совещание объявляю закрытым!

Через два дня Анатолий Петрович, верный известной народной поговорке: “Доверяй да проверяй!..”, с целью ознакомления, как идёт на местах подготовка к уборочной, начал, где на моторке, где на “уазике”, управляемом Петром, объезжать все отделения — от самого ближнего Натурского до самого дальнего Беченчинского. Но везде, к сожалению, должен был снова и снова убеждаться, что одно дело — принять до мелочей рассмотренный производственный план, и совсем другое — успешно претворять его в жизнь. Если в каком-то звене не хватало денег, то в другом — запасных частей, а где-то просто механикам и бригадирам не хватало глубокого знания порученного дела. Одни проблемы Анатолию Петровичу удавалось успешно решить на месте, в отделе, другие — строгим озадачиванием по телефону главных специалистов управления совхоза срочными решениями неожиданно возникших вопросов, а вот для полного снятия технических проблем, порой самых сложных, требовалось срочно мчаться по тряскому, пыльному гравийному шоссе в районный центр, где чаще всего приходилось заезжать в “Сельхозтехнику”.

Она находилась сразу за каменным, высоким забором, по соседству с успешней всего за год ставшей родной Анатолию Петровичу “Сельхозхимией”, но не в специально построенных, а приспособленных под ремонтные мастерские, гаражи и склады старых, огромных и тёплых помещениях, в которых во времена строительства производственных мощностей алмазной промышленности в городе Мирном хранились завезённые в летнюю навигацию по Лене все необходимые строительные материалы, запасные части и механизмы. Пристроили только из щелевых бетонных блоков к торцу одного новоявленного гаража двухэтажную контору управления с окнами, выходящими на улицу Транспортную, за которой текла красавица Лена. Директором с самого создания организации вот уже на протяжении десяти лет бесменно работал Наумов Пётр Иванович, мужчина сорока лет, среднего роста, с начальственным животиком, при этом с сухощавым славянским лицом, на котором выделялись своей природной мудростью вдумчивые сине-голубые глаза, а тонкие губы говорили о сильном, волевом характере. Пётр Иванович заслуженно пользовался авторитетом как у совхозного директорского корпуса, так и у районного партийного начальства, ибо к порученному делу, к нуждам хозяйств и обслуживающих предприятий относился с пониманием и душой. Именно поэтому неоднократно выдвигался на должность заместителя начальника управления сельского хозяйства по механизации, но каждый раз вежливо отказывался, аргументируя своё решение тем, что он до мозга костей практикующий инженер. И действительно, мог, образно говоря, с закрытыми глазами не только умело и быстро собрать двигатель, но и отладить его на выдачу максимальной мощности, при этом ещё и расходуя минимум горючего!

Кабинет, который он занимал, был строго прямоугольной формы, небольшой; в нем смогли разместиться лишь длинный стол для совещаний да примыкающий к нему рабочий, на котором стояло несколько телефонов и аппарат внутренней громкой связи. Стены были аккуратно обшиты древесно-стружечными плитами, замешанными на смоле и покрытыми в несколько слоев весело переливающейся в свете олифой. С невысокого белёного потолка свисала обычная трёхрожковая люстра с закрытыми, матовыми стеклянными плафонами. Вдоль правой и левой стен стояли в длинный ряд стулья с обтянутыми дерматином сиденьями.

Можно было сказать, что с первого дня знакомства между Анатолием Петровичем и Наумовым сложились устойчивые, не то чтобы дружеские, но вполне доверительные отношения, позволяющие многие производственные вопросы решать по-деловому, чётко и быстро, а главное — грамотно! И в тот подготовительный период к уборочной, едва Анатолий Петрович зашёл в кабинет к управляющему “Сельхозтехники” с целью выпросить сверх лимита, установленного министерством, дефицитных запчастей для картофелеуборочных комбайнов и сварочных электродов, между ними с первых слов завязался обстоятельный, доверительный разговор, в ходе которого Наумов произнёс:

— Слышал, что ты решил механизировать обработку капустных кочанов, смонтировав для этого из ленточных транспортёров целую конвейерную линию! Это замечательно! Как и то, что для уборки картофеля закупил у меня целых десять комбайнов. Но с этим добрым делом встаёт и серьёзный вопрос: “А как будешь управляться с сортировкой клубней, которые только в одном центральном отделении хлынут потоком сразу от пяти комбайнов и трёх навесных копалок?”

— Имеющимися сортировками!

— Хорошо! Только, если ты не знаешь, то я тебе точно скажу, что их производительных мощностей хватит на безостановочную работу в поле всего двух, максимум — трёх комбайнов!

— Если это действительно так, то что же ты предлагаешь?

— Я ещё три года назад завёз из Якутска самый настоящий сортировочный комплекс мощностью в сто тонн за смену! Этого с лихвой хватит для уборки картофеля одновременно с площади двадцати гектаров! Но ни один из директоров, которым я предлагал приобрести этого гиганта, на покупку его не согласился, — чудачки, да и только!

— А может, просто твой чудо-комплекс совхозам не по карману?!

— Да, ничего не скажешь, стоит он прилично! Но ведь и отдача от него огромная! У тебя, Анатолий Петрович, в районе самые большие картофельные площади. Хорошо зная твой характер, уверен, что ты их ещё больше увеличишь. Так покупай, слово даю, не пожалеешь! Или я хоть когда-нибудь советовал тебе не по делу, не по совести, без перспективы?..

— Нет! Но твоё предложение настолько неожиданно, что было бы хорошо экономически все плюсы и минусы просчитать!

— Считай! Только моргнуть глазам не успеешь, как уборочная кампания ко двору твоего совхоза на горячих вороних подскочит!..

— Это точно!

— В таком случае...

— В таком случае, беру сосватанный тобой мне комплекс! Но на двух неменных условиях! Первое — это в разумную рассрочку! Второе — ты к началу уборки картофеля своими силами смонтируешь комплекс непосредственно рядом с хранилищами, чтобы можно было ещё и полностью механизировать засыпку всего семенного материала!

— Согласен! Да как поступить иначе, если я ещё и денег на монтаже, да и перевозке деталей сортировки заработаю!

— Вот и хорошо! Вот с этим я тебя и поздравляю!

Анатолий Петрович снова на директорском “уазике”, чей спидометр за последнее время намотал не одну тысячу километров, понёсся в обратную сторону, но не прямо домой. Несмотря на то, что уже вечерело, решил ещё заехать по дороге в Батамайское отделение, чтобы собственными глазами убедиться, оправдался ли его риск: он в самом начале директорства под свою ответственность, письменно закреплённую, взял из местной колонии на должность управляющего молодого уроженца заполярного морского порта “Черский”, выпускника заочного зоотехнического факультета Якутского университета, осуждённого на три года за участие в коллективной драке со смертельным исходом, Геннадия Семёновича Корякина, тридцатилетнего, сухощавого, ниже среднего роста, с симпатичным, открытым лицом, со смешанными пополам русской и якутской кровью. На совещании по подготовке к уборочной кампании то ли потому, что от природы был немногословен, то ли оттого, что продолжал слишком стесняться своей судимости, он не проронил не слова, но, одним из последних выходя из кабинета, посмотрел уверенно в глаза директору, как бы говоря, что не переживайте, я вас не подведу!

Батамайское отделение отличалось от других, в первую очередь, высокими надоями коровьего стада, насчитывавшего двести пятьдесят голов, и такой природной полевой сложностью, как невозможность применять на уборке картофеля комбайны из-за пашни, сильно засорённой речным галечником, приносимым в каждое весеннее наводнение вместе с огромными льдинами. Поэтому вынужденно приходилось обходиться на уборке картофеля одними прицепными копалками, что было очень экономически затратно, трудоёмко, ибо требовало за каждым агрегатом закреплять до пятидесяти рабочих для собирания клубней в мешки, и ещё бригаду грузчиков в количестве десяти человек, которые в конце рабочего дня до ночи со всего убранного поля стаскивали и грузили в тракторные телеги мешки, предварительно накрепко завязав их шпагатом.

Анатолия Петровича молодой управляющий встретил, как и договаривались по телефону, у сельского клуба, ещё в первые послевоенные годы рубленного в лапу из сосновых, кондовых брёвен. В этом году его временно разделили деревянной тесовой

перегородкой на две половины — женскую и мужскую. Они были скреплены друг с другом в ряды при помощи стульев со спинками и тесно заставлены железными двухъярусными кроватями. В старом помещении остро пахло древесной смолой и сухим сеном, набитым в матрасы и наволочки. Была полностью готова к приёму городской рабочей силы и столовая, представляющая собой крытый тёсом и рубероидом высокий навес, под которым в два длинных ряда стояли сколоченные из строганных досок длинные столы и лавки. Для приготовления пищи у воинской части, охраняющей заключённых в колонии, находившейся в сосновом лесу на окраине районного центра, были взяты в аренду походные, на резиновом ходу, вместительные котлы. Под тесовым навесом, защищённым от частых осенних дождей рубероидом, проложенным в несколько слоёв, стояли ровно в ряд и полностью отремонтированные копалки, очищенные от ржавчины, с приводными цепями, жирно отливающими солидолом в электрическом свете, падающем от фонарей-прожекторов, закреплённых на столбах по всему периметру технической бетонной площадки.

Подготовительными работами, проведёнными в полном объёме для успешной уборки картофеля, Анатолий Петрович остался доволен, но ему ещё очень хотелось посмотреть и капусту, своими глазами убедиться, что и здесь она уродилась на славу, однако темень сгустилась настолько, что в двух шагах ничего не было видно, и он не без тревоги спросил:

— Геннадий Семёнович, а как, по-вашему, наливаются вилки?

— А куда они, родные, денутся? Полным ходом! Да и разве иначе может быть, когда сильных лесных пожаров в этом году не было, солнечного света хватало, полив до сей поры производим два раза в неделю, а вчера еще раз капусту подкормили калийными удобрениями!

— А управляющий-то в самом деле толковый! В самом деле было бы хорошо, если бы он и после окончания невольного срока остался работать в совхозе, набрался бы опыта и, глядишь, через год-два лучшей замены, чем он, Бахтину не нашлось бы! А то ведь может запросто получиться так, что райком снова, когда я о дальнейшей работе его поставлю вопрос ребром, образно говоря, шило в мешке, а не грамотного, порядочного человека на должность главного зоотехника предложит, и никуда не денешься — согласишься со спущенной сверху, как по разнарядке, аховой кандидатурой... — подумал Анатолий Петрович, но вслух заинтересованно спросил Геннадия Семёновича:

— Ты ходатайствовал передо мной о получении директорского согласия на вызов к себе семьи с Крайнего Севера. И что — вызвал?!

— Конечно, сразу, как вы на это дали добро! И жена с дочкой уже прилетели. Алёна, так зовут супругу, ужин приготовила, ждёт вас в гости!

— Подкрепите силы, да после тяжёлого, затянувшегося рабочего дня было бы и в самом деле совсем не лишним! Но, как сам понимаешь, время больно уж позднее! А надо ещё до дома не менее часа ехать. Не обижайся — зайду как-нибудь в другой раз. А в этот передавай своей распрекрасной Алёне от меня самое искреннее поздравление с прибытием на нашу ленскую землю! — тепло сказал на прощанье, крепко пожимая руку управляющему, Анатолий Петрович.

Едва он сел в машину, как Пётр спросил:

— Поедем в объезд или напрямик — в подъём?

— Ну, зачем время, которого и так до наступающей ночи — кот заплакал! — осталось, без толку терять? Конечно, напрямик!

— Я так же подумал!

Пётр, включив передний мост, уверенно вывел “уазик” на двухкилометровую дорогу с глубокими песчаными колеями, ведущую по крутому, лобастому склону на самый верх сопки, где проходила соединяющая Ленск с Ньюей за многие годы езженная-переезженная по производственной и личной надобности гравийная трасса. Фары, включённые на дальний свет, выхватывали из кромешной темноты лишь стоящие вдоль обочин вековые, меднокорые, с хвойными, густыми кронами сосны да редкие можжевельниковые кусты. Но Анатолий Петрович знал, что вокруг на сотни километров простирается труднопроходимая тайга со стелющимся сплошным ковром сочным оленьим серым мхом, из которого вот-вот должны начать выглядывать белые грибы, но с коричнево-чёрными шляпками. Собрать их было одно удовольствие. Только вряд ли этой осенью из-за работы, которой, как всегда, не в продох, удастся выкроить хотя бы полдня, чтобы вдоволь порадовать грибную душу.

— А всё-таки, как здорово провели бы мы с Марией ближайшее воскресенье! — стал думать Анатолий Петрович. — С утра пораньше, когда ещё на нижних ветках деревьев белёсый, густой туман, как ключья медицинской стерильной ваты, висит повсюду в лесу на густых, тянущихся вверх ветках, а солнечный золотистый свет, радушно озаряя

острые, как пики, верхушки, пятнает хвойные тропинки, вьющиеся между могучими стволами, где-нибудь на полянке, поросшей брусничником, устроили бы привал, сложили бы у корневича огромной разлапистой лиственницы рюкзаки с продуктами и с одними ведрами, налегке, лишь вооружившись острыми ножами, побрели бы по бору, вглядываясь и вглядываясь в мох, один за другим находя и срезая любимые белые грибы, от одного прикосновения к которым на душе светлеет, да настолько, что хочется негромко, пусть про себя, но влать петь.

К обеду, немного притомившись, но с верхом наполнив ведра лесным даром, вернулись бы на полянку, где я из сухого хвороста быстро развёл бы из-за безветрия ровно горящий, но от этого не менее языкастый костёр, вспыхнувший жарким вертлявым пламенем, словно исполняющий какую-то языческую пляску древних якутов; вскипятил бы воду, а Мария на взятом с собой куске материи разложила бы продукты, и мы с огромным удовольствием на чистом, как стерильные бинты, пропитанном терпким запахом хвои, прохладном воздухе подкрепили бы силы бутербродами, запивая их горячим чаем. Красота, да и только!

Потом дражайшая супруга, оперевшись спиной о могучий ствол, вытянула бы свои стройные, натруженные ноги, а я, удобно, как на подушку, положив на них голову, разлёгся бы и, блаженно чувствуя, как Мария то нежно гладит меня по волосам, то игриво накручивает их на палец, смотрел бы и смотрел в высокое, синее небо. К этому времени солнце перевалило бы через свой экватор, прогрел воздух настолько, что его можно было вдыхать всей грудью до лёгкого головокружения от чистейшего озона. Он оказывал бы на душу успокаивающее действие, и мысли, словно перистые облака в вышине, снизу позолоченные золотистыми лучами, поплыли бы ровно, как будто в жизни нет ни тревожных забот, ни горестных печалей... А где-то в глубине чащи щедрая кукушка, усевшись на самый высокий сук, наобещала бы целый короб счастливых лет жизни. И хоть я принимал бы, что она безответственно напропалую врёт, всё равно мне было бы ох, как приятно..."

— Анатолий Петрович! — вдруг почему-то неожиданно как-то уж очень тоскливо раздался голос Петра. — Пока вы были погружены в свои размышления, мы с вами уже почти и приехали!

— Да?! Но это же хорошо!

— Согласен! Только с такой, можно сказать, круглосуточной работой жена меня скоро точно из дома выгонит или на развод подаст!

— Что так?!

— А подумайте сами: на кой ляд я ей нужен, если вот уже неделю, причём каждый день приезжаю домой за полночь, когда она уже давным-давно без задних ног спит, а уезжаю на работу, когда, сколь гляди не гляди — даже признаков её пробуждения не видно!

— Уж не хочешь ли ты, уважаемый товарищ, откровенно признаться, что свои супружеские обязанности не выполняешь в полной мере?! — в меру шутливо спросил водителя Анатолий Петрович.

Но тот на полном серьёзе воскликнул:

— Вот-вот! Но я был бы рад, но — когда?!

— Ох, и не говори... У меня, честно говоря, такая же история: в последнее время только чувствую тепло, исходящее от тела жены, да слышу её сладкое сонное дыхание. Но ведь тот бешеный рабочий ритм, который я задал нам обоим, временный! И продиктован исключительно заботой о нуждах рабочих, государства, наконец! И потом, уверен, что наши дорогие женщины, если даже нас не поймут, то в обязательном порядке простят — не глупые же...

— Анатолий Петрович, как порой говорят между собой, да и нам, молодым, наши поселковые старики, от времени словно обросшие, как вековые пни густым, лохматым мхом, прозорливой мудростью, ваши справедливые слова — Богу бы прямо в уши!..

30

Больше недели ушло на рабочий объезд всех пяти отделений совхоза, готовящихся к уборочной. За это тяжёлое время, когда в сутки удавалось отдохнуть во сне не больше пяти часов и порой оставаться без обеда, Анатолий Петрович сильно спал лицом, скулы обострились, живот втянулся, и он стал походить на себя — студента-заочника после сдачи полуторамесячной сессии за десять, максимум, двенадцать дней! Но его синие глаза, ставшие ещё больше, от сознания на совесть выполненного намеченного плана удовлетворённо светились тем светом, когда жизнь кажется прекрасной, а о неминуемой смерти совсем не думается даже в самые тягостные минуты. Ведь бешеный рабочий ритм оказался оправданным, и точно двадцать четвертого августа,

как и было условлено на совещании, управляющие по телефону доложили, что подготовка к уборочной в полном объёме завершена. Лишь в одном отделении, самом ближнем после центрального, том самом, что находилось за величественной Леной, — Наторинском — из-за внезапного выхода из строя двигателя единственной в совхозе самоходной баржи необходимое для проведения уборочных работ количество горюче-смазочных материалов, как в ответ на строгое замечание пообещал управляющий, закончат силами “Сельхозтехники” завозить только сегодня.

Но Анатолия Петровича это хотя и расстраивало, но не пугало, ибо он был уверен, что упущенный день наторинцы быстро наверстают. Живя на протяжении многих веков по несколько месяцев в году — и в наводнение, и в ледостав — оторванно, как на острове, от всего мира, они привыкли бытовые и производственные проблемы разрешать всем коллективом, дружно, с полной самоотдачей не только рабочих, но и приходивших на помощь их подросших детей. Поэтому Анатолий Петрович не без основания спокойно подумал: “А какой будет день — двадцать шестого?” — и, быстро посмотрев на настольный, перекидной календарь, прочитал: пятница! Это значило, что если даже немного позже, чем строго намечалось, он прикажет начать уборку картофеля, хотя бы в одном — центральном отделении, то его точно до понедельника — целых три дня! — никто из райисполкомовских чиновников или управления сельского хозяйства сурово не одёрнет, грубо не попытается поставить на место, заставляя придерживаться спущенных сверху, как с потолка, сроков уборочной кампании. А тем временем производственный маховик уборочной удастся раскрутить настолько, что его остановить не решится даже первый секретарь райкома!

“Ну, не здорово ли? Здорово!” — про себя воскликнул Анатолий Петрович. Его душу охватила радость, которой тотчас захотелось поделиться с любимым человеком, и он немедленно направился в кабинет растениеводства. Проходя через приёмную, весело подмигнул секретарше, от чего она, смутившись, опустила подкрашенные чёрной тушью глаза и ниже склонилась над печатной машинкой. В коридоре приветливо поздоровался с главным инженером, направлявшимся в экономический отдел с какими-то важными бумагами текстов, расчётов и графиков. Однако когда, словно весенний, свежий ветер, распахнул дверь с табличкой “Главный агроном”, вынужден был встать, как вкопанный, ибо увидел перед собой сидящего, как ни в чем не бывало, на стуле с мягкой спинкой между столами жены и Виктории Николаевны Хохлова, одетого поперх светлой рубашки в строгий чёрный костюм, к которому был тщательно подобран свободно повязанный, тёмный в белую полоску шёлковый галстук. В такой одеянии он походил на какого-то великосветского щёголя, срочно приехавшего по приглашению на очень важный для себя праздник, а не в качестве представителя управления в рабочую командировку. Оценив оogleдев своего бывшего подчинённого, Анатолий Петрович, конечно, напрочь забыв о причине своего появления у агрономов, подчёркнуто не поздоровался с Хохловым первым, что не делало ему чести, и, понимая это, он, недовольный собой, порывисто вошёл в кабинет с многозначительным вопросом:

— А что тут у нас главный агроном района делает?

— Так я ведь к вам не в первый раз приезжаю! — немного смутившись, как можно важней ответил Хохлов, автоматически пригладив русые волосы, аккуратно зачёсанные набок. — Да что-то всё никак вас застать в кабинете не могу, говорят, вы с утра до ночи по отделениям мотаетесь! А цель моей командировки состоит в том, чтобы окончательно определиться с урожайностью капусты в совхозе, поскольку в других хозяйствах района виды на него, честно говоря, неважные.

— Что так? Вовремя не пропололи, не полили, как надо, по норме не подкормили необходимыми минеральными удобрениями?

— А я-то откуда знать могу!

— Согласен!.. И вопрос свой я снимаю! Но задам другой: “Чего следует ожидать от выполнения тобой задания руководства?”

— Думаю, пересмотра разрядки поставок!

— А как же в таком случае быть с договорами, ведь для того они и заключаются, чтобы выполняться, ибо за ними живые люди стоят?!

— Правильно вопрос ставите! Но высокопоставленным отцам района, как говорится, своя рубашка ближе к телу. Исходя из этого, они думают, в первую очередь, о рабочих родного города, тем более, что многие из них трудятся на предприятиях алмазной промышленности. Таким образом, договора поставки не сильно-то и будут нарушены.

— Ну, а что тогда сидишь, ляды с женщинами занятыми точишь! Думаю, пора вспомнить, зачем приехал! Или дорогу на капустные поля забыл, без провожатого никак не обойдёшься?

— Да не мешало бы кого-нибудь из агрономов со мной отправить! — словно утопающий за соломинку, жадно схватился за предложение директора почему-то враз покрасневший Хохлов.

— Виктория Николаевна мне самому по срочному делу нужна! Значит, Мария Васильевна, ты одна остаёшься! — обратился директор к жене. — Пойдёшь к представителю управления в провожатые?

— Как скажете!..

— А я промолчу — сама решаю!

Анатолий Петрович вышел из кабинета. На прозвучавший ему вслед голос Виктории Николаевны: “Так мне с вами идти?” — ответил не без удивления: “А как же! И побыстрее, пожалуйста!” И когда они пришли в директорский кабинет, он сразу же, лишь дав Кокорышкиной сестре поудобней на стоящий у стола совещаний стул, заговорил:

— В общем так. С завтрашнего дня начинаем уборку картофеля своими управленческими силами, да и других пока нет. Необходимый приказ сроком действия до первого сентября по совхозу я подпишу сразу, как он будет готов. Организацию работ и их ход возлагаю на тебя. В конторе, чтобы меня по пустякам не отвлекали, оставь одну секретаршу, а в мастерских — лишь техническую бригаду, монтирующую капустный конвейер. Всех женщин отряди для работы на сортировке и на комбайнах, а мужиков — во главе со мной! — под мешки. Всё поняла?!

— Кажется, да! А вам вопрос можно задать?

— Можно! Но коротко!

— А вы, Анатолий Петрович, не боитесь печальную судьбу всех своих четырёх предшественников горько разделить? Ведь это же просто!..

— Даже и не думаю об этом! В народе правильно говорят: “Волков бояться — в лес не ходить!..” Да и потом, я ведь от природы ещё тот максималист! Мне, как говорится, или грудь в крестах, или голова в кустах! Ладно, иди уж. Хотя постой-ка! Я давно хотел тебя спросить, да всё никак времени подходящего не находил.

— О чём?

— Скажи, как на духу, что за чёрная кошка между тобой и моим любимым отцом в недалёком прошлом пробежала?

Кокорышкина, глубоко вздохнув, задумалась, словно решала, отвечать или не отвечать. Наконец, собравшись с духом, заговорила:

— Тогда в отделе работал трактористом Дмитрий Николаевич Авдеев, небольшого росточка, но страсть как вечно то тем, то другим недовольный. В твоём отце ему конкретно не нравилось, что тот всячески помогал, порой и за счёт совхоза, рабочим: одному за полцены пиломатериал на постройку личного дома отпустит, другому трактор на вспашку приусадебного участка по льготной цене даст, третьему выделит машину для перевозки на городской рынок сельхозпродукции, выращенной своими руками. Всё это, может быть, было бы и ничего, но Авдеев ещё и доносы в дирекцию на твоего отца строчил, и не случайно, ибо знал, что многие главные специалисты совхоза всё никак не могли простить своему управляющему то, что он как бы в обход их, на самом деле просто проявил хозяйскую инициативу и заключил с алмазными предприятиями в Мирном шефские договора, на основании которых они за свой счёт мощными бульдозерами за одну зиму целых сто гектаров леса свели! Сколько же денег совхоз на этом сэкономил! За такое дело вместо того, чтобы к государственной награде представить, твоему отцу за самоуправство строгий выговор самодовольные завистники объявили! А потом вообще по-иудски поступили: взяли и голую землю на баланс отделению как полноценную пашню поставили, пустили в оборот, и уже следующей весной в приказном порядке заставили посадить на ней картофель. Будто не понимали, что, как бесплодная женщина рожать не может, так и от земли, ни грамма не удобренной, с нулевым содержанием гумуса урожая ждать всё равно, что у моря погоды! Естественно, план по выращиванию картофеля отделение завалило! А спрос за это с кого? С руководства! Вот твоего отца, не посмотрев даже, что ему до пенсии чуть больше года оставалось, сняли с должности управляющего и, как в насмешку, в разнорабочие перевели! Лучше бы, чтобы враги в глаза заслуженному человеку не злорадствовали, вообще уволили из совхоза. Но твой отец на такую подлую поверку оказался человеком очень сильным духом. Выполнял все тяжёлые работы так, как будто ничего с ним плохого не произошло, лишь задумчивый взгляд порой говорил, как ему было обидно. Потом, уже накануне выхода на пенсию, зимой в цеху по изготовлению из торфа горшочков для капустной рассады ночами печку топил, да посадочные ящики из обрезного теса сколачивал, а летом, вооружившись лопатой, кайлом и ломом, продолжал претворять в жизнь свою сокровенную мечту, закладывавшуюся в том, что за счёт разницы высот между озером Теллях и совхозными пашнями пустить на них самотёком

для полива картофеля и овощей воду, считай, задарма — деньги требовались лишь на эксплуатацию нескольких дождевальных установок! Благо, гидросооружение в виде дамбы, позволяющей поднимать уровень воды в озере до необходимой отметки, было построено шефами ещё во время, когда отделением он сам руководил. И оставалось ему только до нужных отметок спланировать по нисходящей сваренный из толстенных труб водовод. Помню, в воскресенье идёшь в лес по ягоды, по грибы ли, а он всё, как заводной, то землю тяжёлую суглинистую лопатой копает под листовничными лёжками, то ломом орудует, выравнивая трубы, то кайлом плитняк долбает. Рубашка на нём от пота была мокрая до того, что хоть выжимай. Но как бы ему тяжело, с надрывом ни дышалось, он на обычное при встрече с работающим человеком “Бог — в помощь!..” обязательно, пусть через силу, но светло улыбался, благодарил. И добился же своего: потекла вода самотёком, как миленькая! Года три трудом твоего отца, считай, задарма, но с огромной выгодой для отделения пользовались.

— Только три года? А что с водопроводом случилось потом?..

— Суп с котом! Пшик! Да и только!

— Это как же?

— Очень просто! Создали ещё одну обслуживающую совхозы организацию “Мелиорация”. Строительные объёмы для работы ей нужны были? Нужны! Так вот, в погоне за ними даже на то пошли наши бывшие районные горе-руководители, что дармовую, высокоэффективную поливную систему — детище твоего отца — забросили. Да и почему это не сделать? Ведь, во-первых, совхоз на её строительство никаких затрат не понёс, во-вторых, на балансе она нигде не числилась, как бы и вовсе не существовала никогда. Значит, и спроса за неё никакого! Вот и сварили новый водопровод, только уже от Лены, вогнали в это дело миллионы рублей — и никакого мошенничества! А то, что совхоз вынужден был закупать мощные дорогостоящие насосные станции, чтобы сначала поднять воду на стометровую береговую высоту, а потом гнать её несколько километров в обход посёлка на поля по трубам, никого из дирекции не волновало, как и то, что за эксплуатацию новой поливной системы пришлось чужой организации в лице “Мелиорации” большие деньжищи отваливать! А почему? Да потому, что рублики без счёту, можно сказать, на ветер выбрасывали не свои кровные, потом да здоровьем заработанные, а государственные. Одним словом — бардак!

— Может!.. Но сейчас газетчикам стало модно это наперебой характеризовать как экономический, затяжной спад! Хотя — хрен редьки не слаще! Но ты свой исповедальный рассказ закончила?

— В общем-то, да!

— Слушал я тебя, Виктория Николаевна, и ещё раз удивлялся. Ведь получается, что годы сменяются годами, десятилетия — десятилетиями, с ними меняется природа окружающей среды, совершенствуются орудия труда, в квартиры приходит бытовая и электронная техника, облегчающая домашний труд, а вот пороки человеческие словно из одной души, как полноводные реки, в другую перетекают, обедняя человеческую жизнь и делая её нестерпимой для порядочных, честных, трудолюбивых людей. Понимать это настолько противно и обидно, что порой даже жить не хочется, а надо! Причём во что бы то ни стало! Может быть, только потому, что, как говорят в народе, надежда умирает последней!

Анатолий Петрович посмотрел на часы: время подходило к обеду, надо было заканчивать разговор. Несмотря на это, он испытующе посмотрел вдруг ставшим строгим взглядом прямо в спокойные глаза Кокорышкиной и жёстко, с металлической нотой в голосе сказал:

— Все, что ты, надеюсь, честно поведала, отвечая на вопрос, меня не расстроило, не удивило! Возмутило одно: как ты, мать пятерых детей, могла пойти на поводу стукача Авдеева? Ну, ладно, он без души, но ты-то женщина душевная! Или я ошибаюсь? В любом случае, извини, что коснусь твоего прошлого. Потеря первого любимого мужа вместо того, чтобы сделать тебя более участливой к проблемам других, неужто в самом деле обернулась жестокосердием, и ты стала похожей на того человека, который, убиваясь в горе, плачет не потому, что его корова сдохла, а потому, что у соседа всё ещё жива! Но ведь это непозволительно дико! А теперь знай, что смерть твоего Алексея по времени пришлась на мою работу двенадцатилетним парнишкой на высадке поздней весной капустной рассады в поле, на участке Подмогильник. Он был нашим бригадиром. Именно он давал мне ежедневно задания и принимал их выполнение, при этом его голубые глаза светились добрым, я бы даже сказал, отеческим светом. И он как человек настолько глубоко зашел в мою юную душу, что когда, словно гром среди ясного неба, до меня донеслась весть, что он в густом ельнике, в каких-то пятистах метрах от поля, наложил на себя руки, я испытал горе, сравнимое лишь с потерей кого-нибудь из

родственников! Как тогда, я и сейчас не хотел бы знать, что именно толкнуло его на такой отчаянный шаг, хотя, как говорится, шила в мешке не утаишь, и по деревне гуляли слухи о твоей измене ему с тем мужчиной, с которым ты сейчас живёшь. Каждый раз, когда я проходил мимо места, где он так трагично свёл счёты с жизнью, то я не только жалел его, но и думал о тебе, молодой матери, оставшейся с четырьмя детьми, один другого меньше, на руках. Из этого выходит, что у меня, пацана, ещё почти ничего не видевшего в жизни, многого не понимавшего, душа оказалась куда отзывчивей, извини, человечней, чем твоя! Поверь, так сурово может, даже жёстко, я говорю не потому, что обижен за любимого отца, нет! Во мне в голос кричит протест против бездушия, зависти, подлости, бесчестья — всего того, что нас, людей, превращает в самых настоящих животных! Поэтому я ничуть не обвиняю тебя, а глубоко сожалею, что, пусть на время, пусть, как говорят, чёрт попутал, но твоя душа, как больные глаза, ослепла! И лишь одно может тебя в какой-то мере оправдать — это любовь, пусть не первая, но настоящая, очистительная для каждого человека в том смысле, что делает его по-настоящему участливым к другим суровым судьбам... Но ведь этого, если судить по примеру с моим отцом, не произошло! Так что извини, но тебе надо, ох, как отмаливать грехи свои...

Во время своей речи Анатолий Петрович даже не заметил, как вышел из-за стола и, нервно пройдя по кабинету взад-вперёд, стал, отвернувшись от своего главного агронома, смотреть в окно, словно в её лице говорил со всеми теми людьми, чьи самодовольные, наглые рожи благодаря сильно развитой зрительной памяти видел перед собой. Это были люди, которые сыграли в судьбе отца такую неприятную роль, что её простить и забыть было невозможно, сколько бы времени ни прошло! Кокорышкина сидела, напрягшись всем телом, видно, вполне понимая справедливость сказанных ей молодым директором слов, и даже не пыталась хоть что-то сказать в своё оправдание. Анатолий Петрович принял это за пускай позднее, но глубокое раскаяние и, когда закончил говорить, вернулся на место, в душе почти успокоившись, вполне мирно заключил:

— Ладно, как говорят, проехали! Жизнь продолжается, и сейчас главное делать её такой, чтобы никогда, никому за неё не было стыдно!

— Вы совершенно правы! Только после вашей суровой речи, прозвучавшей для меня едва ли не приговором, мне ничего не остаётся, как только заявление на увольнение писать...

— Нет! И не потому, что за одного битого семь небитых дают, а потому, что мы, работая вместе на разрыв аорты, должны всем свидетелям того печального времени доказать торжество справедливости над злом! — и уже добрым тоном, словно только что не гремел словами, как раскатистый весенний гром, произнёс: — Да, Виктория Николаевна, круто мы с тобой поговорили, только так увлеклись, что время обедать пришло! А ты мне так и даже словом не обмолвилась о своих отношениях с отцом, верней я, с головой вошедший в горячий раж, не дал тебе это сделать!

— Согласна! Но и сказать-то мне нечего, кроме того, что я по старой дружбе, начавшейся ещё в школе, связалась с Авдеевым, поддерживала его везде, где только могла. Вот и выходит, что в самом деле грешна я!

— Бог рассудит! — сказал Анатолий Петрович, — Только воистину верно сказано об осознании вины таких, как ты: “Лучше поздно, чем никогда!..” На этом наш разговор заканчиваем. Или хочешь ещё что-то сказать?

— Да ведь если мы коснулись не такого уж дальнего печального прошлого, то мне хотелось бы выяснить всё до конца!

— Я не против! — легко согласился Анатолий Петрович. — Но при одном непременном условии, что ты накормишь меня своим вкусным обедом, ведь на дорогу домой и обратно по любому не меньше часа уйдёт! А дел важных, запланированных на сегодня, ещё хоть отбавляй, и будь у меня такая возможность, я бы смело отбавил!

— Да без вопросов! Тем более, что, как в посёлке говорят, фазенду, положенную директору по должности, вы нашей семье выделили, а я вас даже на новоселье не пригласила, застеснялась что-то!

— Ладно, спрашивай, что ещё тебя волнует!

— Почему вы, в то время молодой, работающий, вскоре после отстранения отца от руководства отделением уволились и, если верить поселковым бабам, то даже в Мирный уезжали, где работали мотористом то ли на алмазоперерабатывающем комбинате, то ли на автобазе, на огромных машинах руду из карьера возили?

— Точно, уезжал! И причина для этого у меня на самом деле была. Новый управляющий как-то в начале осени, по своему обычаю под хмельком, приехал на картофельное поле, посмотрел со стороны, как споро идёт уборка, да и поднялся на ходу ко мне, на мостик машиниста. Несколько минут вглядывался в поднятую ножами земляную ленту с ботвой и клубнями, которая по транспортёру, пройдя между комкователями,

должна поступать на поднимающий элеватор, и, прекрасно видя, что в накопительном бункере нет ни одной даже поцарапанной картофелины, все же, издевательски улыбаясь, спросил:

— А тебе, Анатолий, не кажется, что мелко копаешь?

— Не кажется! — обидчиво ответил я, ибо сразу понял, почему управляющий мне задал именно такой вопрос. Тем не менее я, до хруста сжав зубы, призвал на помощь волю, чтобы как можно спокойнее спросить: — А вообще-то, чем это вы так обеспокоены?

— Только тем, что не весь картофель будет выкопан!

— Извините, но как такое может быть, если вы своими глазами прекрасно видите, что все клубни невредимы? Если я ножи опущу ниже, то земля, не успев просеяться, поступит на стол, где женщины, откидывающие мусор, ещё будут вынуждены очищать картофель и от нее, то есть по сути делать пустую, лишнюю работу. В результате этого, как куры в пыли, они вконец запурхаются, а главное в другом, более серьезном — комбайн встанет или, того хуже, не выдержав неоправданной земляной нагрузки, надолго выйдет из строя! Чем это обернется для отделения в такое горячее время, когда вот-вот ударят морозы, а выпавший за одну ночь метровый снег похоронит все великие летние труды растениеводов, не мне вам объяснять!

— И всё-таки! — не унимался хмельной управляющий, продолжая идиотски улыбаться. — Попробуй копать поглубже!

Вдруг я понял, что он просто не доверяет мне! Подло думает о моей мести за отца! Мерзавец — и только! И вместо того, чтобы исполнить просьбу этого, так сказать, начальника, я сказал, как отрезал:

— Знаете, я бы ещё понял ваше незнание технологии уборки, но простить вам мелочную подозрительность, унижающую меня как честного работника, — никогда! Не мешайте работать другим, если сами к своему седовласому возрасту так ничему и не научились!

А на завтра, несмотря на то, что о другой работе даже и не думал, я без объяснения причин уволился по собственному желанию!

— Ну, и правильно сделали! Тем более, что ваша судьба в скором времени пошла в гору. И, словно во имя восстановления справедливости, вернула, можно сказать, в родной совхоз, где началась ваша трудовая биография. Да и как вернулись-то! Можно без всяких натяжек сказать, на белом коне, ибо заняли, будто прежде ваш отец, не должность управляющего, а самого директора! Представляю, как тот же Авдеев сейчас задыхается в бессильной злобе. Но хватит ли вам, Анатолий Петрович, сил, чтобы поставить окончательно на своё место некоторых — надеюсь, что вы знаете, кого именно, — главных специалистов, всё ещё работающих не по совести, а из-за страха перед вашим крутым характером, вашей напористостью, которой они словно оглушены! Но ведь придут в себя, сговорятся против вас!

— Не переживай, это вряд ли может случиться! Моя уверенность базируется на том, что, во-первых, ну, совсем некогда будет им подлой ерундой заниматься, во-вторых, себе же станет дороже, ну, а в-третьих, никакого терпения у них не хватит, ведь я пока совхоз, как прежде другие предприятия с ничуть не меньшими проблемами, из отстающих в передовые не выведу, никуда, даже на очередное повышение не пойду!

— Хотела бы я дожить до исполнения вашей мечты, да боюсь, не получится — годы-то своё берут! Уже на следующий год на пенсию выйду, внучат буду нянчить, у меня их ого-го сколько!

— А за нашими с Марией детьми будешь приглядывать, когда мы в отпуск на мой любимый Кавказ уезжать будем? — вдруг спросил Анатолий Петрович, чем красноречиво дал понять своему новому главному агроному о совершении окончательного и бесповоротного примирения.

— Почему бы и нет! — тотчас услышал он в ответ.

— Несмотря ни на что, всё же ты, Виктория Николаевна, хороший человек! — как бы подытоживая разговор, сказал Анатолий Петрович. Но вдруг по глазам собеседницы увидел, что она до конца не удовлетворила свою любознательность. И, представляя ей возможность задать все волнующие её женскую душу вопросы, нетерпеливо спросил:

— Если я не ошибаюсь, то у тебя ещё что-то вертится на языке?

— Да! Но даже не знаю, как сформулировать совсем не простой вопрос, — уж больно он деликатный, касающийся лично вас!

— А ты не мудри! Задавай его напрямую, в лоб!

— Хорошо!.. В общем... Вы на Марии правда женились по любви?!

— Интересный вопрос!.. — многозначительно сказал Анатолий Петрович и сделал продолжительную паузу, словно решил совсем не отвечать или хотел хорошенько

собраться со сложными мыслями, тяжело, как камни на дне горной, со стремительным течением реки, заворочавшимися в голове. Наконец, вместо того, чтобы начать отвечать, спросил:

— А если не секрет, пожалуйста, скажи-ка мне, чем именно вызвано такое пристальное внимание к моей личной жизни?!

— Понимаете, в посёлке родственники вашей первой жены, как лопухи листья по теплу, распускают слухи, что вы женились по расчёту!

— Почему-почему?! — Анатолий Петрович удивился вопросу не меньше, чем внезапному проливному дождю в ясный день.

Но Виктория Николаевна, хотя и поняла, что вызвала горькое недоумение в душе человека, все же решила получить исчерпывающий ответ, тем более, что привыкла любое дело доводить до конца:

— Чтобы стать директором!

— Вот глупость какая! Но меня огорчает другое, то, что ты, прекрасно это понимая, пошла у слетен на поводу! Зачем?

— Да вашу супругу Марию жалко! Больно добрая она! И, как мне кажется, на своём небольшом жизненном веку уже так обожглась кипятком, что на воду холодную дует!

— В таком случае я тебя очень даже хорошо понимаю и со всей ответственностью серьёзного человека отвечаю: “Люблю я свою жену, люблю!” Такое признание, надеюсь, тебя успокоит?

— Вполне! И ещё раз извините меня!

— Ладно! Как говорится, с кем не бывает!..

Вернувшись после обеда в кабинет, Анатолий Петрович, чтобы не отрываться от уборочной в пятницу и субботу, решил подписать все важные документы, подготовленные службами главных специалистов. Но их оказалось так много, что, когда он поставил подпись на последнем и положил его в растолстевшую папку “К исполнению”, за конторским окном стало быстро смеркаться. Как быстро ни шёл он с работы, к своему дому подходил почти в непроглядной, густой, словно хорошая сметана, тёмно-синей темноте. Мария давно приготовила, как всегда, вкусный ужин, но почему-то на удивление сухо поприветствовав мужа, пошла на кухню разогревать еду и накрывать на стол. Анатолий Петрович, помыв руки, сел на своё место у окна, невольно искоса следя за женой, поскольку она, обычно разговорчивая, интересующаяся, как прошёл рабочий день, в этот поздний вечер было словно сама не своя...

Чёрные, тонкими дугами брови сдвинула к самой переносице, тем самым показывая, что её одолевают какие-то больно уж непростые раздумья.

— Мария, дорогая, что-нибудь плохое случилось, уж не заболела ли ты?! — встревоженно спросил её Анатолий Петрович.

На мужний голос жена, резко вскинув голову, посмотрела отсутствующе в сторону и лишь через некоторое время, как будто собиралась с тяжёлыми мыслями, словно через силу ответила:

— Да вроде всё нормально! Может, просто мне что-то и правда нездоровится!.. Ты почему сегодня на обед не приходил?

— Так получилось, что из-за нехватки времени к твоей начальнице на обед напросился, да заодно и посмотрел коттедж, в котором мы с тобой должны были в любви да согласии проживать. Он мне понравился! Отдельно стоящий на самом берегу, четырёхкомнатный, с большими окнами, выходящими на красавицу Лену, по которой, к какое время суток ни помотришь, обязательно увидишь то вниз по течению, то вверх плывущие грузовые и пассажирские суда! А моторные лодки вообще одна за другой снуют, стройно жужжа, как пчёлы. Мне даже ярко вспомнилось одно лето, когда я, девятиклассник, в отделении временно подрабатывал мотористом, возил на дальнюю ферму — это за тридцать водных километров! — каждый день, неважно, дождь ли льёт или ведро стоит, свежевыпеченный в сельповской пекарне хлеб. Вот налюбовался-то речными пейзажами! А скалы-то, скалы какие напротив старого, исконно русского посёлка Джерба — одно загляденье: высоченные, как пики, острые, уходящие глубоко в чёрную, затенённую от солнца воду, которая стремительно течет мимо них — смотри, не зевай, а то и ахнуть не успеешь, как о гранитные стены лодку в щепки разобьёт!

— Ты с таким упоением вспоминаешь! — сказала Мария. — На таком душевном подъёме говоришь о бывшем директорском коттедже, о событиях юности, связанных с ним, что невольно возникает вопрос: а ты в самом деле не жалеешь о таком щедром подарке семье Викторова?

— Что ты, милая, такое говоришь! Разве можно жалеть о добром поступке, добровольно, с душой сделанном?! Конечно, нет! Не знаю, поймёшь ли правильно своего супруга, но в ранней юности на моторной лодке “казанке” я часто в выходные ездил на

другой берег Ньюи, где от её широкого устья в обе стороны, и вверх по течению таёжной реки до самого Красного камня тянутся кварцевые, восхитительно величественные, отвесные, можно сказать, самые, что ни на есть неприступные скалы; и вниз, вплоть до Туруктинского острова простираются более чем на десять километров заливаемые в паводок внешними водами раздольные луга с таким богатым и высоким разнотравьем, что входишь в него, как в воду, по самые плечи, а местами и с головой скрываешься!.. Красота! Причём в нём ни мошкара, ни комары, словно загутаившись в крепкой паутине стеблей, не досаждают. И даже в самый знойный день там стоит прятая тенистая прохлада, сладко пахнувшая резедой, мятой и терпко — пыреем. В общем, лежал бы и лежал блаженно, осязаемо чувствуя, как в тело невидимыми, но как бы звенящими ручейками перетекают, делают его упругим, сжатым, как хорошая стальная пружина, силы земли! А какой на заречных лугах дикий лук вырастает! С ладонь — не меньше! — вымахивает щавель! А саранкам, этим нашим якутским диким розам, вообще нет числа! Любуешься их светло-красными, бархатными, в белых крапинках, большими бутонами, и от красоты аж дух захватывает!

Как-то раз, набрав для обеденного стола по заданию матери по несколько тучных пучков лука и щавеля, а ей в подарок — огромный букет саранок, я возвращался на берег к лодке. Недалеко от меня, сразу за ветвистыми тальниковыми кустами, увидел пожилого мужика, якута. Пригляделся к нему — и ахнул! Представляешь, он без руки, самый настоящий инвалид, а как же лихо управлялся и с лошадьми, и с конной сенокосилкой, намотав на культю вожжи, а здоровой рукой, как пушинку, поднимал на крутых, как на пяточке, разворотах тяжеленное полотно с режущими сегментами! Удивлённый увиденным, я, наверно, не меньше часа наблюдал за его работой! За это время он почти со всего луга до самого болотистого озера траву скосил и ни разу не остановился передохнуть, лишь зычным кличем погонял и погонял вспотевших, с пеной на губах крепких лошадей, запряжённых парой!

Поздно вечером, когда отец наконец-то вернулся с работы, я узнал у него, что этот пожилой, убелённый сединой якут — ветеран войны, боевой офицер-разведчик, кавалер многих боевых орденов и медалей, перед самой победой, можно сказать, дойдя до вражеского логова — Берлина! — потерял руку, но, вернувшись домой, не записался, как некоторые, в нетрудоспособные, а стал продолжать на равных с молодыми рабочими работать в родном совхозе. И к любому порученному делу он относился настолько ответственно, что его каждое лето руководство стало назначать бригадиром сенокосной бригады. И жил он, оказывается, рядом с нами — буквально через проулок! — в старой, рубленной ещё в царские времена из кондовых сосновых брёвен избе-пятистенке, окна которой были обрамлены резными наличниками с резными глухими ставнями. Дом вроде большой, но, когда сначала сын Дмитрий женился, а потом старшая дочь, Виктория, вышла замуж и, понятно, один за другим, дети пошли, стало трём семьям под одной крышей тесновато. Но ничего, жили в мире и согласии и, понимая, как тяжело в отделении с жильём, даже ни разу заявление на разделение в совхозный профком не подавали!

Тут Анатолий Петрович почувствовал, что жена его не слышит, и точно — Марии и в кухне-то не было. Оторвался от тарелки с супом, который за рассказом даже и не заметил, как уплёл за обе щеки.

— Милая, ты где? — расстроено спросил он. Ведь получается, что самому себе так вдохновенно и долго рассказывал о делах юности, об удивительной ветеране, наконец, о её прямой начальнице, которая, между прочим, ещё в молодости трагически, при до сих пор ни местной, ни районной милицией не выясненных до конца обстоятельствах потеряв мужа, с четырьмя малыми ребятами на руках осталась, правда, вскоре вторично замуж вышла, ну, так это дело житейское...

— В гостиной, на диван прилегла! — как-то недовольно ответила жена. — Говорила же, что мне сегодня что-то нездоровится!..

— Да, болезнь — это, в любом случае, дело серьёзное! Шуток не терпит! — встревоженно, сразу забыв о своём рассказе, сказал Анатолий Петрович. — Так, может, завтра ты не на работу пойдёшь, а на приём к своей новой знакомой Ирине Дмитриевне Климовой — главному врачу поселковой больницы? Она специалист толковый, с серьёзным лечебным опытом, и вообще, по всему видно, что человек порядочный!

— А ты откуда знаешь? — живо, словно враз почувствовав себя вполне здоровой, с ревнивыми нотками в голосе спросила Мария.

— Да совсем недавно она заходила ко мне с просьбой о выделении для машины “скорой помощи” горюче-смазочных материалов, поскольку свой фонд у них на местной автозаправке закончился, — словно не заметив скоротечной перемены в настроении жены, ответил Анатолий Петрович. — И теперь на срочные вызовы, говорит,

как в стародавние времена, хоть на лошади верхом выезжай!.. Конечно, я ей без лишних вопросов в полной мере помог. И опять же по её просьбе, воспользовавшись случаем, обговорил с ней все условия для удобства рабочих центрального отделения, да и работников конторы тоже, чтобы она распорядилась расширить деятельность уже существующего фельдшерского пункта, вплоть до выдачи больным листков о временной нетрудоспособности на месте, чтобы им не тащиться в летний зной и в зимний сорокаградусный мороз с безжалостным, вертлявым, как уж, хиусом, за несколько километров на другой конец посёлка в поликлинику! И там ещё сидеть и томиться, нетерпеливо дожидаясь врачебного приёма, а после него идти в аптеку за лекарствами!..

Заботливо подумав: “Пусть жена отдохнёт!..” — Анатолий Петрович прошёл в гостиную, сел в своё любимое кресло и хотел взять с журнального столика полюбившийся ему ещё в школе великий роман Михаила Шолохова “Тихий Дон”, который начал перечитывать несколько дней назад, но вдруг передумал читать, ибо торчавшие в голове, как гвозди, нерешённые управленческие вопросы не давали ему покоя, а теперь нахлынули с новой силой, и он погрузился в них, чётко решив именно в этот поздний вечер найти все необходимые исчерпывающие ответы, благодаря которым новый день будет непременно удачливей в трудовой деятельности, чем прошедший. Но и это сделать до конца, к сожалению, не удалось, ибо вдруг вспомнился разодетый по-праздничному Хохлов, и невольно пришлось задаться вопросом: “Интересно, по какому случаю?..” Но сколько он не думал, напрягая до предела мозга, ответить не смог, только зря потратил такое дорогое перед завтрашним первым, а значит очень ответственным, волнительным днём начала уборки картофельного урожая ночное время. А с учётом того, что из-за недостатка опыта в организации столь сложной кампании не мог сполна предвидеть возможные сбои, неполадки, вообще уснуть ему удалось лишь перед самым рассветом.

31

В первый раз Анатолий Петрович не проснулся по внутреннему времени... Разбудил его залиvistый звонок часов, поставленных Марией для себя. Ещё толком не протерев глаза, он ошарашенно подумал: “Ничего себе — проспал!.. Надо же!” Лихорадочно оделся по-рабочему, махнув рукой на ставшее с годами необходимостью обливание холодной водой. На кухне достал из холодильника пакет кефира, открыв его, выпил вприкуску с черным хлебом, с вечера так и оставшимся не убраным в навесной шкаф. Тут услышал, что и Мария проснулась, стала одеваться, полусонным голосом не совсем ясно произнесла:

- Анатолий, подожди — я сейчас хоть глазунью сделаю!
- Спасибо! Я уже позавтракал! Лучше скажи, как себя чувствуешь?
- Настолько нормально, что, надеюсь, работать смогу!
- А куда тебя Виктория Николаевна направила?
- На сортировку!

— Можешь сильно не торопиться, — первый картофель раньше, чем через полтора, а то и два часа после начала рабочего дня вряд ли с поля на сортировку поступит!.. — сказал Анатолий Петрович и, на ходу одевая брезентовую куртку, пулей выскочил на улицу.

Свежий воздух за длинную ночь остыл настолько, что ободряюще, свежо пахнул в лицо, словно огнём, обжёг гортань. От сильного выдоха он мгновенно превращался в белёсый пар и, как хорошо просушенное сено, весело шуршал. А вокруг — и на вынущей, поникшей траве, и на желтеющих листьях деревьев, и на дворовых постройках и оградах — везде влажно блестел самый настоящий, с белыми иглами, первый иней. В розово-золотистых лучах, радуя глаз, он сверкал чистейшим серебром! Казалось, что это лебяжий пух по воле свыше был щедро рассыпан вокруг... Солнце незаметно для глаз, медленно, словно в глубоком раздумье о земле и жизни на ней, вкатываясь в небесную гору, светило приветливо, зажигая верхушки деревьев золотым огнём и как бы стекая по их стволам вниз, делало все бронзовое и бронзовое шершавую, но такую яркою, жёлто-красную, блестящую, словно тщательно отполированную, кору деревьев.

Однако любоваться природной красотой было некогда, и, плотнее запахнув куртку, Анатолий Петрович, как ни жалко было ступать на первый, такой ослепительно-красивый иней, всё же быстрым шагом, оставляя за собой влажные, тёмные следы, пошёл через сосновую рощу на одну из картофельных посадок. Она находилась сразу за капустным полем. Лишь показалось светло-зелёное море, росисто переливающееся звёздным светом, радостно подумалось: “Надо же, как удачно получилось: на капусту,

верней, задавленную мощными сорняками рассаду, от недостатка влаги и света завянувшую, многие в совхозе махнули рукой, мол, Бог дал, Бог и забрал! А она, считай, всем поселковым миром спасенная, с душой, агрономически грамотно выхоженная, так разрослась, что листья-лопухи завернулись в вилки, которые, с каждым днем прибавляя в весе, всё увеличивались и увеличивались! И теперь на фоне районного неурожая стали для горожан главной надеждой, что без борщей и голубцов в эту зиму они, ну, никак не останутся!.. Однако праздновать успех было ещё рано. Якутская суровая погода крайне непредсказуема. Вот запланировал я начать убирать капусту не ранее двадцатого сентября, а снег к этому времени возьмёт да и выпадет за одну ночь в таком количестве, что уже до весны не растает, как за последние десять лет уже не раз бывало... И что тогда? Нет, об этом, особенно в такой погожий день, лучше не думать”.

Ещё на подходе к картофельному полю Анатолию Петровичу было хорошо видно, что один комбайн на тракторной тяге не просто начал копку, а уже произвёл её в таком объёме, что бункер-накопитель заполнился доверху розово-фиолетовыми крупными клубнями. Об этом говорили горящие фары “Беларуса”, являющиеся по установившейся практике сигналом для водителя самосвала, чтобы он немедленно подъезжал под погрузку... “Это кто же такой ответственный, такой трудолюбивый, ни свет ни заря приступивший к работе?!” — удивлённо воскликнул в душе Анатолий Петрович. Подойдя ближе, он увидел Иннокентия Авдеева, своего старого друга, который, держась за открытую дверцу, всем телом подался наружу, вглядываясь в дорогу... Видимо, с нетерпением смотрел, не едет ли, наконец, самосвал. Первыми быстро подходящего директора увидели девчата-сортировщицы. В своих слегка утеплённых болоньевых куртках и в платочках, плотно повязанных на голове, с задорными, светлыми огоньками в глазах, они смотрелись весьма привлекательно. Едва увидели директора, подходящего прямо к комбайну, тотчас приветливо замахали ему своими гибкими руками, очень похожими на птичьи лёгкие крылья... Заметив это, Иннокентий резко повернулся и, увидев своего старого товарища, вместо того, чтобы с ним тепло поздороваться, недовольным, суровым голосом заворчал:

— Петрович!.. С такой организацией труда мы и до следующей осени картофель не уберём!.. Время уже давно рабочее, а самосвала всё нет и нет! Ну, хоть на межу клубни выгружай! И, в самом деле, давно выгрузил бы, да больно уж они знатно богатые уродились в этом году!

— Вот расшумелся, как старик-ревматик поутру! Будто не знаешь, что первый блин почти всегда комом выходит!

И, уже обращаясь ко всем, Анатолий Петрович тепло сказал:

— А за трудовое радение весь девичий коллектив комбайна сердечно благодарю! Петухи ещё не допели, а вы уже в поле! Молодцы!

Наконец, поднимая огромные, клубящиеся столбы пыли, на краю поля показался запоздавший самосвал. Облегчённо вздохнув, Анатолий Петрович все же не удержался — уж очень хотелось посмотреть своими глазами на новый урожай! — и, как в рабочей юности на этом же самом поле, поднялся по железной лестнице на мостик машиниста. Выкопанные клубни размером с ладонь в утренних лучах красиво отливали розовыми боками. Хотелось взять их в руки, погладить по шершавой крепкой коже, хотя бы приблизительно определить их вес, но и так было видно, что они уродились на славу! Вспомнив о задании главному экономисту, Анатолий Петрович про себя удовлетворённо отметил, что его решение — основной упор сделать на развитие продукции растениеводства — верно, значит непременно даст положительный результат!

Когда самосвал подъехал, он, с согласия машиниста, переключил тумблер на подъём бункера, а едва кузов оказался под ним, включил электродвигатель, приводящий в ровное движение засыпанную картофелем прорезиненную ленту, при помощи рычага открыл бункер, и клубни, сплошной массой двинувшись, начали загружаться в самосвальный железный кузов. Не прошло и пяти минут, как Иннокентий, увидев, что можно трогаться, снова включил вал отбора мощности, до упора нажал на педаль газа... Картофель вместе с земляными рядками устремился в комбайн, где, пройдя весь процесс отделения от ботвы и очищения от разного мусора, стал сыпаться в бункер в таком количестве, что уже через час заполнил его с верхом. Комбайн остановился, и девчата с потными, запылёнными лицами облегчённо вздохнули. Ой, непросто, сосредоточенно вглядываясь в ленточный переборочный медленно двигавшийся стол, чтобы не пропустить мимо своих быстрых рук ни одного некачественного клубня, безостановочно работать и работать!..

Выгрузив и этот до краев наполненный, бункер, Анатолий Петрович, тепло махнув Иннокентию рукой — пока! — сел в запылённую кабину самосвала, чтобы быстрее доехать до работы. Едва выехали на дорогу, по косогору ведущую в посёлок, он удов-

летворенно увидел, что и на других картофельных посадках три комбайна в сцепке с тракторами приступили к копке. Проехав в конец совхозной улицы, самосвал, недобольно поскрипывая от тяжёлого груза рессорами и степенно переваливаясь с боку на бок, подрулил к сортировочному комплексу, который технические работники “Сельхозтехники”, несмотря на краткий срок, — всего в десять дней! — оговоренный договором, всё же успели собрать и настроить к началу уборки. Молодцевато выпрыгнув из кабины и захлопнув дверцу, Анатолий Петрович тревожно огляделся, но, увидев Марию, с облегчением вздохнул. Она стояла вместе с другими сотрудницами управления, сгрудившимися и, как синицы, щебечущими между собой у самого въезда на территорию овощехранилища. А неподалёку мужчины, успев разжечь из старых досок небольшой костёр и присев вокруг него, на короточках с наслаждением покуривали...

Но при неожиданном появлении директора все работники, как по строгой команде, быстро встали, тем более, что самосвал, развернувшись, уже начал осторожно подъезжать к приёмочному объёмному бункеру для выгрузки в него картофеля, и вольноневолью, но надо было с минуты на минуту приступать к непривычной работе.

— Здравствуйте! — громко, чтобы слышали все специалисты управления, временно переведённые в связи с производственной необходимостью в рядовые чернорабочие, произнёс Анатолий Петрович и тотчас, повернувшись в сторону женщин, пёстро, но тепло и по-рабочему одетых, спросил: — А где наша уважаемая Виктория Николаевна? Не скажете?!

— Да здесь я, здесь! — ответила она сама, выходя из овощехранилища через калитку больших деревянных ворот, добротнo утеплённых на суровую зиму толстым серым войлоком. И, поздоровавшись с директором, продолжила: — Ходила для спокойствия души своими глазами убедиться, верно ли оборудованы системой вентиляции закрома, ведь пока стоит сухая, солнечная погода, надо, в первую очередь, успеть как можно больше засыпать на зимнее хранение семенного материала!

— Очень правильно думаешь! — похвалил её Анатолий Петрович. — А я по дороге с утра пораньше успел зайти на поле, даже свою трудовую юность вспомнил — целый бункер картофеля накопал вместе с конторскими девчатами и смог сам убедиться, что все запланированные на сегодня четыре комбайна выехали для работы в поля.

— То-то я смотрю, у вас хорошее настроение!

— А когда оно было на работе плохим? Думаю — никогда! Строгим, суровым — это часто! Но по-другому быть не может с руководителем, душой болеющим за свое хозяйство, — и тут Анатолий Петрович, посмотрев в сторону жены, резко понизил голос. — К сожалению, в отличие от меня, Мария что-то вчера неожиданно плохо себя почувствовала. И хотя сегодня сказала, что у неё всё со здоровьем хорошо, я продолжаю сильно переживать! Пожалуйста, хорошенько присмотри за ней и, если она вновь занеможет, то на дежурном автобусе отправь её поскорей в больницу. Лады?

— Конечно!

— Теперь поговорим об организации сегодняшней работы. Урожай картофеля, как я сам убедился, в этом году неплохой! И у меня есть сомнение, что три самосвала справятся с его вывозкой. Но торопиться выделять ещё один не будем — до обеда посмотрим, как дело пойдёт. А здесь, непосредственно на сортировке, думаю, надо сделать так: женщин расставить вдоль лент, подающих картофель в закрома и на затарку мешков... Мужчин же разделить на две группы: первая пусть встанет у конца транспортера, чтобы вовремя сменять наполняющиеся мешки, а вторая, во главе со мной, будет их относить и складывать у забора, рядом с курящими сейчас мужиками. Ритм работы установим такой: через каждый час труда — десять минут отдыха! Возражений нет?

— Нет!

— Тогда командуй!

И, махнув рукой механику центрального отделения, на которого временно были возложены обязанности машиниста сортировального комплекса, уверенный, что тот его верно понял, быстрыми шагами подошёл к пульту управления, вмонтированному в несгораемый железный довольно большой шкаф с закрывающейся на ключ дверцей.

— Анатолий Петрович, запускать? — спросил механик.

— Конечно! Пока картофель из бункера поступит на выгрузочные транспортеры, минут пять пройдёт, не меньше!

— А может — дело-то важное, даже в какой-то мере праздничное! — вы сами проведёте первый рабочий пуск? — спросил механик?!

— Мысль хорошая! Говори, на какую кнопку нажать?

— На красную!

— Понял!

И, зычно крикнув занимающим свои рабочие места сотрудникам управления: “Внимание! Будьте осторожны! Сейчас эта громада из железа, резины и пластмассы закрутится-завертится так, что держи глаз остро, чтоб, не дай Бог, не травмироваться!..” — Анатолий Петрович произвёл первый рабочий пуск сортировочного комплекса. Тотчас огромная, величественно возвышающаяся стройная махина высотой не менее, чем с двухэтажный дом, пришла в движение, стройно загудев мощными электромоторами, размеренно зашуршав прорезиненными лентами транспортёров, хлётко захлопав выгребаящими из бункера и подающими на сортировочный стол пластмассовыми гибкими лопатками. Смотреть со стороны без душевного восхищения на сортировочный комплекс было нельзя — настолько солидно и убедительно он выглядел в своей рассчитанной заводскими конструкторами и инженерами работе! Но в первые же минуты выяснилось, что мужчины, поставленные для затарки мешков, не справляются с той массой товарного картофеля, которая неудержимым потоком хлынула по транспортёрным рукавам, и Анатолию Петровичу пришлось им в помощь из своей бригады срочно выделить ещё четырёх человек, таким образом значительно увеличив объём складирования картофеля на оставшихся под его руководством работников.

“Ничего, до обеда как-нибудь сдюжим!..” — подумал он и уверенно взялся за первый мешок, который при взваливании на плечо показался ему не таким уж и тяжёлым, как со стороны представлялось. Но нельзя было по своему опыту не понимать, что с каждым часом, по мере уменьшения сил, каждый мешок будет казаться всё тяжелее и тяжелее. Поэтому Анатолий Петрович принял единственно верное решение: без суеты, размеренно, с самого начала в посильном темпе делать свою сегодняшнюю тяжёлую работу. И всё равно до первого отдыха-перекура он успел основательно разогреться до такого состояния, что вот-вот его должно было бросить в рабочий пот. И действительно, почти сразу, как он вновь стал переносить мешок за мешком, пот сначала крупными каплями выступил на лбу, потом полил с такой силой, что стал застилать глаза. В висках, как ночной филин, заухала горячая кровь, дыханье ещё не сбилось, но значительно участилось, как при беге в крутой подъём.

Ближе ко второму перерыву, омывшись сполна и первым, и... пятым потом, Анатолий Петрович стал чувствовать, как ещё и ноги наливаются такой свинцовой тяжестью, что удаётся лишь со всё возрастающим трудом переставлять их. А самосвалы с картофелем продолжали чётко, как по часам, лихо подъезжать и, осторожно сдав назад, чтобы встать вплотную к бункеру, выгружаться и выгружаться... Это одновременно и радовало, потому что уборка шла полным ходом, и настораживало, поскольку надо было во что бы то ни стало до обеда выдержать, нет, даже виду не подать своим подчинённым, что ему страшно тяжело, тем более, что многие из них, как и он, их начальник, давно физически, да еще в таком режиме не трудились, но, вдохновлённые его примером, тоже старались быть, в первую очередь, на высоте. Поснивав брезентовые куртки, они остались в одних рубашках, которые на спине потемнели от пота.

А беспощадное солнце, как раскалённая чугунная плита, малиново-золотое, войдя в полную августовскую силу, давно уже растопило выпавший на рассвете иней и ближе к двенадцати часам настолько прогрело воздух, что он больше не драл гортань, не остужал лицо и тело, чем ускорял накопление усталости. Можно сказать, для всех без исключения работников, переносящих мешки с картофелем, жара стала ещё одной трудностью, которую невозможно было не учитывать, с чем нельзя было не считаться. Вдыхая прогретый воздух как можно глубже, чтобы окончательно не задохнуться, Анатолий Петрович, когда горячие лучи ослепительно ударили по глазам, чуть ли не со злостью взглядывал на небесное светило. Тем не менее, он старался по нему не определять, скоро ли наступит время обеда. Но едва дежурный автобус, взвизгнув тормозными колодками, остановился у самых ворот, облегчённо, даже радостно вздохнул: “Пора!..” — и, уложив в штабель мешок, который, казалось, стал за несколько часов изнурительной работы вдвое тяжелее, громко, чтобы услышали все работники, произнёс:

— Уважаемые коллеги! Объявляю обеденный перерыв! — и, не без жалости посмотрев на распалённые лица мужчин, потом — на женщин и участливо подумав, что они, бедные, приехав домой, вместо того чтобы хоть немного передохнуть, станут, едва сполоснув руки, хлопотать у плиты, разогревая обед, накрывать на стол, сказал: — Продлеваю обед до полутора часов, только, пожалуйста, уж не задерживайтесь!

— А вопрос можно?! — обратилась к нему молоденькая, в не проходящих круглый год рыжих веснушках, с голубыми задорными глазами, с запылёнными розовыми щеками сотрудница бухгалтерии.

— Можно!

— Анатолий Петрович, будьте добры, скажите, а детский садик тоже предусмотрено переведён на десятичасовой рабочий день?

— А разве вас с приказом по управлению не знакомили?

— Нет! Просто главный бухгалтер строго предупредила, что до первого сентября будем трудиться на сортировке с восьми утра до семи часов вечера, и просила одеться соответствующим образом — по-рабочему!

— Плохо, если это действительно так! Но для вас и всех, кому следует знать, ответственно объявляю: садик будет работать до тех пор, пока последнего ребенка не заберут родители, работающие на уборке картофеля! — и, добродушно улыбнувшись, добавил: Так что не волнуйтесь — успеете забрать своих ненаглядных ребятишек! А теперь ещё раз прошу всех в автобус!.. Время, к сожалению, не ждёт!

После обеда стало ещё теплее. Однако Анатолий Петрович удовлетворенно почувствовал по первым перенесённым и уложенным в штабель мешкам, что молодой организм успел за полтора часа физически почти полностью восстановиться. Это вдохновляло. И хотя к вечеру усталость с новой силой навалилась на плечи, свинцом налила ноги, отчего снова каждый шаг приходилось делать с трудом, словно в замедленной киноленте, при одном взгляде на выросший с добротный дом-пятистенок штабель пересортированного и затаренного в мешки картофеля на душе становилось радостно от глубокого чувства на совесть, с полной самоотдачей совершённой ответственной работы.

В десятиминутные перерывы женская половина продолжала дружно собираться в свой кружок, кто-то хотя и покуривал, но успевал поддерживать оживлённый разговор. По тому, как часто раздавались задорные возгласы, можно было судить о его весёлости и, конечно, ещё на одном примере можно было убедиться в удивительной выносливости, как говорят, слабого пола, а на самом деле, в упорстве почти не уступающего сильному... Между тем его представители тоже не падали духом, рассказывали по очереди забавные, а иной раз, приглушив голос, и любовные анекдоты, подтверждая древнюю, как мир, истину: “Кто о чём, а мужики — о бабах...” Анатолий Петрович, хотя порой и морщился от слишком откровенных, порочных слов, но не обрывал несколько развязных рассказчиков, по себе хорошо понимая, что раз шутят, значит, ещё далеко не выдохлись, а его некстати резкое вмешательство хуже всякой усталости лишь притушит их душевный огонь.

Так, поддерживая друг друга свободным общением и трудовым примером, работники управления совхоза, страшно устав, удовлетворённо закончили рабочий день. На случай ночного заморозка в уже начинающих сгущаться вечерних сумерках Анатолий Петрович распорядился закрыть огромным брезентовым пологом плоды богатого нового урожая. И когда это было сделано, прежде чем объявить о посадке в автобус, чтобы развезти работников по домам, выразил глубокую благодарность всем своим сотрудникам, особенно отметив женщин за их самоотверженный труд, чтобы хоть как-то поднять им настроение, поскольку для них хлопоты закончатся лишь с отходом ко сну — ещё ох, как нескоро!.. Потом хотел окликнуть Марию, но, повернувшись, увидел, что она стоит рядом, с усталыми глазами, казавшимися поэтому ещё огромнее, ещё грустнее... Ему стало глубоко жаль её, чувство огромной нежности окатило волной молодое, пылкое сердце, и захотелось обнять родного человека за плечи, тепло прижать к груди, но он лишь дрогнувшим голосом произнёс:

— Садись в “уазик”, Пётр отвезёт тебя домой!

— А ты? — спросила она.

— А мне ещё надо зайти к себе в кабинет, кое-какие документы просмотреть... Но, слово даю, что надолго не задержусь!

Анатолий Петрович, честно говоря, на необходимость поработать в конторе лишь сослался. На самом деле вдруг душу охватило какое-то тягостное, тревожное предчувствие чего-то неожиданного, и ему казалось, что именно в своём кабинете он найдёт ему объяснение. И как в воду глядел!.. На самом видном месте рабочего стола лежал лист бумаги, на котором размашистым, крупным почерком секретаршей был записан текст телефонограммы: “Приглашаетесь в понедельник к десяти часам утра в районное отделение милиции, кабинет номер десять. Следователь по особо важным делам республиканской прокуратуры Зайцев”. Как сильно ни было притуплено усталостью сознание, Анатолий Петрович от неожиданной вест, скорей вслух, чем в душе, недоуменно произнёс: “Что за чертовщина?!” Но сколько волей не напрягал мозги, не насиловал память, но найти на свой вопрос необходимый ответ так и не смог.

Тут его внезапно, как молниевая вспышка, озарила мысль: “Может, Эльза знает, для чего конкретно меня вызывает следователь, ведь как-никак в городе живёт, а земля, не зря говорят, слухами быстро полнится...” И тотчас набрал её телефонный номер. Ему повезло: она только что вернулась с работы и, ещё не успев снять пальто, всё же побежала к телефону, взяла трубку и, услышав знакомый голос, искренне обрадовалась.

“Молодец! Не забывает...” — довольно подумал Анатолий Петрович. Но затем, чем больше он говорил с ней, тем сильнее и сильнее мрачнел душой, все ближе и ближе сдвигал к самой переносице брови. И хотя всё услышанное от своего бывшего заместителя по экономическим вопросам в “Сельхозхимии” искренне посчитал большим недоразумением, даже чьей-то грубой, невероятной ошибкой, твёрдо решил: чтобы лишний раз не расстраивать Марию, пока сам не переговорит со следователем, о вызове к нему сообщать ей не будет.

32

Обладая от природы творческой натурой, Анатолий Петрович на протяжении всей своей жизни, за какое бы дело ни брался, вершил его не только с размахом, но и предельно глубоко, при этом проявляя полную самостоятельность. О нём можно было безошибочно сказать, что не работа ждёт его, а он сам её ищет. И тут неважно, спущена ли она сверху или увидена им самим в огромном производственном процессе. Конечно, как и прежде, добрый совет, справедливое замечание опытных людей, лучше него знающих дело, которым он занимался, почти всегда принимал безболезненно, с пониманием. И если считал, что они действительно верны, то в обязательном порядке с их помощью ещё полней и упрямей шёл к намеченной цели. И иначе быть не могло, поскольку, пусть не сразу, пусть через неудачи и разочарования, но, в конце концов, пришёл вслед за другими рассудительными личностями к глубокому убеждению, что на своих горьких ошибках учатся лишь дураки.

Возглавив районное объединение “Сельхозхимия” и довольно быстро постигнув смысл его деятельности, он сделал для себя конкретный вывод, что невозможно без создания при управлении мощной производственной базы в разы увеличить объём годовых работ по главному направлению — вывозке и внесению в совхозные поля минеральных и органических удобрений в виде торфа и навоза. И это было более, чем верно, ибо весь многочисленный автомобильно-тракторный парк содержался в кое-как приспособленном под гараж старом деревянном полуподземном овощехранилище. Строительство ремонтных мастерских в самом начале было остановлено то ли из-за отсутствия финансовых средств, то ли по причине кадровой чехарды с председателями, устроенной незрячей политикой райкома партии. Дорогостоящие комплексные минеральные удобрения, в огромном количестве завезённые из центральных областей страны за тысячи километров, через несколько перевалочных баз, лежали под открытым небом прямо на земле, причём никем не охраняемые. Из-за воздействия на них воздушной и дождевой влаги, проникающей через разрывы в целлофановой лёгкой упаковке, они превращались в довольно крепкий камень. И перед самым внесением в землю их надо было дробить на специальной машине, что увеличивало и без того немалую себестоимость агрохимических работ. Также требовались неотложные работы по строительству из лиственничных брёвен и ошкуренных хлыстов непосредственно в торфяных карьерах новых погрузочных эстакад.

Единственное, что можно было поставить в добрый зачёт предшественнику, так это окончание строительства и сдачу в эксплуатацию двухэтажной конторы управления, в которой в соответствии с занимаемой должностью каждому специалисту было предусмотрено отдельное помещение. Особенно поражал своими большими размерами кабинет председателя с высокими окнами, выходящими на две стороны: во внутренний двор и внешний, за которым даже вдаль виднелась красавица река Лена. Первый раз переступив порог своего нового рабочего места и оглядевшись, Анатолий Петрович чуть не воскликнул удивлённо: “Да! Любил же себя старый председатель — руководящее гнездо свил в два раза просторней, чем у самого первого секретаря райкома партии! А то, что сделал это за счет приёмной, и посетители должны были из-за отсутствия места для необходимого количества стульев дожидаться приёма в коридоре, стоя на ногах, его, видать, не больно-то волновало!” А вот пришедшему ему на смену молодому председателю это, всякий раз, когда он входил в свой кабинет, портило настроение. И Анатолий Петрович твёрдо принял решение: после создания для рабочих условий в виде бытовок с душевыми кабинками рядом с их трудовыми местами, за счёт председательского кабинета значительно расширить приёмную.

Выполнить всё из намеченного можно было при наличии проектно-сметной документации, утверждённой соответствующим образом в строительном институте при министерстве сельского хозяйства республики, а также наличии финансовых средств и материалов. Всю зиму до самой весны Анатолий Петрович увлечённо занимался своим проектом, для чего ему пришлось даже несколько раз летать в Якутск, ходить по всевозможным министерским чиновникам, доказывая исключительную важность

проекта. Если первое, в конце концов, удалось решить почти в полном объёме, то второе и третье, к сожалению, — лишь наполовину. Но это не расстраивало, тем более, не могло заставить отступить от задуманного... За годы работы на ответственных должностях в сознании накрепко, естественно, в положительном смысле, засела народная поговорка: “Лиха беда — начало...” Она помогала утвердиться в том, что после того, как высокому начальству будет документально предъявлен весь начальный цикл развёрнутых строительных работ, для их успешного завершения всё же будет найдена возможность выделения недостающих финансовых и материальных средств. За счёт чего? Да хотя бы за счёт родственных обслуживающих организаций, руководители которых по каким-то причинам не решают даже плановые задачи.

В самом конце апреля, когда под напором солнечного тепла мороз окончательно ослабел настолько, что даже по ночам не имел сил возвращаться, и снег быстро начал сходить, превращаясь в текучую влагу, а та, сливаясь в говорливые ручьи, стала сбегать по распадкам и оврагам в малые и большие реки, Анатолий Петрович дал распоряжение разместить в местной газете информацию о том, что возглавляемой им организации срочно требуется строительная бригада, которая может сдавать объекты “под ключ”. И уже через неделю к нему в кабинет вошёл мужчина, взглянув на которого, Анатолий Петрович вопросительно подумал: “Знакомое лицо! Где же я его видел?” Это был человек пятидесяти-пятидесяти пяти лет, чуть выше среднего роста, но из-за сухой фигуры казавшийся выше, со скуластым, словно азиатским, лицом, со светлыми, зачёсанными назад, начавшими седеТЬ волосами, в очках, через линзы которых спокойно и уважительно глядели карие, умные глаза. Одет он был в спортивную куртку поверх вязаного шерстяного свитера с глухим воротом. Анатолий Петрович встал из-за стола, подойдя к гостю, сдержанно, по-деловому представился и услышал в ответ:

— Геннадий Викторович Сухих! Бригадир строительной комплексной бригады! Я к вам зашёл по объявлению в газете!

— Очень хорошо! Присаживайтесь! — сказал молодой председатель и резким жестом руки пригласил за стол. Сам сев напротив гостя, положив руку на стол и собираясь с мыслями, несколько раз пальцами постучал по столешнице и, чтобы долго не мучиться догадками, напрямую спросил:

— Мы с вами прежде нигде не встречались?

— Нет! А что?

— Да лицо мне ваше кажется больно уж знакомым!

И, сказав это, вдруг сам вспомнил, что сидящий перед ним человек не кто иной, как один из счастливых победителей очень тогда популярной в народе, особенно её интеллектуальной части, телевизионной передачи: “Что? Где? Когда?” И всё же, решив лишний раз утвердиться в крепости своей молодой памяти, вновь пытливо задал вопрос:

— А вы случайно не выигрывали у знатоков?..

— Было дело!

— Здорово! А обещанный денежный выигрыш получили?

— Да! Полной суммой!

— Поздравляю!

Встретившись с одним из победителей популярной телепередачи, Анатолий Петрович, конечно, сполна не мог сразу проникнуться к нему глубоким доверием, но удовлетворённо подумал: “Приятно сотрудничать с умными людьми!..” И перевёл разговор в русло обсуждения пунктов договора о выполнении всего объёма запланированного на лето строительства и денежного расчёта за него. После того, как все документы обеими сторонами были подписаны, Сухих со своей комплексной бригадой приступил к выполнению договора. А Анатолий Петрович, из-за отсутствия в кадровом штате должности прораба поручив контролировать ход и качество строительных работ главному инженеру, лишь иногда сам, не чаще, чем раз в неделю, обходил строящиеся объекты, в ход строительства которых старался вникнуть как можно глубже. Если что-то шло не так — снижался взятый с самого начала высокий темп, падало качество производимых работ, — то на планёрке делал соответствующее замечание — и всё! На большее просто не хватало времени, поскольку в совхозах полным ходом готовились к посевной компании, немалый успех которой зависел и от работы механизированных отрядов “Сельхозхимии”, вносящих перед вспашкой в поля минеральные и органические удобрения, компосты в строгом соответствии со спущенным сверху годовым планом...

Сухих и на самом деле оказался человеком толковым, думающим. И специалистов подобрал под стать себе, можно сказать, мастеров на все руки. Благодаря их трудолюбию буквально на глазах с каждым днём всё выше и выше поднимались стены из щелевых бетонных блоков нового, на тридцать машинных мест, гаража и других объектов,

в том числе и такого специфического, как двухэтажная проходная с раздевальными и душевыми кабинками для водителей и слесарей. Но спустя месяц после того, как Анатолий Петрович в связи с назначением директором совхоза передал управление “Сельхозхимией” главному инженеру, неожиданно в бригаде строителей то ли при несправедливом разделе заработанных денег, то ли по пьяному делу или по какой другой причине произошёл серьёзный разлад, закончившийся тем, что один из членов бригады, посчитав себя несправедливо сильно обиженным, в срочном порядке накатал в республиканскую прокуратуру длинную жалобу-заявление. В ней он бездоказательно, можно сказать, огульно сообщал о огромных приписках при составлении ежемесячных табелей учёта рабочего времени во всех пяти организациях города, в которых, согласно заключённым договорам, бригадой Сухих одновременно строились многочисленные промышленные и гражданские объекты. И, конечно, настоятельно выражал просьбу произвести по горячим следам произведённых работ строжайшую проверку с последующим привлечением к ответу в соответствии с законом всех виноватых в большом объёме приписок, а значит, и незаконном получении государственных денег всеми членами бригады, кроме него, в первую очередь, самим бригадиром.

Тогда к управлению огромной страной после престарелого, можно даже сказать, немощного Черненко, пришёл Андропов, тоже в преклонном возрасте, к тому же неизлечимо больной, но сохранивший прозорливый ум, что позволяло ему много лет подряд возглавлять самое грозное государственное учреждение — Комитет государственной безопасности. Он не понаслышке в силу своих должностных надзорных обязанностей знал истинное положение и настроения в обществе, экономике и финансах. И справедливо считал крайне необходимым в качестве эффективных мер по наведению порядка в стране как можно быстрее поднять производственную дисциплину на государственных предприятиях, а также значительно усилить ответственность за народное добро руководителей всех рангов и уровней... Для этого по его указанию были изданы соответствующие весьма жёсткие постановления партии и правительства. И стоящие на охране законодательства страны правоохранительные органы всех уровней — прокуратура, милиция, народный контроль и даже КГБ — немедленно приняли эти суровые документы к исполнению.

Но, к горькому сожалению, как не раз бывало в великой российской истории, многие из них стали неоправданно, словно продолжали находиться в застойных брежневских временах, перестраховываться и вместо того, чтобы сначала трезво вникнуть в поступающие с мест сигналы, а только потом, в строгом соответствии с законом, принимать конкретные меры, вплоть до уголовного наказания, сразу взяли спускаемые сверху указания, скажем так, на своё, ну, совсем неразумное вооружение. В результате этого в стране наступил пусть временный, но трагичный *тридцать седьмой год*, как известно, избитый наступивший бесчисленными сфабрикованными, так называемыми *растурелными делами*, печальное эхо которых будет острой болью отзываться в каждом русском человеке, помнящем свои родственные корни...

Генеральный прокурор республики, охваченный общей истерией своих коллег из других областей и республик необъятной страны, ознакомившись с жалобой-заявлением члена бригады Сухих, дал поспешное указание по фактам, изложенным в нём, сразу же возбудить уголовное дело. Для его срочного расследования и был направлен в районный центр Ленск следователь по особо важным делам Зайцев. Тот сразу же по прибытии на место создал из независимых строительных экспертов чрезвычайную комиссию, перед которой строго поставил задачу провести тотальную проверку хода возведения всех объектов, в том числе и в “Сельхозхимии”, бригадой, возглавляемой Сухих. По первым же результатам её деятельности было установлено, что действительно, при суммировании табелей, составленных при закрытии нарядов во всех пяти городских организациях, рабочий день у каждого строителя составлял не восемь и даже не двенадцать, а целых сорок часов! Также подтвердились и переплаты за некоторые из работ. Этого вполне хватило следователю Зайцеву, чтобы, к примеру, директора леспромпхоза, в котором выявились, по мнению комиссии, самые большие нарушения по оплате строительных работ, арестовать и препроводить в камеру следственного изолятора. Со дня на день тревожно ждал взятия под милицейскую стражу и начальник городского строительного управления алмазной компании.

Обо всём этом Анатолий Петрович узнал по телефону от Эльзы. И на протяжении всей дороги к следователю мучился догадками, какие именно нарушения были допущены при месячных и авансовых расчётах с бригадой башковитого Сухих, и, если они в самом деле обнаружались, то что за карательные меры будут применены лично к нему. Но как ни напрягал свои мозги, так и не пришёл хоть к какой-то ясности... От этого на душе было настолько тоскливо, что хоть волком вой, тем более, что ничего нет

тяжелей неизвестности, поскольку она не позволяла даже в самом худшем случае всё же пусть судорожно, но искать выход...

Кабинет, в котором разместился Зайцев, находился в самом начале длинного коридора, проходящего через весь первый районного отделения милиции. Он был с обшарпанными тёмно-синими панелями, с давно не белённым, с потрескавшейся штукатуркой, низким потолком. Кабинет представлял собой небольшое квадратное помещение, где и смог-то разместиться лишь небольшой деревянный диванчик, кроме рабочего, видавшего виды стола на четырёх высоких ножках и шкафа со стеклянными дверцами, на полках которого теснились потрёпанные, пронумерованные папки. Единственное достаточно высокое окно, но с грязными подтеками на давно не мытых витражах, выходило на парадное крыльцо с длинным козырьком, отчего дневной свет настолько слабо проникал через оконные стекла, что если бы не ярко горевшая лампочка, то в кабинете было бы, несмотря на позднее утро, довольно сумрачно.

Когда Анатолий Петрович со смешанными чувствами тревоги и неопределённого ожидания в душе чего-то непонятого, но очень сурового, несильно постучавшись, вошёл в кабинет и сухо, по-казённому поздоровался со следователем, Зайцев, читавший какой-то документ, оторвал от него взгляд и медленно, словно никак не мог переключиться с мысли, захватившей его сознание, на разговор с вызванным им человеком, поднял голову и вместо того, чтобы, следуя правилам вежливости, ответить на приветствие, с какой-то ехидной улыбкой, ясной лишь ему одному и не предвещавшей ничего хорошего, громко произнёс:

— Анатолий Петрович, вы! Наконец-то мы с вами встретились!..

И, широким жестом пригласив бывшего председателя “Сельхозхимии” сесть на диванчик, стоявший слева у окна, стал с явным, можно даже сказать, наглым любопытством разглядывать посетителя. Этим же занялся и Анатолий Петрович. Зайцев на вид был мужчиной сорока-сорока восьми лет. Поскольку он высоко возвышался над столом, то можно было предположить, что ростом был намного выше среднего, а из-за полноты, раздавшись в плечах и животе, вообще казался огромным, таким дядей Степой из самого известного детского стихотворения Сергея Михалкова. Крупная голова отсвечивала замасленными, наполовину поседевшими волосами, а на квадратном полном лице светились узковатые серые глаза с пронизательным, словно стреляющим взглядом. Одет следователь был не в строгую прокурорскую синюю форму, а по погоде — в обыкновенную ситцевую клетчатую рубашку с короткими рукавами.

Допрос Зайцев, используя известный в правоохранительных органах приём, призванный усыпить бдительность подозреваемого, чтобы через некоторое время внезапно обрушиться на него лавиной, неважно — неопровержимых или выдуманных — фактов, лишь бы он от растерянности признал выдвинутое обвинение, начал не с конкретных вопросов по существу дела, а как бы доверительного рассказа о своём недалёком прошлом.

— Знаете, Анатолий Петрович, — сказал он, — а я ведь, честно говоря, ваш земляк — тоже родился под Якутском в посёлке речников Жатае. Более того, после окончания юридического института по распределению почти пятнадцать лет отработал в этом отделении милиции, пройдя путь от простого оперуполномоченного до начальника уголовного службы. И с вашим отцом, Петром Ивановичем, меня судьба сводила. Правда, по печальному для него случаю: я расследовал уголовное дело о превышении должностных полномочий с отягчающими последствиями, в котором, к сожалению, он проходил в качестве обвиняемого, а ведь, как я убедился, допрашивая его, ваш отец был вполне заслуженным человеком...

— Почему был?! — резко перебил следователя по особо важным делам Анатолий Петрович. — Мой отец, слава Богу, до сих пор здравствует, причём достойно. Только вот, выйдя на пенсию, уехал на Северный Кавказ, чтобы быть поближе к целебным грязям, так необходимым ему для успешной борьбы с коварным недугом, нажитым на фронте!

— Да! — удивился Зайцев, — А я и не знал! Привет ему передавайте!

— Обязательно, при первой же возможности! — сказал в ответ на вроде бы добрые слова следователя Анатолий Петрович.

При этом ему вспомнился тот, один из самых тревожных периодов отцовской жизни незадолго до выхода на пенсию. Да и не только его, а всей семьи, мучительно переживавшей за родного, любимого человека. Суть дела в том, что у Анатолия Петровича в юности был друг, якут Иван Колмогоров, с которым они вместе, закончив школу, пошли работать в совхозное местное отделение на ферму рядовых скотниками. Через год друга забрали в армию. Но, отслужив положенный срок, он вернулся и, за время службы заматеревший, полный здоровья и сил, был занаряжен в кузницу

молотобойцем. К тому времени молодой Анатолий Петрович, закончив школу механизации как тракторист широкого профиля уже трудился на колёсном “Беларусе”. Подошла горячая пора сенокоса. При формировании бригады, которой предстояло заготавливать грубые корма на отдалённом участке в районе срединного течения таёжной реки Нюя, порожистой, но вместе с тем изобилующей глубокими омутами, богатой разнообразной рыбой, — ленком, язём, шукой и окунем, — оказалось, что управлять небольшим трактором Т-20 с прицеппенной сенокосилкой некому... Иван, которого Анатолий Петрович ради забавы неплохо научил в свободное время водить “Беларуса”, попросил друга, чтобы тот упрямил управляющего — своего отца, чтобы именно его, пусть и не имеющего необходимых прав профессионального тракториста, в порядке исключения направили в сенозаготовительную бригаду трактористом.

Отец, к сожалению, не отказал сыну, на свой страх и риск пошёл ему навстречу. Неизвестно, почему он, человек с огромным стажем руководителя, дал убедить себя и принял такое решение, по сути пошёл на должностное преступление. Объяснить это большой любовью к Анатолию было бы слишком простым делом... И, может быть, всё и обошлось бы, если бы механик отделения Терентий Васильевич Авдеев не опростоволосился, не обеспечив трактор исправным аккумулятором. В отсутствие такового дизель на покосе пришлось заводить с включённой сразу пятой скоростью, разогнавшись с самого верха крутого берега. Каждое утро на протяжении двух недель это делалось удачно, но потом произошло непоправимое несчастье: то ли Иван до конца не проснулся и не был вполне сосредоточен, то ли оказалось неисправным ещё и рулевое управление, только на самом разгоне трактор резко перевернулся, и вылетевшего из кабины Ивана насмерть придавил стальным ободом заднего колеса.

По факту чрезвычайного происшествия районная прокуратура по горячим следам возбудила уголовное дело, в течение нескольких месяцев провела следствие, закончившиеся решением суда, приговорившего управляющего к двум годам условно с двадцатипроцентной выплатой от заработной платы, но не семье погибшего, а, увы, государству... Такое в общем-то мягкое наказание, верней всего, было назначено в связи с предпенсионным возрастом обвиняемого, его многочисленными заслугами перед Отечеством, в том числе и фронтовыми, а также с учётом ходатайства родителей погибшего о том, чтобы к виновному не применяли крайне суровых мер. Мол, сына, хоть всю страну пересажай, не вернешь, тем паче, что он, можно сказать, сам выбрал свою судьбу, а на иждивении по воти невиновного управляющего находится неизлечимо больная старшая дочь. Определение меры наказания механику оставили на усмотрение вышестоящего начальства, то есть условно осуждённого. Но он был настолько благородным человеком, что посчитал гибель человека исключительно на своей совести и даже выговора своему подчинённому не объявил.

Если за отца из-за нависшей над ним бедой Анатолий Петрович переживал всей душой, то за столь раннюю смерть школьного друга — до острой сердечной боли, а глубокое сознание вины перед его памятью и старенькими родителями до такой степени усиливало её, что ещё вполне не окрепшая психика, словно сухая ветка, не выдержав напора ветра, надломилась, и духовных сил лишь кое-как хватило помочь сердобольной женщине, соседке, перед тем, как положить в гроб, омыть и одеть тело Ивана в новую белую сорочку и чёрный костюм, а воти проводить в последний путь, сказать у свежесрытой могилы прощальные слова — нет. Из непоправимого горя, в конце концов, обернувшегося тяжёлым нервным срывом, Анатолий Петрович выходил мучительно долгие-долгие несколько лет, когда порой кажется, что время стоит на месте. И, наверно, в большей степени он смог это сделать не упорным, систематическим, грамотным лечением, а благодаря своей страстной жажде жизни в стремительном времени, которое, словно целебными бинтами, неумолимо перевязывало и перевязывало его впечатлительную душу надвигавшимися и происходившими как хорошими, так и плохими событиями.

33

И вот годы спустя этот чёртов Зайцев, может быть, и заслуженный следователь по особо важным делам, так не вовремя ворвавшийся в его жизнь, своими расчётливыми воспоминаниями разбередил в кровь, казалось бы, зажившую душевную рану. Заставил по новой глубоко страдать и страдать... Анатолию Петровичу остро захотелось в ответ употребить такое выражение, от которого ему бы самому стало невыносимо горько. Но не потому, что отдавал себе полный отчёт в печальной, может быть, даже трагичной зависимости своей будущей судьбы от действий Зайцева, а потому, что был правильно воспитан: вовремя взял себя в руки и лишь отчуждённо, как бы исключительно для себя сказал:

— Извините, товарищ следователь, а вообще-то какое отношение имеет ваше прошлое к тому делу, из-за которого меня телефонограммой вызвали?! Может, всё-таки перейдёте непосредственно к допросу?

По той уверенности, даже твёрдости, которая прозвучала в голосе Анатолия Петровича, Зайцев понял, что проверенный милицейский приём неожиданности в этот раз не пройдёт, и, с враз посуровевшим лицом, с вдруг ставшими стальными глазами, недовольно произнёс:

— А вы, я вижу, с характером! — И, по выработанной за долгие годы служебной привычке, хотел добавить: только приходилось и не таких ломать! Но, словно на полном ходу споткнувшись обо что-то каменное, чертыхнувшись про себя, согласился: — Хорошо! Пусть будет по-вашему. Только в таком случае ответьте: фамилия Сухих вам что-нибудь говорит?..

— Да! — тотчас твёрдо произнёс Анатолий Петрович и, предупреждая следующий возможный, как ему казалось, более существенный и конкретный вопрос по возбуждённому делу, добавил, не дрогнув лицом: — Я с ним знаком как с бригадиром, с которым был заключен строительный договор!

— А когда-нибудь раньше вы с ним встречались?

— Нет! Только один раз видел его по телевизору, в одной из очень известных программ: “Что? Где? Когда?”! Но это, думаю, к уголовному делу совершенно не имеет никакого отношения!

— А случайно в сговор с ним не вступали?!

— В сговор!.. Ну, вы и даёте! — протестующе воскликнул подозреваемый, но, все-таки с трудом взяв себя в руки, спросил: — На предмет чего?!

— Анатолий Петрович, не забывайтесь! Вопросы в данной ситуации могут задавать только я! — с налившимися кровью глазами, с вспыхнувшими, как порох, щеками, нетерпимо сделал ему замечание Зайцев.

Но, стараясь быстрее обрести былую уверенность, достал из помятой пачки сигарету, прикурил её от пластмассовой зажигалки и глубоко затянулся дымом, помолчал с минуту-другую и, как ни в чем не бывало, продолжил ну, совсем мирно начавшийся допрос:

— Я жду ответа!

— И отвечаю: не входил!

— А что, за красивые глаза переплатили бригаде восемьсот шестьдесят рублей за строящийся до сих пор автомобильный гараж? — и сам же частично ответил: — Да быть такого не может!

— Полностью согласен с вами! Но считаю, ни за глаза, ни, извините, за волосы, да и за ум тоже, хотя он у Сухих такой, который было бы совсем неплохо иметь многим людям, разбрасываться, как дерево по осени сухими листьями, государственными деньгами — преступление! — уже совершенно уверенно, даже с некоторым вызовом сказал, спокойно улыбнувшись своими тонкими волевыми губами, Анатолий Петрович.

А в вспыхнувшем мозгу лихорадочно заносились беспокойные вопросительные мысли: “Как такое могло произойти?! Неужели мой преемник — главный инженер — что-то, в самом деле, с бригадиром Сухих намудрил? Если это так, тогда он форменный дурак! А может, всё-таки я сам где-то нечаянно маху дал, чего-то из-за вечной занятости недоглядел?” И, в надежде прояснить причину переплаты, хотя и помнил о весьма суровом предупреждении враз ставшего строгим следователя, как можно вежливо, но твёрдо обратился к нему:

— И всё-таки можно задать хотя бы ещё один вопрос?

И на удивление тотчас получил согласие:

— Валяйте! Только по существу!..

— Спасибо! Не скажете, за какие именно работы выявлена переплата?

— В настоящее время ответственная комиссия как раз это и уточняет! Только надо понимать, что растрата есть растрата! И отвечать за неё придётся! Причём по всей строгости существующего закона! Вот так!

— Согласен, и такое может случиться, но при условии, что у меня был мотив и существовало злое намерение извлечь личную выгоду!..

— Вот-вот! А иначе я уже предъявил бы вам обвинение в полном объёме, и мой допрос закончился бы, сами должны понимать, чем! — как ни старался оставаться грозным, всё же несколько упавшим голосом произнёс следователь, ибо, огорчая, прежде всего, себя самого, подумал: “А этого сына бывшего управляющего — настоящего директора совхоза — голыми руками не возьмешь! Юридически, видать, вполне подкованный! Не только обязанности, но и права свои знает!..”

И поняв, что дальше продолжать допрос не имеет смысла, словно враз потеряв к подозреваемому интерес, вяло разрешил:

— Можете быть свободны! Но, увы, пока!..
— Однако у меня есть к вам просьба, — прежде, чем уйти, сказал Анатолий Петрович и, чтобы Зайцев не успел отказать, скороговоркой добавил: — Продиктованная государственным интересом!

— Даже так?!

— Именно!

— В таком случае внимательно вас слушаю!

— В настоящее время в районе началась одна из самых ответственных, значительных сельскохозяйственных кампаний — уборочная, — сказал молодой директор. — Поскольку, как вы знаете, я возглавляю совхоз, то от моей самоотдачи и верных, вовремя принятых решений зависит, можно без преувеличения сказать, успех годовой деятельности всего хозяйства. Поэтому, с учётом государственных интересов, пожалуйста, следующий раз вызовите меня лишь тогда, когда уважаемая ревизионная комиссия окончательно закончит проверку по всем строящимся объектам! А я, в свою очередь, даю честное слово, что, как только себе докажу ошибочность действий при заключении договора с Сухих, тотчас сам явлюсь к вам, не дожидаясь вызова, с повинной!.. Хорошо?!

— Подождите, подождите! Уж не думаете ли вы, что я приехал за тысячу километров в бирюльки играть?!

— Нет! Но по-умному, одно важное дело не должно мешать другому!

— Ладно, я подумаю!..

Выйдя на улицу из душного, давящего своей казённостью и угрюмостью тесного кабинета, Анатолий Петрович посмотрел на часы — они показывали полуденное время. И подумал: “Не зайти ли самому в сельскохозяйственный отдел райкома к Выборовой, поскольку неприятного разговора, на который напросился сам, раньше установленного срока начав копку картофеля, в любом случае, при любой обстановке не избежать, то есть в своём роде вызвать, как на самом настоящем фронте, огонь на себя?..” Но от разговора со следователем почему-то на душе было настолько пусто, что не хотелось больше сегодня ни с кем ни встречаться, ни говорить, тем более толочь в ступе воду, упрямо доказывать свою несомненную правоту. И, лишь тяжело вздохнув, Анатолий Петрович сел в стоящий напротив здания милиции, рядом со столовой, “уазик” и дал распоряжение водителю возвращаться.

— А разве не перекусим? — спросил он.

— В городе — нет! Зато дома сразу и пообедаем, и поужинаем!

И больше за всю почти трёхчасовую дорогу не проронил ни слова. Но, немного успокоившись и дав некоторое время мыслям, волнами прокатывавшимся в мозгу, улечся, подумал о своих отношениях с женой, которые в последнее время стали ему непонятными, и, словно пытаясь хоть каким-то объяснением их перекрыть спорный разговор со следователем, стал рассуждать: “Как ни смотри на мою вторую женитьбу, но по-всякому выходит, что я правильно поступил... Одна моя любовь к Марии, горящая в душе величественным, мощным огнём, пусть и потрескивая на жизненном ветру мелкими ссорами и случайными обидами, делает меня ещё сильнее, ибо теперь я в ответе за свою любимую и значит — должен всегда быть готовым вдвойне бороться со всем горьким, плохим, что может произойти, если не в ближайшем будущем, то в дальнейшем — точно! Думать иначе, значит, быть глубоко самонадеянным человеком, ведь, как сказал один известный поэт, — *жизнь прожить — не поле перейти!* На всем её протяжении, хорошо ещё, если в равной мере будут накрывать с головой горе со счастьем! И потом, великий древний учёный Архимед, пусть несколько самоуверенно, но все же верно заявил: “Дайте мне точку опоры, и я переверну мир!..” Для меня такой точкой всё больше и больше становятся рассветные чувства к Марии. Я люблю её, и значит, какие бы чёрные силы ни преграждали мне путь из мрака к свету, я, пусть и пройдя через всё новые и новые лишения, одолею их, поскольку, прежде всего, духовно непобедим!..”

А между тем безжалостное время неудержимо подходило к вечеру. В уже наступивших синих сумерках, когда машина остановилась у самой калитки дома, печально, словно от боли, скрипнув сильно изношенными тормозными колодками, Анатолий Петрович, вдохновлённый своими дорожными мыслями, на вопрос Петра: “На завтра какое будет указание?” — твёрдо и уверенно, будто при колке дров с силой отпустил топор на огромную листовничную чурку, решительно ответил: “Обычное — работать и работать!” И, порывисто выйдя из машины, резко захлопнув дверцу за собой, стремительно, словно весенний верховой ветер, родившийся в быстрой смене температур воздушных масс, взбежал на крыльцо.

Несмотря на то, что рабочий день закончился лишь час назад, Мария в светло-коричневом фартучке, свободно подвязанном на тонкой талии, что делало её фигуру как бы подчёркнуто стройной, уже вовсю хлопотала на кухне. Услышав в коридоре шум, тотчас выглянула, но встретила мужа с тревогой на лице. И всё же, как ни подмывало расспросить его о внезапной поездке в район, нашла в себе силы сначала накрыть на стол к ужину... И пока Анатолий Петрович молча, словно страшно проголодался, долго и много ел, тоже не проронила ни слова. Зато едва он отодвинул от себя тарелку и положил на неё вилку с ножом, сразу подступила к нему:

— А почему ты утром, уходя из дома, не сообщил мне, что тебя вызывал следователь, да не простой, а по особо важным делам?!

По глазам жены, смотревшим грустней обычного, было понятно, что она знает об уголовном деле, поэтому ходить вокруг да около не имело никакого смысла. И Анатолий Петрович, как на духу, не спеша, взвешивая каждое слово, рассказал всё, что происходило с ним в милиции, заострив внимание на своём непонимании, как могла произойти переплата... Поверила Мария или нет, ему, конечно, хотелось знать, но всё же не настолько, чтобы спрашивать об этом тогда, когда в башке, как вбитый в доску по самую шляпку гвоздь, вновь дал о себе знать возникший ещё в кабинете следователя вопрос: “Где же произошла ошибка, приключился недогляд?..” А что это было именно так, сомнений уже никаких не было.

— Скажи честно, — в свою очередь, как бы между прочим, спросил Анатолий Петрович Марию, — ты про следователя у Эльзы узнала?!

— У неё! А кому я еще могла позвонить, когда секретарша Пака сообщила, что ты в управлении не появлялся!

— А ещё о чём она с тобой по секрету, как всему свету, — шучу! — поведала, ведь, уверен, Зайцев её, мою бывшую заместительницу, одной из первых на допрос вызывал!

— Надеюсь, ты никому о том, что я скажу, не расскажешь?

— Что за вопрос?! Конечно!

— Так вот, этот следователь по особо важным делам, — произнесла Мария, — оказывается, ещё тот юбочник! Представляешь, после строгого допроса, нагло давая понять испуганной женщине, что теперь исключительно от него зависит её свобода, пригласил её в тот же вечер к себе в гостиничный номер, сам должен понимать для чего!

Анатолию Петровичу ну совсем было не интересно, чем приглашение Зайцева закончилось, но в голове ярко вспыхнула одна мысль, и поэтому, не дав договорить жене, он её высказал вслух:

— Раз следователь, хотя мне он и показался порядочным человеком, тем не менее, так развязано себя ведёт, прямо скажу, не по-мужски, значит, у него на самом деле мало надежд завершить расследование уголовного дела, по крайней мере в отношении меня, в свою пользу!

— Ты в этом уверен?!

— Почти!

— Ну, знаешь, всякое бывает!

— Согласен, бывает, причём нередко! Но теперь, когда с Эльзой всё выяснили, ты, дорогая моя половинка, ответь мне — как себя чувствуешь? Что с твоим недомоганием — окончательно прошло?

— Вроде да!

— Ну, и отлично! Только в твоих прекрасных глазах что-то в последние дни больше грусти стало, как будто жизнь неожиданно сделалась тяжелее, хотя она, по крайней мере, на мой взгляд, не совсем уж и плоха... Лично у меня, да, думаю, у тебя тоже, времена бывали намного похуже нынешних! Так что же всё-таки произошло, не скажешь?

Мария прежде, чем ответить, сначала на секунду задумалась, потом села напротив на самый краешек табуретки, зачем-то взяла со стола кухонное полотенце и, нервно комкая его, ответила:

— Может, ты меня и осудишь, но постараюсь быть перед тобой предельно откровенной. Когда я от Эльзы узнала о твоём вызове к следователю, то на меня вдруг разом навалилась такая тоска, что я даже невольно подумала: а посильна ли мне ноша — быть женой человека, который... — Тут она замолчала, словно не смогла сразу найти нужных слов, но, глубоко вздохнув и с силой выдохнув, всё же продолжила: — Который, конечно, достоин уважения за своё стремление жить, как ты часто выражаешься, на разрыв аорты, тем не менее, исполнен такой огромной духовной энергии, что иной раз кажется: вот сейчас муж пронесется, как ураган, мимо и даже не заметит, что своим мощным крылом смял меня, а я ведь только с виду могу показаться хрупкой, но в душе моей бушует ещё тот огонь! Не зря же я в институте была заводилой многих добрых дел, даже служила примером для некоторых сокурсниц... В общем, милый, мне тяжело с тобой!..

Откровенный ответ жены, неважно, полный или нет, не оказался для Анатолия Петровича неожиданным, ибо он знал и по другим людям, какой большой харизматической силой его наделила природа. Но из-за, можно сказать, дара небесного пожертвовать своей любовью он считал слишком уж большой платой, в любом случае, был не готов, да и в корне не согласен ни душой, ни разумом на это. Но и, как по щучьему велению из известной сказки, стать не собой — тоже, сколько ни думай, было выше сил! Тем более, что прежде жена в отношении его целеустремлённости и иных волевых духовных качеств была совершенно другого мнения! Что же случилось? И, не найдя ответа, он только взял жену за руку и в первый раз, — слово от безысходности, — с силой сжал ее...

Говорить ни о чём больше не хотелось... Но сознание, что его сильное биологическое поле, оказывается, отрицательно действует на родную жену, не сказать, чтобы неожиданно обидело душу, но требовало скорого ответа, лучше, конечно, действенного, как всегда, высказанного напрямую, ибо ходить вокруг да около возникшей проблемы было не в правилах Анатолия Петровича. И он, не спеша собравшись с мыслями, не отпуская руки Марии, смотря в её такие милые, такие любимые, с лёгкой, никогда, словно зимняя льдинка, не тающей грустинкой глаза, смиряя душевное волнение, как морской прибой, вдруг почему-то резко охватившее его, вполголоса произнёс:

— Дорогая, ты только что надрывно сказала, будто ставишь мне в какую-то необъяснимую вину то, что своей бешеной энергетикой угнетаю, нет, даже, словно снежолдыстый ураган, сметаю тебя начисто, ну, словно осенний лист с заснеженного поля!.. Из-за этого всё чаще и чаще тебе хочется побыть одной, чтобы хоть немного отдохнуть уставшей душой, собраться с нелёгкими мыслями. Я не против! Только мне кажется, что выход из того психологического тупика, в котором ты, пусть, действительно, частью по моей вине, частью по определённым свойствам своего характера находишься в настоящее время, в другом. Для примера я тебе предлагаю такие условия, надеюсь, нашего временного существования, а именно — постараюсь тревожить тебя лишь в самых-самых крайних случаях, словно меня в нашей квартире и вообще нет. Тем более, что сделать это будет не так уж и трудно, ведь домой я прихожу лишь ночевать, а все дни, даже в воскресенье, мотаюсь, как угорелый, по полям да покосам... Но знай, это своё предложение я сделал с доброй надеждой, что со временем мы всё-таки сможем вполне адаптироваться друг к другу, конечно, при одном обязательном условии, что по-настоящему любим и хотим быть любимыми... Договорились?..

— Договорились! — как-то неуверенно, с какой-то глубокой, идущей из самой души тревогой, чуть слышно ответила Мария.

Это не могло ускользнуть от острого внимания Анатолия Петровича. И он, — вот страстно жизнелюбивый, уверенный в своих силах человек! — с лёгкой улыбкой, но без пустой иронии спросил:

— Ты, как я заметил, согласившись со мной, тем не менее, считаешь, что чудес на этом грешном свете не бывает, так?

— Вот именно!

— Спорить с твоим мнением, чтобы лишний раз не волновать, я не буду. Да в этом и никакого смысла нет! Потому что я, хотя и крещённый в православии, в глубине души, как наши далёкие незабвенные предки, продолжаю оставаться язычником, свято верящим в такие природные явления, как солнце, наводнение, лес, ураган, душой и сознанием глубоко почитающий их, преклоняющийся перед ними... Но, тем не менее, всегда, прежде чем обратиться к ним за помощью, следую известной в народе поговорке: “На Бога надейся, да сам не плошай...” Но в этот раз хочу прочитать тебе гениальную строчку русского поэта Александра Твардовского: “Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...”

И, прочитав, добавил:

— Надеюсь, теперь тебе, моя дорогая, всё ранее сказанное, настолько хорошо понятно, что любые комментарии излишни... Или всё-таки по какой-то причине ты остаёшься в недоумении?

— Понятно-то понятно, только знаешь, блажен, кто верует!..

Но в самых последних словах её уже не было той категоричности, того глухого протеста, что ли, из-за которых Анатолий Петрович, едва остыв от производственных забот, дел и треволений, поздно вечером, затемно возвращаясь по душной и пыльной дороге домой, иной раз без страстного оптимизма, с тяжёлой грустью в притомившейся душе смотрел на их совместное будущее. И он легко, словно боясь испугать жену, как цветастая, луговая бабочка бархатными крылышками, нежно прикоснулся горячими губами к родному лбу, но, почувствовав, что Мария покорно замерла, запечатлел на нём жаркий поцелуй, словно укрепляя любимую в значимости всего им не без труда,

как на духу, высказанного, и с заметным облегчением всей грудью выдохнул. На протяжении последнего времени незримые тучи неясности в отношениях с женой, словно плотные, тёмные небесные облака, разгоняемые вешним, напористым ветром, сначала стали понемногу розовато светлеть, а потом и вовсе расходятся по бескрайнему небу свода души, словно с готовностью освобождая место для яркого, лучезарного солнца радости, которое, казалось, вот-вот должно начать восходить всё выше и выше по ступеням светлых надежд, освещая золотым всполохом далеко вперед, ох, какой сложный, ох, какой тяжкий, редко когда предсказуемый жизненный путь!

В этот раз непосредственно для Анатолия Петровича сказавшийся тем, что он по неумолимой воле судьбы ради скорейшей умелой настройки, как зело опытный механик машинного двигателя, на ритмичную, исполненную созидательной энергии, плодотворную работу всего огромного механизма совхоза, всё ещё продолжавшего, образно говоря, как престарелый человек, болезненно кашляя и кашляя, испытывая огромное напряжение всех производственных и людских сил, вставать с трясущихся колен, ежедневно вынужден был ещё и неумолимо психологически бороться со своими непосредственными заместителями. В первую очередь, с Бахтиным, а также с теми, пусть немногими, управленческими разгильдяями — работниками среднего звена, которые вместо того, чтобы в нелёгкое страдное время, когда день год кормит, разделить тяжкий труд со всем коллективом на прополке, а вернее, самом настоящем спасении капусты от, казалось бы, неминуемой гибели от сорняков, трусливо спрятались по большичным листам, легкомысленно надеясь без каких-либо серьёзных последствий для своей дальнейшей работы в совхозе отсидеться в тенёчке да сытости. А Анатолий Петрович должен теперь, как волевой мужчина, во что бы то ни стало ещё найти в себе и те дополнительные психологические силы, которые позволили бы ему в полной мере противостоять своему от природы взрывному, крутому характеру. И не только...

Простым условным отстранением, пусть лишь на некоторое время, от горячо любимой, несмотря на её ярко выраженный эгоизм, женщины, нарочно, словно для проверки на излом своих же духовных сил, оставленный Анатолием Петровичем без внимания, скорей всего, в большой мере-то и способствовал развитию того душевного дискомфорта Марии, из-за которого вернуть её томящееся сердце к терпимому восприятию семейных неурядиц было ох, как трудно. Обязательно надо всем своим добрым обращением и, конечно, набравшись чуткого терпения, как-то ненавязчиво сперва расположить дорогую супругу к бывшему доверительному общению, а потом уже и к желанию его, как единственного мужчины, как глубинного источника животворного света, жизнь без которого на этой грешной земле для женщины вообще теряет всякий смысл. И быть не может, чтобы он, выходивший из многих судьбоносных споров и противоборств торжествующим победителем, проиграл в этот раз, как бы жизненные обстоятельства для него тяжело и сложно, а порой и вообще невыносимо не складывались!

Согласившись с собой, вместо того, чтобы ещё более облегчённо выдохнуть, Анатолий Петрович тем не менее вдруг задался вопросом, который и прежде то и дело тревожил его беспокойное сознание: “А вообще, эгоизм, вернее, самолюбие, так часто в словах и поступках упрямо движущее характерами многих людей, что же, конкретно говоря, из себя представляет?!” И опыт напряжённых отношений с женой за последнее время привел к одному лишь, весьма горькому ответу: “Разрушающую силу, равно как доброе, так и недоброе, у которой виноваты все, кроме нее самой!..” В таком случае, волей-неволей напрашивается ещё один, более сложный, чем первый, вопрос: “Человек, страстно любящий только себя, способен ли по-настоящему навсегда полюбить другого той жертвенной любовью, без которой семейного счастья быть не может?..” Задав его, Анатолий Петрович неожиданно, против своей воли ушёл в глубокое раздумье... И чем больше оно длилось, тем мрачней и плотнее сдвигались его тёмные брови, острый, как скальпель, взгляд голубых глаз настолько потяжелел, что казалось, налил свинцом, скуластое лицо удручающе побледнело, как на внезапном пятидесятиградусном морозе, сердце словно захолонуло от ледяной воды. Да, по-другому и быть не могло, ибо он начинал всё явственнее приходить к отрицательному выводу, всё более усугублявшемуся. И на его основе уже и родилось что-то наподобие духовной формулы: самовлюблённость — это неумение любить вообще!.. А коль она дана от природы, то получается, что и спорить с ним всё равно, что в ступе воду толочь!

“Пусть будет так! Но не плыть же безвольно, заранее обрекая себя на всевозможные несчастья, по бурному течению жизни? — продолжали, словно горная река на каменистых перекатах, всплывать взволнованные мысли. — Верно, с человеческим эгоизмом, как с любой другой природной, разрушительной силой, бессмысленно бороться

без судьбоносной цели... Но если его невозможно победить до конца, то надо хотя бы твёрдо попытаться направить, словно весенний паводок, в русло ясного сознания, что, как бы ты сильно не любил себя любимого, в одиночку ну, никак не выжить в этом страхе как несправедливым, постоянно, увы, чаще в худшую сторону меняющемся мире. К тому же любая борьба за жизнь, вернее, за любовь, прежде всего, является надеждой, а она, как известно, умирает последней и только тогда, когда исчерпывается всякая возможность компромисса сначала с самим собой, а потом и с объектом твоей любви... Во всяком случае, семейная жизнь не может состоять из одних только уступок своих устоявшихся взглядов, правил, привычек. Но попытка понять характер другого человека при определённых условиях способна обогатить, сделать ещё глубже и сокровенней твою жизнь...”

Всё это ярко, как сухой порох, вспыхнувшее в разгоряченной голове, а потом и глубоко осмысленное, Анатолию Петровичу было несложно принять, ибо оно, неважно в какой мере, но без всякого сомнения относилось и к нему самому... Тем не менее, он не мог не отдавать себе полный отчёт в том, что в семье, пусть и безоглядно созданной, можно сказать, по воле случая, Мария со своей от природы духовно слабой натурой подвержена опасности впадать в растерянность, а в самый критический момент, может, даже и в самую настоящую панику, и значит, не в состоянии служить ему надёжной опорой. А поскольку он не намерен и впредь пасовать перед судьбой, то, может быть, народная поговорка “Один в поле воин!...” относится к нему, как ни к кому другому. Жаль, конечно! Но не настолько сильно, чтобы велевой душой, вынужденной по судьбе больше страдать, чем радоваться, впадать в горькое уныние...

Наконец, можно было позволить голове, сильно уставшей от весьма непростых размышлений, отдохнуть, но неожиданно сознание Анатолия Петровича озарила, как молниевая пламенная вспышка, на первый взгляд показавшаяся уж совсем сложной и потому непривычно тяжёлой вопросительная мысль: “А может ли мужчина, оправданно знающий себе цену, верно понимающий, что всё, свершаемое им самоотвержено, от души, исполнено глубокой заботой о других, любить по-настоящему глубоко эгоистичную, пусть и необыкновенно красивую женщину?” Чувствуя, что ответ сразу найти не удастся, захотелось тотчас отвлечься от мысли-вопроса хотя бы просмотром какой-нибудь захватывающей телевизионной передачи или чтением интересной книги, в конце концов, просто заснуть!.. И, скорей всего, так бы он и поступил, но вдруг чуть ли не в отчаянье, словно по карающей воле свыше, пусть не без сомнения, но до острой боли в сердце подумал: “Если всё-таки моя внезапная озабоченность воспалённого сознания не лишена твёрдых оснований, значит, чувства к Марии, в лучшем случае, являются огневой страстью, которая, как известно, быстро и дотла сгорает, словно костровой хворост на порывистом ветру. Ну, а в худшем — остаётся чрезмерной жадой той солнечно-вдохновенной любви, которая распалилась ещё в ранней юности, частью в силу мужской природы, частью под влиянием созданных писателями в своих классических произведениях ярких персонажей, с которых всей душой хотелось брать пример... И значит, я, так и не сумев до встречи с Марией по-настоящему, — до ликующего восторга неутомимого сердца! — никого полюбить, невольно сам стал заложником созданного мной, как поэтом по духу и по сути, восхитительного образа любви, который, к сожалению, ничем иным не может быть, кроме знойного зыбкого миража... Но я так мастерски, с таким воодушевлением, с таким пылом, словно талантливый артист, играю в жизни роль любовника, что невольно поверил, как в божественную истину, в свои чувства, которые, увы, в реальности могут являться лишь страстным плодом моего богатого, яркого от природы воображения...”

Пусть эти ох, какие болевые, словно ударившие обухом по голове, размышления были только предположением, которое рано или поздно, но обязательно будет подтверждено или отвергнуто жизнью, но от него на душе у Анатолия Петровича стало ещё тяжелей, ещё горше, будто его загнали в каменный мешок, выход из которого если и был, то исключительно через новые, невероятные тяжкие страдания! Но время стремительно, как вспугнутая на озере утка, летело. Надо было хоть немного поспать, чтобы набраться сил для нового трудового дня. И, в очередной раз призвав на помощь свою крепкую, будто чудом выкованную из стали волю, Анатолий Петрович несколько раз всей грудью глубоко вдохнул и с силой выдохнул, резко встряхнул головой, словно сбрасывая налетевшую тучу кровожадных комаров, прямо в гостиную быстро разделся и решительно прошёл в спальню, будто хотел, как в морскую штормовую пучину, нырнуть с головой в спасительный сон.

О, жизнь!.. Пусть по случаю, пусть по неожиданному стечению многих обстоятельств, но встретились два молодых человека, чтобы и боль, и радость делить по-

полам, жить взахлёб делами и мыслями друг друга... Но ещё даже не успели завести ребёнка, как правило, скрепляющего семью крепче, чем цемент строительные кирпичи, как уже по сути, можно честно признать, обратились в два одиночества... Ещё пока не несчастных до того, чтобы всерьёз помышлять о полном разрыве с горькими воспоминаниями, может, даже с чрезмерно жестоким сожалением к самим себе о решении скоропалительно, впопыхах соединиться ради будущей семьи. Той самой дорогой и желанной, в которой с утра до вечера звучал бы, как серебрянный колокольчик, живительный смех детей, куда бы хотелось скорей вернуться с работы, в уют и тепло, созданные с душой руками любимой. И откуда бы и когда бы ни возвращаться, лететь в своё родное гнездо, словно по ранней весне стремительная птица, на мощных крыльях огневой любви. С умилением думать о доме не иначе, как о верном, крепком причале, приносящем сердцу, бьющемуся в созидательной, самоотверженной работе на разрыв, добрый покой и удовлетворение счастливым настоящим, ну и, конечно, неистовым желанием приблизить будущее, ибо очень часто кажется, что самый значимый, самый удачный день всегда тот, который еще только предстоит прожить. О том, что вместе с этим придётся идти сознательно навстречу смерти на самом всё расширяющемся развороте молодых, задорных лет, даже думать не хотелось.

И всё-таки, как убедительно ни говори, как здраво, до боли в темени ни думай, нет и не может быть прощения человеческой жизни... Конечно, с этим она может спорить и спорить! Но прежде чем так опрометчиво поступить, пусть трезво, со всей ответственностью посмотрит на длинный, многомиллионный список тех людей, которые оказались виноваты перед ней лишь потому, что дорогая матушка-природа почему-то не наделила их в необходимой мере крепким духом и здоровым телом. По этой, ох, какой важной причине не в состоянии противостоять ей они не получили ни желаемого счастья, ни заветной любви. Только что всё это значит для неё, столь заносчивой, высокомерной и в тоже время такой удивительно беспредельной, словно косматый, взвихренный звёздными потоками космос, во всю его бесконечность засеянный, как хорошо возделанное, удобное за многие, многие годы пшеничное поле, неисчислимыми, серебристо горящими, таинственными звёздами-всполохами? Комариный писк... Мышиная возня... Сорочья трескотня... Увы, не более...

Однако не станет ли печальный душевный надлом одного одиночества самой настоящей проверкой для другого на умение сохранить дорогое, ставшее судьбоносным чувство? Скорей всего, так и есть! В случае с Анатолием Петровичем, родившимся борцом, это замечательно! Да-да, именно так! Ибо его сильная, можно сказать, стальная мужская натура и создана природой, чтобы в борьбе за свою любовь пожать в ней не только солнечный успех, но и осознание своей непроходящей значимости человека, для которого, в общем-то, лишь условно имеет определённый смысл слово “невозможно”. И пока есть горящая ярко светом будущего счастья надежда, ему по силам обратиться даже самую неимоверную трудность в единственную верную любовь.

Когда Анатолий Петрович нырнул под одеяло, Мария, как часто делала прежде, не повернулась к нему лицом, не положила тёплую, пахнущую гречишным мёдом руку на его широкую, мускулистую грудь. А словно отгородившись толстым стеклом, лежала за ним, вытянувшись в струнку, в непоколебимом молчании. Однако в этот вечер уже ничто не могло его удивить, тем более, что и раньше в тяжёлые минуты супружества жена вместо того, чтобы вместе с мужем дружно, общими усилиями пережить жизненную невзгоду, ободряя друг друга добрыми словами, сообщила размышляя, как облегчить навалившуюся железобетонной плитой судьбу, надолго, порой даже на несколько дней уходила глубоко в себя и о чём напряжённо думала — только Богу одному было известно. И всё же в этот раз Анатолий Петрович о жене с саднящей грустью подумал: “Только бы не стала скоропалительно жалеть о том, что вышла за меня замуж, чтобы потом, когда выяснится в полной мере моя невиновность в переплате денег бригаде Сухих, и вместе с тем неминуемо спадёт то напряжение в наших отношениях, которое мы оба сейчас ох, как остро переживаем, ей не стало передо мной неловко и, может, даже печально и стыдно за свою временную слабость. Я-то точно, даже с великой радостью как можно скорее прощу свою половинку, а вот она себя со своим самолюбивым характером — ещё тот вопрос!..”

И всё-таки уставшую за такой трудный вечер, оказавшийся исполненным тяжких раздумий и не менее трудным разговором, душу, словно здоровенным гранитным камнем, придавило горькое сожаление, что так непросто складываются, можно сказать, ещё в самом начале их с Марией супружеские отношения. С каждой минутой это сложное, угнетающее дух чувство всё усиливалось, пока в разгорячённом мозгу не вспыхнули по понятным причинам совсем не оптимистические стихи, но в общем-то

верно передающие сложившуюся на данный момент ситуацию. И Анатолий Петрович, чтобы скорей освободить душу для сна, про себя прочитал их:

*Лежу, на целый мир в обиде,
и про тебя забыл... почти.
Нет, ничего у нас не выйдет...
Прости, любимая, прости.
Ведь этот мир такой тяжёлый
и так ко мне несправедлив...
Уйду до времени за горы,
не домечтав, не долюбив...
Но путь всё больше в гору, в гору,
всё меньше, меньше под уклон.
Зря ищешь ты во мне опору...
Напрасно я в тебя влюблён...
Но кто мы, кто мы, в самом деле —
и наяву, и в тайных снах?
В одном доме, в одной постели,
а как на разных берегах...*

(Окончание следует)